

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

e-ISSN 1816-8590

DOI 10.22394/1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2020. № 3(135)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2020
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons
Attribution 4.0 License

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук, начальник департамента Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами (Москва)

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Москва);

Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council
Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute
Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);
Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);
Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);
Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);
Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences, Head of the Department of the Presidential Directorate for Inter-regional Relations and Cultural Contacts with Foreign Countries (Moscow)
Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);
Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;
Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);
Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);
Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);
Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);
Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Moscow);
Polyakova T. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Terebnev L. V. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 8** **От главного редактора.** Лишние профессии? Только не в государственном управлении!

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 10** **МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Национализм, авторитаризм, фашизм: почему в странах Прибалтики прошлое становится будущим (статья первая)
- 24** **ШТРИКОВ С. А.**
Электронные порталы исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации как инструмент коммуникативного взаимодействия: результаты эмпирического исследования
- 39** **АЛЁХИНА И. С., ПУТЯ Н. Г.**
Молодежь как субъект и объект государственной молодежной политики: проблемные аспекты понятийного аппарата

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 47** **ШАМАХОВ В. А. , МЕЖЕВИЧ Н. М.**
О европейском опыте в евразийской интеграции

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 54** **ВЕРТАКОВА Ю. В., ПЛОТНИКОВ В. А.**
Традиционные технологии обучения и обеспечение качества экономического образования эпохи цифровой трансформации
- 61** **ШМАТКО А. Д., ГУБИН С. В.**
Кластерный анализ инновационного потенциала субъектов РФ
- 73** **БОРКОВА Е. А.**
Государственная поддержка зеленых инвестиций (на примере возобновляемых источников энергии)
- 80** **АМИРОВ Р. А., БИЛАЛОВА У. М.**
Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 89** **АРТАМОНОВ А. С.**
Вовлеченность работников как ведущий фактор успеха банка на современном этапе
- 99** **ШАЛАШОВА О. Н.**
Институциональный анализ российской избирательной системы

A LINEA

- 110** **ЛИ ЦЗИНЧЭН**
Состояние и перспективы международного сотрудничества в рамках «БРИКС+»

- 121 ДМИТРИЕВА О. В.**
Стратегический анализ внедрения цифровых технологий в процессы управления городом

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 129 КИМ М. Н.**
И. А. Бунин — публицист. О книге А. Измайлова «Ищу я в этом мире сочетанья...»: Этюды о публицистике И. А. Бунина (до 1920 г.)
- 132 МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Рецензия на коллективную монографию — сборник статей «Война между государствами — великое зло». К 110-летию А. А. Громыко

EDITOR'S COLUMN

- 8 From the Chief Editor. Redundant Professions? Not in Public Administration!**

POLICY AND LAWFUL STATE

- 10 NIKOLAY M. MEZHEVICH**
Nationalism, Authoritarianism, Fascism: Why in the Baltic States the Past Becomes the Future (Article One)
- 24 SERGEI A. SHTRIKOV**
Electronic Portals of Executive Bodies of the State Power of the Subjects of the Russian Federation as Communicative Tool: The Empirical Research Results
- 39 IRINA S. ALEKHINA, NATALYA G. PUTRYA**
Youth as a Subject and Object of State Youth Policy: Problematic Aspects of the Concept

EURASIAN STUDIES

- 47 VLADIMIR A. SHAMAKHOV, NIKOLAY M. MEZHEVICH**
On European Experience in Eurasian Integration

POWER AND ECONOMY

- 54 YULIA V. VERTAKOVA, VLADIMIR A. PLOTNIKOV**
Traditional Learning Technologies and Ensuring the Quality of Economic Education in the Era of Digital Transformation
- 61 ALEXEY D. SHMATKO, STEPAN V. GUBIN**
Cluster Analysis of the Innovative Potential of Russian Regions
- 73 ELENA A. BORKOVA**
Government Support for Green Investment (Renewable Energy)
- 80 RASUL A. AMIROV, UZLIPAT M. BILALOVA**
Prospects for the Introduction of Artificial Intelligence Technologies in Higher Education

SOCIETY AND REFORMS

- 89 ALEXANDER S. ARTAMONOV**
Employee Engagement as a Leading Success Factor for a Modern Bank
- 99 OLGA N. SHALASHOVA**
Institutional Analysis of the Russian Electoral System

A LINEA

- 110 LI JINGCHENG**
Status and Prospects of International Cooperation within the Framework of BRICS+

- 121 OLESYA V. DMITRIEVA**
The Strategic Analysis of Digital Solutions Implementation
in the Urban Governance

SCIENTIFIC LIFE

- 129 MAKSIM N. KIM**
I. A. Bunin — Publicist. About New Book of A. Izmailov “I Am Looking for
a Union in this World...”: Sketches on the Publicism
of I. A. Bunin (until 1920)
- 132 NIKOLAY M. MEZHEVICH**
A Review of Collective Monograph — Collection of Articles Entitled
“War Between States — Great Evil”. To the 110th Anniversary
of A. A. Gromyko

Лишние профессии? Только не в государственном управлении!

Redundant Professions? Not in Public Administration!

В предпраздничные мартовские дни прозвучало заявление министра финансов Российской Федерации о профессиях будущего и о будущем, в котором многие профессии исчезнут. Антон Силуанов считает, что с развитием новых технологий такие профессии станут менее актуальны для рынка труда. Наверное, хорошо, что это было озвучено перед праздником и не сильно задержалось в топе новостей. Вопрос не простой, оснований для споров достаточно. Однако для нас это повод еще раз вернуться к вопросу о том, как будет выглядеть с позиций занятости ближайшее будущее и среднесрочная перспектива, т.е. 5–7 лет. Очевидно то, что новая экономика подразумевает сложные технологические циклы, многоуровневые операции, связывающие отрасли и производства. Часть новых

производств действительно может быть автоматизирована, однако виды человеческой деятельности настолько разнообразны, что говорить о качественных изменениях на рынке труда — преждевременно.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы, ее Северо-Западный институт управления характеризует понимание специфики труда и занятости как основания для развития и корректировки учебных планов. Кого мы готовим, и для кого мы готовим? Объективно, это два важнейших вопроса для современной высшей школы.

Возвращаясь к позиции министра, в контексте образовательных программ РАНХиГС отметим следующее. Изменения на рынке труда в последние десятилетия закономерным образом ускорились, то, что раньше растягивалось на несколько поколений, сегодня может произойти за одно десятилетие. Какие профессии уходят с рынка? Как правило, не связанные с принятием управленческих решений, все профессии, которые, во-первых, сегодня уже можно заменить автоматом, а во-вторых, речь идет о профессиях, для которых автомат дешевле человека. Далее, есть ли механизмы, которые могли бы заменить лиц, принимающих экономические, политические, управленческие решения? Как не было, так и нет. Государственное и муниципальное

управление — это не только занятость, но и искусство, соответственно, роботизации в обозримой перспективе не подлежит.

Задачи государственного управления настолько сложны, что их автоматизация столь же невероятна, как и роботизация искусства. Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы не может быть в стороне от новаций в сфере организации труда, однако и избыточная поспешность не может быть признана оптимальной в вопросах, касающихся перспектив российской молодежи.

*Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов*

Национализм, авторитаризм, фашизм: почему в странах Прибалтики прошлое становится будущим (статья первая)

Межевич Н. М.

Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Великая Отечественная война была не только противостоянием стран, но и борьбой идеологий. Фашизм был разгромлен, коммунистическая идеология и демократические практики победили и начали конкурировать между собой. Взаимное сдерживание в послевоенной Европе способствовало тому, что фашизм и неонацизм не могли стать угрозой обществу.

Ослабление внешнего политического управления, распад СССР привели к качественному росту национализма именно в Восточной Европе. Однако именно в странах Прибалтики трансформация национализма в авторитаризм, а авторитаризма в фашизм, прошедшая в 20–40-е годы прошлого века, повторяется опять. Специфике этого процесса посвящены две статьи. Первая рассказывает о специфике политических систем современной Прибалтики, истории стран Прибалтики и генезисе фашистской идеологии в Прибалтике. Вторая статья будет посвящена прибалтийскому национализму как фактору формирования авторитарных и фашистских практик, оценке перспектив возрождения фашизма в Прибалтике и анализу этой опасности для России. Юбилей Великой Победы — это хороший повод не только для гордости за прошлое, но и для того, чтобы найти угрозы будущего.

Ключевые слова: национализм, фашизм, авторитаризм, политические системы, национальная история, войны памяти, Эстония, Латвия, Литва, антисемитизм, историческая политика, парамилитарные формирования, войска СС

Для цитирования: Межевич Н. М. Национализм, авторитаризм, фашизм: почему в странах Прибалтики прошлое становится будущим (статья первая) // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 10–23.

Nationalism, Authoritarianism, Fascism: Why in the Baltic States the Past Becomes the Future (Article One)

Nikolay M. Mezhevich

Institute of Europe of Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation; mez13@mail.ru

ABSTRACT

The Great Patriotic War was not only the opposition of countries, but also the struggle of ideologies. Fascism was defeated, communist ideology and democratic practices won and began to compete among themselves. Mutual deterrence in post-war Europe contributed to fascism and neo-nazism not becoming a threat to society.

The weakening of external political governance and the collapse of the USSR led to a qualitative increase in nationalism in Eastern Europe. However, in the Baltic states the transformation of nationalism into authoritarianism, and authoritarianism into fascism, which took place in the 20–40 years of the last century, is repeated again. Two articles are devoted to the specifics of this process. The first tells about the specifics of the political systems of the modern Baltics, the history of the Baltic countries and the genesis of fascist ideology in the Baltics. The sec-

ond article will be devoted to Baltic nationalism as a factor in the formation of authoritarian and fascist practices, the assessment of the prospects for the revival of fascism in the Baltics and the analysis of this danger for Russia. The anniversary of the Great Victory is a good reason not only for pride in the past, but also for finding threats to the future.

Keywords: nationalism, fascism, authoritarianism, political systems, national history, wars of remembrance, Estonia, Latvia, Lithuania, anti-Semitism, historical politics, paramilitarism formations, SS troops

For citing: Mezhevich N. M. Nationalism, Authoritarianism, Fascism: Why in the Baltic States the Past Becomes the Future (Article One) // Administrative consulting. 2020. N 3. P. 10–23.

Попытки переписать историю и тем самым повлиять на развитие мировых процессов на современном этапе будут продолжаться. Мы должны быть во всеоружии, чтобы этим попыткам было не суждено реализоваться¹

Память, но не рефлекс — возможно, ключевое отличие человека от мира животных. В тех случаях, когда мы говорим о крупных социальных объектах, группах, классах, нациях, память становится коллективной и приобретает новое качество, самостоятельную ценность, выражающуюся в том, что эта группа или общность весь ход исторического процесса воспринимают через данную призму. Кроме того, историческая память наследуется. С ней можно бороться, но ее можно и поддерживать. Ее можно хранить, но можно и переписывать. Историческая память — новое поле боя в условиях стратегического ядерного паритета. Стране, лишенной памяти о своем прошлом, не трудно навязать чужое будущее.

И еще один важный, возможно, ключевой момент. У государств, как и людей, не просто бывает разная память об одних событиях, возможен конфликт памяти. В Эстонии и Латвии ветеран СС, из 15-й, 19-й или 20-й дивизии — это защитник родины, волею случая одетый в немецкий мундир. Им если не гордятся открыто, то пытаются реабилитировать с помощью юридических ухищрений и переоценки прошлого. Для россиян латышские, эстонские и литовские герои — это воины 130-й дивизии Латышского ордена Суворова корпуса, 8-го Эстонского стрелкового Таллинского корпуса, равным образом и 16-й стрелковой Литовской Клайпедской Краснознаменной дивизии. Иного не дано.

Американский ученый, теоретик и практик идеологических диверсий на постсоветском пространстве Пол Гобл указывает на то, что «каждая попытка навязать одностороннее толкование истории встречает противодействие; те, чье будущее зависит от способности контролировать исторические толкования, готовы заплатить за это более высокую цену, чем кто-то может себе представить»². Однако антироссийский пассаж бьет мимо цели, как и все геополитические экзерсисы автора за последние 30 лет. Россия, наследница СССР, заплатившего за победу 27 000 000 000 жизней, показала себя готовой продолжить спокойную и выверенную защиту итогов Второй мировой и Великой Отечественной войны.

Понимание этой ситуации заставляет политический класс Прибалтики применять

¹ Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на церемонии возложения цветов к мемориальным доскам по случаю Дня дипломатического работника, Москва [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4032168 10.02.2020.

² Гобл П. Парад 9 Мая — крупнейшая ошибка Путина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obozrevatel.com/news/2005/5/9/11855.htm> 9.05.2005.

силовые инструменты. Не согласных с реабилитацией нацизма в Прибалтике бросают в тюрьмы, их преследует политическая полиция, их обрекают на нищету, назначая им чудовищные штрафы за политические высказывания. Эта модель избирательного насилия — системный признак авторитарных прибалтийских режимов.

Многочисленные недосказанности национальной истории, «белые пятна», системный геополитический коллаборационизм, реабилитация фашизма выталкивают государства Прибалтики на тяжелую для нас, но, в конечном счете, безнадежную для них пропагандистскую войну.

Впрочем, исходя из внутривнутриполитических задач и по мере системной деградации, в Прибалтике все больше внимания уделяется оправданию собственных граждан, воевавших в частях СС, уничтожавших людей в гетто и концлагерях, сжигавших города и деревни в Советской России, на Украине и в Белоруссии. Госсекретарь МИД ЛР Андрис Тейкманис в опубликованном 11 января 2011 г. интервью газете «Latvijas Avīze» открыто транслировал латвийским ученым-историкам политическую установку официальной Риги: «Не может быть и речи о том, что наши историки придут к каким-то абсолютно новым выводам. Мы свою историю переписывать не будем и не собираемся этого делать. Ни на йоту» [7, с. 14].

В 2012 г. Литва представила новую стратегию «исторической политики»¹. Политическая направленность такая же, как и в Латвии, слог же заставляет вспомнить знаменитый приказ Народного комиссара обороны СССР от 28 июля 1942 г. № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций». Возникает вопрос, почему? В основе государственной концепции стран Прибалтики лежит концепция трех «оккупаций»: двух советских и одной немецкой. Однако даже если согласиться с этим абсурдом, нет логического объяснения, почему эстонцы или латыши в немецкой форме — национальные герои, а в форме советской армии — изменники? Тезис о трех «оккупациях» постепенно трансформируется в модель двух советских «оккупаций». Это было необходимо для того, чтобы сконструировать хотя бы формальные основания для формирования этнократий. «Лишение русских гражданских прав в международном понимании было таким жестоким делом, что для его „заглушки“ потребовалось столь же сильное пропагандистское оружие. Этим оружием эстонцы провозгласили миф об оккупации», — пишет финская журналистка Лезна Хиетанен². (Естественно, это относится к Эстонии и Латвии, но не к Литве, где формировалась и существует несколько иная модель этнического авторитаризма.)

Общим для трех стран Прибалтики является то, что «...компромисс по принципиальному для прибалтов вопросу трактовки их пребывания в составе СССР вряд ли возможен на нынешнем этапе. Ведь оккупационная концепция лежит в основе государственной идеологии, легитимизирует несущие опоры прибалтийской государственности: реституцию и существование института безгражданства» [27, с. 150]. «Темы „советской оккупации“ и „российской угрозы“ служили обоснованием института „неграждан“ в Латвии и Эстонии, и ослабление внимания к ним с высокой вероятностью привело бы к глубокому политическому кризису. Прибалтийские политики отдавали себе отчет в серьезности данных рисков. Поэтому универсальным аргументом вновь стали апелляции к прошлому и национализму» [29, с. 84].

¹ Užsienio reikalų ministro Audroniaus Ažubalio metinis pranešimas Lietuvos Respublikos diplomatinį atstovybių vadovų metiniame suvažiavime. Vilnius, 2012 m. liepos 18 d. [Электронный ресурс]. URL: www.urm.lt/index.php?2021555892. (Ежегодный доклад министра иностранных дел А. Ажубалиса на ежегодной встрече глав дипломатических представительств Литвы. 18 июля 2012 г.).

² Финская журналистка: музей оккупации отрицает холокост, 16 июня 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/finskaya-zhurnalistka-muzej-okkupacii-otricayet-holokost.d?id=19148244>

Эта и подобные позиции были закреплены в официальных оценках МИД РФ. Обратимся к официальному материалу МИД РФ, который был подготовлен 13 февраля 2004 г. и отсутствует на сайте МИД РФ, но сохранен ИА РЕГНУМ: «Об участии латышского легиона СС в военных преступлениях в 1941–1945 гг. и попытках пересмотра в Латвии приговора Нюрнбергского трибунала». Российский подход встретил жесткое сопротивление, никак не меньшее, чем контратаки эстонских и латышских СС из 20-й и 19-й дивизий в 1943–1944 гг. Вывод очевиден. Сложившаяся антагонистическая ситуация исключает достижение межэтнического консенсуса по историческим вопросам, обрекая эти страны на изнурительную конфронтацию между наиболее крупными национальными общинами» [28, с. 13].

Важно отметить и то, что в Эстонии, Латвии, Литве подготовка к войнам памяти велась еще до получения государственной независимости в 1991 г. К этой войне страны Прибалтики готовились с 1988 г., как готовя политико-правовое обоснование собственной концепции истории, так и совершенствуя практики агрессии в отношении российской истории. С 1992 г. начинается замалчивание факта добровольного участия эстонцев в формировании частей СС. Так, в опубликованном в этом году несколькими изданиями учебнике «Очерки истории Эстонского народа» авторскому коллективу националистов-фальсификаторов удалось добиться уникального результата: в главе, посвященной Второй мировой войне, ничего не сказать об участии своих соотечественников в частях СС [12].

Для нас очевидно то, что невозможно отдавать честь legionерам 19-й и 20-й дивизий СС, отрицать геноцид и холокост, участие своих граждан в карательных операциях на территории РСФСР и Советской Белоруссии и надеяться на молчание своих соседей.

В странах Прибалтики нацизм приходит в жизнь, общество и политику малыми шагами и почти незаметно для обывателя, для которого отдельные ситуации не воспринимаются как системные. Кроме того, нацизм легко распространяется в географическом смысле, если где-либо, например, в том или ином государстве, он приобрел устойчивые позиции, а центральная власть принимает решения, исходя из идеологических построений и концептов нацистского свойства. Например, государства Прибалтики, в которых борются с так называемой советской оккупацией, восхваляя нацистских коллаборационистов, повлияли на развертывание нацизма в других странах, прежде всего, на Украине. А уже в дальнейшем развертывание нацистской идеологии на Украине также влияет на ситуацию в прибалтийских государствах.

Анализ современной ситуации в государствах Прибалтики, оценка националистических и авторитарных тенденций важны и нужны, однако «чтобы объяснить фашизм, необходимо рассмотреть его в историческом контексте. На протяжении трех десятилетий он был лишь одним из вариантов более широкого политического идеала — авторитарного национального государства. А оно, в свою очередь, было лишь одной из версий господствующего политического идеала современности — сильного национального государства» [15, с. 7]. В России самостоятельно к этим же выводам пришел историк В. В. Симиндей [26].

Более того, нацизм становится определяющим в общественно-политической жизни, когда он имеет мощную историческую основу, становится компонентом государственной идеологии, является частью исторической памяти.

Проникновение нацизма в общественно-политическую жизнь проходит через несколько этапов. На первом этапе группы влияния подбирают себе соответствующие политические партии. Задача эта не сложна, идеи национального превосходства «коренных» еще с конца 1980-х имели и свои общественные движения и свои протопартии. Так, в Эстонии общество охраны памятников плавно эволюционировало в партию национальной независимости (ППНЭ), из нее вырос Конгресс

граждан. После 1991 г. на правом фланге эстонской, как и литовской, политической линейки тесно от националистов, которые проводят агрессивные мероприятия, активно используют нацистскую символику. В этот же период начинается проведение факельных шествий, начинаются марши в поддержку ветеранов СС.

На втором этапе националистические партии захватывают монополию на историческую истину, начинается ревизия истории, из которой вычеркиваются не только отдельные люди, но и целые народы. Происходит законодательное закрепление реабилитации нацизма в форме «равной ответственности» фашистской Германии и СССР.

На третьем этапе горят книги, а затем и люди. Осуществляется прорыв от идеологии национального превосходства к практикам их осуществления. Третий этап — это перспектива Прибалтики¹.

Данные процессы долгое время не находили в России адекватного внимания. Однако в последнее десятилетие ситуация изменилась. Укажем на сухую академическую формулировку российских ученых: «Имело место „использование“ нацистами прибалтийских националистов в целях более эффективного осуществления гитлеровской экспансионистской и оккупационной политики на Востоке» [19, с. 29]. Однако это не означает отсутствия государственной ответственности Эстонии, Латвии, Литвы за преступления своих граждан-добровольцев. Эстонские, как и латышские эсэсовцы квалифицируются как военные преступники согласно приговору Нюрнбергского военного трибунала: «Рассматривая вопрос об СС, Трибунал включает сюда всех лиц, которые были официально приняты в члены СС, включая членов „общих СС“, войск СС, соединений СС „Мертвая голова“ и членов любого рода полицейских служб, которые были членами СС» [18, с. 655]. Определенная проблема с применимостью решений Нюрнберга к членам военных и парамилитарных формирований есть, о чем будет сказано далее.

«Обеление довоенных режимов, фальсификация причин перемен 1940 года и истории послевоенного периода, политическая реабилитация на уровне государства латвийских нацистских коллаборационистов и одновременно лишение со стороны государства всяческой поддержки тех, кто воевал на стороне антигитлеровской коалиции; наконец, уголовное преследование бывших борцов с гитлеровской Германией и ее пособниками из числа местных жителей — все это звенья одной цепи» [6]. Согласимся с мнением авторитетного специалиста В. Гущина, выраженном в ключевом журнале, сочетающим академичность и выверенную политическую позицию. Однако констатация факта не отменяет вопрос о генезисе явления, стадийности, адекватной политической оценке.

История стран Прибалтики и генезис прибалтийского фашизма

Многие современные характеристики литовского, латышского, эстонского общества объясняются изначально высоким, возможно уникальным уровнем культурного изоляционизма в сочетании с агрессивным национализмом, характерным для всей истории эстонского и латышского народа и большей части истории литовцев.

Доказывая этот тезис, ограничимся двадцатым веком и укажем на то, что «конфликты интересов в многочисленных регионах Российской империи первично существовали не между нерусскими и государством или государствообразующей народностью, а между этнически различными низшими, средними и верхними слоями. То есть, например, между эстонскими и латышскими крестьянами — и прибалтийскими немецкими дворянами и горожанами; между украинскими, литовскими и белорусскими крестьянами — и польской знатью...» [9, с. 405]. Это важный

¹ Используются научные подходы С. С. Середенко и статья [8].

момент, показывающий, что национализм в Прибалтике был, но изначально не был адресован именно на восток.

Еще один признак прибалтийского национализма — его мелкобуржуазное, крестьянское изначалие. «Процесс образования культурной дистанции и конструирования этнической границы нашел свое выражение в создании национальных символов и культурных паттернов, например, в поддержании имиджа сельских районов как носителей аутентичной «норвежской культуры» и перенесении артефактов крестьянской культуры в городской контекст» [11, с. 244]. Эта формула великолепно работала для крестьянских обществ Эстонии, Латвии, Литвы, лишенных до недавнего времени не только политической элиты, но и городского населения вообще.

Рассмотрим этот вопрос подробнее. Практически полностью составляя податное сословие, эстонцы и латыши до начала XIX в. не были представлены в городах, не имели своего купечества, а не только дворянства. Еще в первой четверти XIX в., по словам известного эстонского просветителя О.В. Мазинга, сказать «эстонец» означало сказать «крестьянин» [24, с. 16]. Добавим, что это в полной мере относится ко всем трем «титულным нациям». Формирование политической элиты во второй половине XIX — начале XX в. шло по уникальной модели: зажиточное крестьянство — помещанство («свободные люди» (Freie Leute)) — городской средний класс — национальная интеллигенция — политическая элита.

В «литовских» губерниях ситуация была еще сложнее. Политическая власть находилась у русских и поляков, экономическая — у поляков и евреев. Приведем пример предельной ограниченности возможностей экономической и политической власти будущих титульных этносов. В 1802 г. в Эстляндской губернии из 156 купцов первой гильдии 81 были немцами, 48 — русскими и 27 — эстонцами [33]. Впрочем, «своеобразная комбинация особого прибалтийского правопорядка и введенного во второй половине XIX века российского законодательства по местному самоуправлению значительно расширила возможности латышей и эстонцев в организации и артикуляции своих индивидуальных и групповых интересов» [25]. К примеру, в 1909 г. на выборах в рижскую городскую думу из 80 гласных было 54 не латыша (немцы, русские, евреи) и 26 латышей [30].

Интересен немецкий взгляд на эстонскую нацию: «...эстонцы горды тем, что они как малый народ пережили тысячелетия, и они убеждены, что принадлежат к способной нации, которая не даст себя унижать. На этой земле идеалом является тот, кто упорно сопротивляется, а не завоеватель. Отсюда и презрение к онемечившимся эстонцам ("можжевеловым немцам"), по-остзейски „Kadakasentum“, по-эстонски „kadakas“»¹. Тезис получил развитие в классической эстонской литературе национального возрождения: «Мартин Риземан — немец из того сорта эстонцев, которые не хотят быть эстонцами... среди состоятельных и образованных людей никто не хочет быть эстонцем, это считается унижительным и оскорбительным и когда говорят „эстонец“, то подразумевают только мужика или вообще человека из низших сословий, невежественного и полуграмотного» [4, с. 165].

Приспособление — ключевой способ адаптации жителей Прибалтики в XX в. В 1914 г. писать русским доносы на эстляндских немцев, в 1918 служить немцам, в 1920-м бросать в тюрьмы эстляндских русских — норма, а не исключение из исторического правила. Это же относится к политическому поведению латышей и литовцев.

Такая политика, как бы она ни выглядела с морально-этической точки зрения,

¹ Маленькие истины об эстонцах и немцах. Приложение к «Годовому отчету командира полиции безопасности и СД с июля 1941 по 30. 06. 1942» [Электронный ресурс]. URL: <https://mahtrasass.livejournal.com/56703.html>

дала свои результаты к 1917 г., когда в пределах территории будущей Эстонии действовали 124 молочных и 170 машинных товариществ, 133 потребительских кооператива, 305 обществ взаимного страхования [10, с. 40]. Средний класс или, точнее, мелкая и средняя буржуазия, «достроили» социальную структуру эстонского и латвийского обществ, которая до этого была не полной. Так формировался мощный «средний класс» с его предельно националистическими устремлениями. Политическое представительство помогало развивать «национальных» собственников, формировавших комфортную для себя среду.

Развертывающаяся Первая мировая война привела к физическому устранению как немецкой экономической и политической мощи, так и российского административного и политического аппарата. Более того, несмотря на то, что после войны этническая монолитность на территориях, ставших Латвией, Эстонией и Литвой, возросла, избыточное внимание к национальному вопросу или, проще говоря, официальный и бытовой национализм были визитной карточкой Прибалтики.

Литовский национализм в годы Первой мировой войны оказался таким же, как и эстонский и латышский — предельно агрессивным по отношению «к слабым», основанный на демонстрации подчинения «к сильным». С точки зрения политической психологии это мощный объединяющий фактор на начало 1920-х и 1930-е годы.

Сценарий этнической мобилизации казался самым очевидным и был реализован в 1918–1920 гг. Этот же сценарий, разумеется, с определенными коррективами, был задействован в 1988–1991 гг. Результат очевиден: «Политико-правовая и историческая база обретения независимости в 1918–1920 гг. и 1989–1991 гг. основана на многочисленных нарушениях прав народов и отдельных людей, гражданских войнах, внешней военной агрессии и уникальном политическом оппортунизме» [16, с. 184].

Фактор поздней национальной консолидации довлел над политическими практиками стран Прибалтики в 1920–1930-е годы. Отсутствие или многовековые провалы в национальной истории требуют ее восстановления / реновации. При этом поиск национальных героев представляет собой достаточно сложную задачу. Редактор коллективной «Истории Литвы» А. Шапока еще в 1932 г. написал программную статью, призывавшую коллег «найти литовцев в истории Литвы», поскольку до того ее исследовали «чужие» — немцы, поляки, русские и пр., — имевшие склонность подчеркивать достижения лишь собственного народа [35, р. 2]. Подход, который применил А. Шапока, действует и сейчас. Обратим внимание на следующую цитату: «После прекращения существования ВКЛ (*Великого княжества Литовского* — Н. М.) его материальное наследие и память сознательно уничтожались руками многочисленных оккупационных сил. Не менее важно, что уже во время национального возрождения конца XIX в. и после приобретения независимости Литовской Республики в 1918 г. эту память пришлось делить с Польшей, с которой в первой половине XX века, к сожалению, сложились отнюдь не самые благополучные отношения» [34, с. 367]. Это дало необычный эффект, отмеченный Анатолом Ливеном: «Имея дело с литовскими политиками-националистами, я постоянно убеждался, что они действовали в настоящем времени лишь отчасти; в основе их поведения лежало видение того, как их действия будут выглядеть в карнавале литовской истории, начиная от Великого княжества Литовского и простираясь до будущих учебников истории» [38, р. 54]. Впрочем, относится ли это только к Литве? Конечно же нет: «средневековая слава функционирует как средство легитимации, особенно для националистических правых политических сил» [39, р. 59]. К Эстонии и Латвии вопрос «средневековой славы» не относится ввиду отсутствия последней, но концепция легитимации современности через апелляции к прошлому стала обязательной частью прибалтийского национализма. Причем в Эстонии и Латвии отсутствие славы, пусть даже средневековой, является дополнительной проблемой, выход из которой на удивление традиционен —

причудливый коктейль из государственного и бытового национализма.

Возникнув на скудном историческом субстрате, историческая политика Прибалтики родилась задолго до возникновения соответствующих государств. Карстен Брюггеманн, приглашенный профессор Института истории Таллинского университета, формулирует интересный тезис, напрямую относящийся к странам Прибалтики: если прошлого нет, его следует сконструировать [2].

В случае Эстонии — это легенды о «шведском золотом веке» и память о «проигранной эстонцами (?)» Северной войне. В случае Литвы — предания о Великом княжестве Литовском, не имеющем прямого отношения к современному литовскому государству. Характерно то, что эта мифология активно распространялась и распространяется не историками (новая профессия для Эстонии), а любимыми представителями интеллигенции, вырвавшимися из рабства крестьянского труда. «Поражение в Северной войне (1700), ввергшее эстонский народ в глубочайшую экономическую нищету и духовное прозябание под крылом двуглавого орла, полнейший произвол балтийских помещиков выключили наш народ из целого столетия, именуемого в мировой истории эпохой Просвещения» [23, с. 17]. Здесь каждое слово памятник национальному величию, но одновременно сознательное издевательство над историей. Во-первых, эстонский народ не воевал в Северной войне. Во-вторых, никакого процветания в шведскую эпоху не было, о чем и говорят шведские письменные источники. Эстонские источники им не противоречат ввиду отсутствия последних. В-третьих, «балтийские помещики» имели вполне конкретную национальность: немцы и шведы. И приехали они не в обозе Петра Великого, а жили здесь столетиями и владели землей и людьми. Эстонской и латышской землей и людьми — эстонцами и латышами. Что же касается даты, то в общем ряду она даже не удивительна. Поговорка «лучший сосед эстонец — забор» должна рассматриваться как универсальная характеристика и для латышей, и для литовцев. В основном ее следует читать как культурный изоляционизм от более сильных и крупных этносов: немцев, поляков, русских.

Особый вопрос, изучение которого необходимо для понимания прибалтийской русофобии, это прибалтийский антисемитизм. История антисемитизма в Прибалтике (изначально на польско-литовских землях, затем в остзейских губерниях) началась еще в XVII в., когда большая часть жителей региона ощущала себя «недонемцами» или «недополяками». В условиях формирования чувства собственной вторичности в экономике и политике компенсационным объектом для вымещения националистических комплексов стали евреи, которых не защищал никто: ни имперское государство, ни организованное и богатое остзейское дворянство¹.

Неожиданная трансформация угнетаемого большинства в государствообразующий этнос повлияла на отношение к нацменьшинствам на этих территориях. Политический и экономический хаос, масштабные внешние риски привели к тому, что на этой базе в межвоенный период в Прибалтике выросло немало националистических организаций. Одна из них латышский «Перконкрустс». Вот как характеризует эту организацию один из латвийских историков: «Оригинальным и новым в «Перконкрустсе» было то, что радикальный расистский антисемитизм был не только центральным интегрирующим, но фактически единственным серьезным принципом движения» [32]. Авторитарные правительства 30-х гг. старались сдерживать ультраправых, перехватывая их повестку и ограничивая антисемитские действия, но не слова.

После 1920 г. антисемитские настроения не исчезли, но продолжали присутствовать как часть политической повестки дня на уровне бытового антисемитизма. В 1930-е гг. в авторитарных диктатурах Сметоны, Ульманиса, Пятса антисемитизм

¹ См.: [22].

стал частью государственных практик, но в отличие от фашистской Германии он не перешел на уровень геноцида. Это произойдет позже, как геноцид евреев в Прибалтике в 1941–1944 г.

В основном антисемитизм имеет те же корни, что и русофобия. Но в настоящее время быть открытым антисемитом в странах Прибалтики — значит выпасть из политического мейнстрима. Антисемитизм в Прибалтике устойчив и постоянен. С другой стороны, быть русофобом — это полностью принадлежать генеральной линии. В основе антисемитизма и русофобии лежат одни и те же особенности национального развития, важнейшей из которых является культивируемая ксенофобия ко всем иным, а не только к русским или евреям.

Но вернемся в начало XX в. Провозглашение национальных государств в условиях вакуума силы состоялось. Основатели этих государств, пройдя через статус немецких коллаборантов, были записаны в герои и «отцы нации», а участники националистических военных формирований становились значимой политической силой. Именно эта сила проявит себя позже, при строительстве авторитарных режимов.

Межвоенный авторитаризм в странах Прибалтики как предпосылка нацификации

Исторический подход к политическим системам предполагает, что каждая из них носит на себе отпечаток той специфической проблемы, которую она была призвана решить; иными словами, «всякую политическую систему можно считать ответом на необходимость решить некий насущный вопрос» [1, с. 15]. В 1919–1920 гг. неожиданная независимость потребовала такой политической системы, которая как минимум гарантировала бы ее сохранение.

Первые республики возникли как демократические государства, с абсолютным доминированием социал-демократов и левых. «...Среди латышей резко усилились левые настроения, и на всех основных состоявшихся после Февральской революции в 1917 году выборах в Латвии уверенное большинство получили левые партии» [37]. Затем они пали жертвой национализма и авторитаризма. Особого внимания заслуживает авторитарный этап государственности «первых республик» — «Ульманис — Сметона — Пятс». «Возникнув в горниле Гражданской и национально-освободительной войны, Латвийское государство позиционировало себя как демократическую республику, что нашло закрепление в Конституции 1922 г. Но вслед за принятием конституции началась борьба за ее пересмотр, а фактически — отмену и установление националистической диктатуры» [13, с. 126]. Этот тезис справедлив и для Эстонии, и для Литвы. Произошло это не случайно, а в силу того, что для межвоенных государств «национализм остается ключевым источником идейной власти в посредничестве между формальным конституционным порядком и неформальными практиками, а также в легитимации электорально-авторитарных режимов» [5].

Политические режимы Прибалтики до середины 1930-х гг. были предельно неустойчивыми. В Эстонии в межвоенный период с 1919 по 1934 г. сменился 21 кабинет министров. Кабинеты министров были коалиционными и, как правило, правыми. При этом крупнейшие фракции создавали социал-демократы и центристы — доступа к реальной власти, подчеркнем, не получавшие (в современной Эстонии и Латвии, кстати, такая же картина). В середине 30-х гг. в Прибалтике практически синхронно к власти приходят авторитарные режимы, распускаются политические партии, останавливается действие конституций. Однако эти авторитарные режимы были, по сути, «меньшим злом», остановив рвущиеся к власти полуфашистские и фашистские группировки, например, эстонских вапсов и литовских «железных

волков», латышский «Перконкрустс» [17, с. 72]. Таким образом «...идейные заимствования и собственные идеологические “находки” прибалтийских авторитарных диктатур привели к созданию специфических структур и обкатке практик, объективно сближавших официальные Каунас, Ригу и Таллин с такими недемократическими режимами, как фашистский и нацистский» [26, с. 48].

Сползание к фашизму в Прибалтике, в том числе в Эстонии, происходило традиционным для межвоенной Европы путем. Ветеранская и националистическая организация «Эстонская конфедерация ветеранов Освободительной войны» (Eesti Vabadussõjalaste Keskliit) возникла в 1929 г. на правом фланге эстонского политического спектра. В 1933 г. организация радикализировалась и была реорганизована в «Эстонскую лигу Ветеранов Освободительной войны» (Eesti Vabadussõjalaste Liit), сокращенное наименование «вапсы» (vapsid). Вапсы выступали за создание корпоративного государства, основанного на традиционных национальных ценностях. Организация стала весьма массовой и влиятельной, хотя и несколько маргинальной, насчитывала более 60 000 человек.

Определенный перелом наступил в октябре 1933 г., когда вапсы выдвинули проект новой конституции, идеологически близкий итальянским и немецким фашистским политико-правовым конструкциям. Проект был поддержан на всенародном референдуме — 56% голосов. После этого правящая элита пустила «встречный пал» — совершила государственный переворот. 12 марта 1934 г. правительство Эстонии организовало государственный переворот, установило авторитарный режим и отменило действие конституции, подтвердив при этом все программные националистические установки вапсов¹. Происходившее в Эстонии не являлось исключением. Практически аналогично развивалась ситуация в Литве и Латвии.

В Латвии в 1932 г. была создана фашистская организация «Угункрустс» («Огненный крест»), которая в мае 1933 г. была переименована в «Перконскрутс» («Громовой крест»), «Перконкрустс» издавала одноименную газету, каждый номер которой был увенчан девизом «За латышскую Латвию!» [20, с. 214]. Движение набирало популярность и могло стать конкурентом правящих. В результате в Латвии в 1934 г. после очередного парламентского / партийного кризиса К. Ульманис установил авторитарный режим с национальным и консервативным идеологическим оформлением. Как и его прибалтийские коллеги, К. Ульманис называл себя «полномочным представителем власти народа и государства» или же просто вождем.

В Литве в декабре 1926 г. произошел государственный переворот. Президент и правительство были низложены, А. Сметона получил статус «верховного главы нации». В дальнейшем введены цензура и не прямое голосование на выборах в сейм, и, наконец, конституция 1938 г. еще больше усилила власть президента [21].

Интересно и то, что в межвоенной Прибалтике своего авторитаризма не только не стеснялись, им гордились. «3 апреля 1938 г., обращаясь к палате труда, министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс дал своего рода типологическое определение авторитарного режима — это «однопартийные или беспартийные режимы, называемые также тоталитарными или авторитарными».... Широко известный статистик Я. Бокалдерс, идеолог режима, описывал его как «...политически сплоченное тоталитарное государство...» Тоталитарное! [31, с. 147].

В настоящее время в официальной прибалтийской историографии крайне редко встречаются оценки довоенных режимов, — каких бы то ни было. Причина этого явления в том, что объективная оценка довоенных режимов неизбежно ставит во-

¹ Фашистское движение в Эстонии в 1930-х гг. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rutgers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6766&PORTAL_ID=6763

прос об их континуитете современным авторитарным прибалтийским режимам. По мнению ряда исследователей, в некоторых странах Восточной Европы воспроизводятся отличительные черты организации власти, сформировавшиеся в докоммунистический, межвоенный период [36]. Конечно же, речь не идет о буквальном копировании, воспроизводятся не столько методы, сколько цели.

Ф. Бурлацкий и А. Галкин справедливо указывали на то, что «для определения политического режима необходимо сопоставление официальных, в том числе конституционных и правовых, норм с реальной политической жизнью, провозглашенных целей — с действительной политикой» [3, с. 35–36]. Реальная политика стран Прибалтики — реабилитация нацизма и системный национализм как государственная идеология правящей этнократии. Для этого применяются классические авторитарные практики в фальшивых демократических одеждах: «откат от демократии, но не в форме военных режимов, а в форме псевдodemократии: выборы проводятся, но они подстроены. Существует множество партий, но режим может отбирать кандидатов и избирательно запрещать участие в выборах другим» [14, с. 63]. Так было в прошлом веке в странах Прибалтики, так стало и в настоящее время.

Литература

1. Анкерсмит Ф. Р. Репрезентативная демократия // ЛОГОС. 2004. № 2 (42). С. 15–40.
2. Брюггеманн К. Создание прошлого в условиях авторитаризма: празднование Дня победы в Эстонии в 1934–1939 годы [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2015. № 3(101). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/17b-pr.html>.
3. Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан. Очерки политической социологии капитализма. М., 1985.
4. Вильде Э. На заре. Сборник рассказов и повесть. Таллин, 1964.
5. Гуд П. Национализм в тихое время: идейная власть и постсоветские электорально-авторитарные режимы [Электронный ресурс] // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры — Русское издание. 2014. № 2. URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss22.html>
6. Гущин В. К вопросу о причинах распространения неонацизма в Прибалтике [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14036> 31.10.2015
7. Дюков А. Р., Симиндей В. В. Государственная историческая политика Латвии: материалы к изучению. М.: Фонд «Историческая память», 2011.
8. Еремина Н. В., Межевич Н. М. Нацизм в Прибалтике. Тени больше не исчезают в полдень, они идут на выборы [Электронный ресурс]. URL: http://baltstudies.ru/president_column/natsizm-v-pribaltike/ 5.03.19/
9. Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : антология. М.: Новое издательство, 2005.
10. Карьякарм Т. Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. Таллин, 1976.
11. Куропятник М. С. «Запоздалые нации» Северной Европы: проблема конструирования идентичности // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной международной научной конференции. СПб., 2003.
12. Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Очерки истории эстонского народа / Перевод Б. И. Тух. Таллин : Кооператив писателей Эстонии, 1992.
13. Малнач А. «Национальное движение» и антисемитские эксцессы в Латвийском университете зимой 1922/23 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2016. № 1. С. 125–160.
14. Манн М. Власть в XXI столетии. Беседы с Джоном А. Холлом. М., 2017.
15. Манн М. Объяснение межвоенного подъема авторитаризма и фашизма (из книги) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 2 (17). С. 6–31.
16. Межевич Н. М. К вопросу о факторах формирования политического пространства и госу-

- дарственности в Прибалтике, 1917–1920 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 2 (17). С. 184–198.
17. Межевич Н. М., Смирнов В. А. Структурные факторы формирования политических элит в государствах Прибалтики: 1991–2017 // Вестник РГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. № 4-1. С. 67–78.
 18. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов : В 8 т. Т. 8. М., 1999.
 19. От национализма к коллаборационизму: Прибалтика в годы Второй мировой войны: документы : в 2 т. / отв. сост. А. В. Репников, сост. Р. С. Агарков, Ж. В. Артамонова. Т. 1. М., 2018.
 20. Панин Е. Н. Деятельность националистического подполья в Латвии с июня 1940 по июнь 1941 гг. // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. История и политология. 2009. № 1 (69). С. 212–215.
 21. Пономарева Е. Г. Авторитарный транзит периферийных стран межвоенной Европы: политологический анализ // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 6 (9). С. 188–199.
 22. Прибалтийские исследования в России. 2017–2018. Сборник статей по итогам международной научной конференции «Войны и революции 1917–1920: становление государственности Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы» (г. Санкт-Петербург, 23–25 октября 2017 г.) / Российская ассоциация прибалтийских исследований; Фонд «Историческая память»; сост. Н. М. Межевич. М. : Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2018.
 23. Ристикуви К. Очерки по истории эстонской культуры. Таллин, 1997.
 24. Рихтер Е. Кто и как жил на земле Эстонии. Таллин, 1994.
 25. Руутсоо Р. Исторические типы гражданского общества и организационный капитал народов Прибалтики [Электронный ресурс]. URL: <https://cirs.pro/publications/working-papers-3/>
 26. Симиндей В. В. Огнем, штыком и лезвием. Мировые войны и их националистическая интерпретация в Прибалтике М. : Фонд «Историческая память»; Алгоритм, 2015. 352 с. (Серия «Восточная Европа. XX век». Вып. 7.)
 27. Скачков А. С. Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 140–151.
 28. Скачков А. С. Россия и Прибалтика: причины кризиса // Международная жизнь. 2018. № 9. С. 11–22.
 29. Смирнов В. А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 78–97.
 30. Странга А. Латвия в XX веке в контексте европейской истории [Электронный ресурс]. URL: http://www.latlat.sitcity.ru/stext_0510223939.shtml.
 31. Странга А. Политическая система режима Карлиса Ульманиса в Латвии (1934–1940) // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 3 (26). С. 146–151.
 32. Странга А. Расистский антисемитизм в Латвии: «Перконкрустс» и другие (1932–1933 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lu.lv/materiali/studiju-centri/jsc/resursi/316-327.pdf>
 33. Федосова Э. От беглых староверов к государственной колонизации. Формирование русской диаспоры в Прибалтике (XVIII–XIX вв.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/rm-diaspor/russ/old-believer/
 34. Чепайтене Р. Воспоминание о величии: образ великого княжества литовского в исторической памяти современной Литвы // Український історичний збірник. 2013. Вип. 16. С. 366–392.
 35. Šapoka A. Raskim lietuvius Lietuvos istorijoje [Найдем литовцев в истории Литвы] // Naujoji Romuva. 1932. № 21. Р. 2.
 36. Grzymala-Busse A. Redeeming the past: the regeneration of the communist successor parties in East Central Europe after 1989 N.Y. 2002: Cambridge Univ. Press.
 37. Kreslis U. Политическое развитие Латвии в 20 веке: от «демократии взглядов» и авторитаризма к «демократии денег» // Acta humanitara universitatis Saulensis. Т. 7 (2008). С. 35–43.
 38. Lieven A. The Baltic revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the path to independence. New Haven; L., 1994. Р. 54.
 39. Norgaard O. et al. The Baltic States after independence. Cheltenham Lyme, 1997. Р. 59.

Об авторе:

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mezh13@mail.ru

References

1. Ankersmit F.R. Representative Democracy // LOGOS. 2004. No. 2 (42). P. 15–40. (In rus)
2. Bruggemann K. Creation of the past in the conditions of authoritarianism: celebration of Victory Day in Estonia in 1934–1939 [Electronic resource] // Inviolable reserve [Neprikosnovennyi zapas]. 2015. No. 3(101). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/17b-pr.html>. (In rus)
3. Burlatsky F.M., Galkin A.A. Modern Leviathan. Essays on the political sociology of capitalism. M., 1985. (In rus)
4. Wilde E. At dawn. A collection of stories and a tale. Tallinn, 1964. (In rus)
5. Goode P. Nationalism in a Quiet Time: Ideological Power and Post-Soviet Electoral-Authoritarian Regimes [Electronic Resource] // Forum of the Latest Eastern European History and Culture — Russian Edition [Forum noveishei vostochnoevropeiskoi istorii i kul'tury — Russkoe izdanie]. 2014. No. 2. URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss22.html> (In rus)
6. Guschin V. To the question of the causes of neo-nazism in the Baltics [Electronic Resource]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14036> 31.10.2015. (In rus)
7. Dukov A.R., Simindei V.V. State Historical Policy of Latvia: Materials for Study. Moscow: Historical Memory Foundation, 2011. (In rus)
8. Eremina N.V., Mezhevich N.M. Nazism in the Baltics. Shadows no longer disappear at noon, they go to the polls [Electronic resource]. URL: http://baltstudies.ru/president_column/natsizm-v-pribaltike/ 5.03.19/ (In rus)
9. Kappeler A. Education of the nations and national movements in the Russian Empire // Russian Empire in a foreign historiography. Works of recent years : anthology. M.: New publishing house, 2005. (In rus)
10. Karyakarm T. Estonian bourgeoisie, autocracy and nobility in 1905–1917 Tallinn, 1976. (In rus)
11. Kuropyatnyk M.S. “Late Nations” of Northern Europe: the problem of identity design // St. Petersburg and Nordic countries. Proceedings of the annual international scientific conference. SPb., 2003. (In rus)
12. Laar M., Valk H., Vachtre L. Essays of the History of the Estonian People / Translation of B.I. Tuh. Tallinn: Writers' of Estonia Cooperative, 1992. (In rus)
13. Malnach A. “National Movement” and anti-semitic excesses at the University of Latvia in winter 1922/23 // Journal of Russian and Eastern European Historical Studies [Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniy]. 2016. No. 1. P. 125–160. (In rus)
14. Mann M. Power in the 21st Century. Conversations with John A. Hall. M., 2017. (In rus)
15. Mann M. Explanation of the interwar rise of authoritarianism and fascism (from the book) // Journal of Russian and Eastern European Historical Studies [Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniy]. 2019. No. 2 (17). P. 6–31. (In rus)
16. Mezhevich N.M. On the Issue of Factors of Formation of Political Space and Statehood in the Baltics, 1917–1920 // Journal of Russian and Eastern European Historical Studies [Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniy]. 2019. No. 2 (17). P. 184–198. (In rus)
17. Mezhevich N.M., Smirnov V.A. Structural Factors of Formation of Political Elites in the Baltic States: 1991–2017 // Journal of the RSUH. Series “Political science. History. International relations” [Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»]. 2017. No. 4–1. P. 67–78. (In rus)
18. Nuremberg process. Material collection : In 8 vol. V. 8. M., 1999. (In rus)
19. From Nationalism to Collaborationism: Baltics during World War II: Documents: in 2 vol. Coll. A.V. Repnikov, coll. R.S. Agarkov, J.V. Artamonov. V. 1. M., 2018. (In rus)
20. Panin E.N. Activities of nationalist underground in Latvia from June 1940 to June 1941 // Journal of TSU. Humanities. History and political science [Vestnik TGU. Gumanitarnye nauki. Istoriya i politologiya]. 2009. No. 1 (69). P. 212–215. (In rus)
21. Ponomareva E.G. Authoritarian Transit of Peripheral Countries of Interwar Europe: Political Analysis // Journal of MGIMO-University [Vestnik MGIMO-Universiteta]. 2009. No. 6 (9). P. 188–199. (In rus)
22. Baltic studies in Russia. 2017–2018. Collection of articles on the results of the international scientific conference “Wars and Revolutions 1917–1920: Formation of Statehood of Finland, Estonia, Latvia and Lithuania” (St. Petersburg, on October 23–25, 2017) / Russian Association of Baltic Studies; Historical Memory fund; coll. N.M. Mezhevich. M.: Association of Book Publishers “Russian Book,” 2018. (In rus)
23. Ristikivi K. Essays on the history of Estonian culture. Tallinn, 1997. (In rus)

24. Richter E. Who and how lived on the land of Estonia. Tallinn, 1994. (In rus)
25. Ruutsoo R. Historical types of civil society and organizational capital of the Baltic peoples [Electronic resource]. URL: <https://cissr.pro/publications/working-papers-3/> (In rus)
26. Siminday V.V. Fire, bayonet and flattery. World Wars and their nationalist interpretation in the Baltics M.: Historical Memory Foundation; Algorithm, 2015. 352 p. (Series "Eastern Europe. The XX century". Issue 7.) (In rus)
27. Skachkov A. S. Historical Memory in Political Processes of the Post-Soviet Baltic States // Comparative Policy [Sravnitel'naya politika]. 2017. V. 8. No. 1. P. 140–151. (In rus)
28. Skachkov A. S. Russia and the Baltics: the causes of the crisis // International Life [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2018. No. 9. P. 11–22. (In rus)
29. Smirnov V.A. The role of political elites in the formation of historical policy in the Baltic countries // Baltic Region [Baltiiskii region]. 2015. No. 2 (24). P. 78–97. (In rus)
30. Stranga A. Latvia in the 20th century in the context of European history [Electronic resource]. URL: http://www.latlat.sitecity.ru/stext_0510223939.phtml (In rus)
31. Stranga A. The political system of the Karlis Ulmanis regime in Latvia (1934–1940) // Bereginia. 777. Owl: Society. Policy. Economy [Bereginya. 777. Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika]. 2015. No. 3 (26). P. 146–151. (In rus)
32. Stranga A. Racist anti-semitism in Latvia: Perconkrusts and others (1932–1933) [Electronic resource]. URL: <https://www.lu.lv/materiali/studiju-centri/jsc/resursi/316-327.pdf> (In rus)
33. Fedosova E. From fugitive old men to state colonization. Formation of the Russian diaspora in the Baltics (18th–19th centuries) [Electronic resource]. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/rm-diaspor/russ/old-believer/ (In rus)
34. Chepaytene R. Memory of greatness: the image of the Grand Duchy of Lithuania in the historical memory of modern Lithuania // Ukrainian historical collection [Ukrains'kii istorichnii zbirnik]. 2013. Issue 16. P. 366–392. (In rus)
35. Šapoka A. Raskim lietuvius Lietuvos istorijoje [Let's find Lithuanians in the history of Lithuania] // Naujoji Romuva. 1932. № 21. P. 2. (In Lithuanian)
36. Grzymala-Busse A. Redeeming the past: the regeneration of the communist successor parties in East Central Europe after 1989 N.Y. 2002: Cambridge Univ. Press.
37. Kreslis U. Latvia 's political development in the 20 century: from "democracy of views" and authoritarianism to "democracy of money" // Acta humanitarica universitatis Saulensis. T. 7 (2008). P. 35–43.
38. Lieven A. The Baltic revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the path to independence. New Haven; L., 1994. P. 54.
39. Norgaard O. et al. The Baltic States after independence. Cheltenham Lyme, 1997. P. 59.

About the author:

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Электронные порталы исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации как инструмент коммуникативного взаимодействия: результаты эмпирического исследования

Штриков С. А.

АО «Синергия Групп», Москва, Российская Федерация; shtrikov_sa@cnrg-group.com

РЕФЕРАТ

Цель статьи — обоснование направлений совершенствования коммуникационного потенциала электронных порталов органов государственной власти субъектов Российской Федерации через эмпирический анализ их основных проблем и специфических характеристик. *Методологической основой* работы является проведенное автором фокус-групповое исследование с участием ключевых стейкхолдеров коммуникативного пространства региональных органов власти, отвечающих за развитие промышленности. В исследовании приняли участие представители органов власти субъектов Российской Федерации, отвечающих за взаимодействие с промышленными предприятиями; представители самих промышленных предприятий; а также представители исследовательских учреждений или университетов, которые занимаются разработками для целей промышленности. Сценарий каждой фокус-группы включал в себя как оценку сайтов органов власти, ответственных за реализацию промышленной политики в регионе, так и в целом характеристику коммуникационной политики органов государственной власти, которая основывалась на опыте респондентов (стейкхолдеров). *Результаты анализа* позволили составить рейтинг официальных порталов органов государственной власти, которые отвечают за развитие промышленности. *Выводы* из исследования сводятся к тому, что к основным барьерам развития коммуникационной политики в духе информационного общества относятся: технологические и инфраструктурные проблемы; использование нерабочих или устаревших коммуникационных инструментов, в частности, отсутствие связи с аккаунтами в социальных сетях; отсутствие визуального и контекстуального контента, подчеркивающего специфику региона; чрезмерная политизированность сайта; информационно-отчетный характер сайта и использование исключительно бюрократического языка. Эти проблемы носят системный характер и отражают общие проблемы коммуникационной политики органов государственной власти субъектов Российской Федерации, в результате которых организация взаимодействия с основными стейкхолдерами происходит не на основе общих идей, задач и смыслов, а на основе разрозненных интересов. Взаимодействие органов государственной власти с ключевыми стейкхолдерами в рамках правительственного портала может быть усовершенствовано через работу с компетентностным потенциалом органов государственной власти; технологическим развитием коммуникационных инструментов органов государственной власти, в том числе с точки зрения оценки их эффективности; формированием точек роста и направлений трансформации коммуникационной политики в контексте развития информационного общества.

Ключевые слова: государственная коммуникационная политика; электронные порталы органов государственной власти; фокус-групповое исследование; промышленная политика

Для цитирования: Штриков С. А. Электронные порталы исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации как инструмент коммуникативного взаимодействия: результаты эмпирического исследования // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 24–38.

Electronic Portals of Executive Bodies of the State Power of the Subjects of the Russian Federation as Communicative Tool: The Empirical Research Results

Sergei A. Shtrikov

Synergy Group JSC, Moscow, Russian Federation; shtrikov_sa@cnerg-group.com

ABSTRACT

The *purpose* of the article is to substantiate the directions of improving the communication potential of electronic portals of public authorities of the Russian Federation through an empirical analysis of their main problems and specific characteristics. The *methodological basis* of the paper is the focus group research with the participation of key stakeholders of the communication tools of regional authorities responsible for the development of industry. The study was attended by representatives of the authorities of the constituent entities of the Russian Federation responsible for interaction with industrial enterprises, representatives of industrial enterprises themselves, as well as representatives of research institutions or universities that are engaged in development for industry. The scenario of each focus group included both an assessment of the websites of the authorities responsible for the implementation of the industrial policy in the region and, in general, a description of the communication policy of the public authorities, which was based on the experience of respondents (stakeholders). The *results* of the analysis made it possible to rank the official portals of public authorities responsible for industrial development. The study *concludes* that the main barriers to the development of information society communication policies include: technological and infrastructural problems; the use of non-working or outdated communication tools, in particular, the lack of communication with social media accounts; the lack of visual and contextual content that emphasizes the specifics of the region; excessive politicization of the site; the information reporting nature of the site and the use of an exclusively bureaucratic language. These problems are systemic in nature and reflect the general problems of the communication policy of the public authorities of the constituent entities of the Russian Federation, as a result of which the organization of interaction with key stakeholders is not based on common ideas, objectives and meanings, but on disparate interests. Interaction of public authorities with key stakeholders within the framework of the government portal can be improved by working with the competence potential of public authorities; technological development of communication tools of public authorities, including the assessment of their effectiveness; formation of growth points and directions of transformation of communication policy in the context of the development of the information society.

Keywords: state communication policy; electronic portals of public authorities; focus-group research; industrial policy

For citing: Shtrikov S.A. Electronic Portals of Executive Bodies of the State Power of the Subjects of the Russian Federation as Communicative Tool: The Empirical Research Results // Administrative consulting. 2020. No. 3. P. 24–38.

Введение

Роль коммуникационной политики в развитии процессов государственного управления, в политической динамике современного общества, в становлении гражданского общества и демократического государства сложно переоценить. Коммуникация всегда была важнейшим элементом жизни общества, однако сегодня, в условиях динамизма развития цифровой экономики, информационного общества и общества знаний коммуникационная политика становится системообразующим фактором развития местных и региональных сообществ, национального государства и международной политической системы [13]. Особое значение при этом приобретает коммуникационная политика органов государственной власти на уровне региона, поскольку именно ее промежуточная роль медиатора связывает разнородные потоки коммуникации в единую систему [8; 14]. В условиях развития

информационного общества и появления все новых способов коммуникационного взаимодействия, в том числе развития новых каналов политической коммуникации, происходит нивелирование значимости традиционных средств коммуникации. Напротив, развиваются новые форматы, которые могут быть использованы органами власти для политической коммуникации, и эти каналы, как и сама среда информационного общества, создают предпосылки трансформации коммуникационной политики.

Политическая коммуникация как система является суперсложной, поскольку в разные моменты и при разных условиях может нести в себе и реализовывать в реальности диаметрально противоположные системные качества [16; 18]. Так, она может быть естественной, поскольку реализует изначально присущую человеку потребность в общении, и искусственной, поскольку в ситуации политической жизни требует управляемости [10]. Политическая коммуникация может быть материальной, реализуемой при объективированном участии стейкхолдеров, и идеальной, создающей ценности и цели различных социальных групп. Политическая коммуникация как система довольно статична и инертна, поскольку деятельность органов государственной власти регламентирована и сложно поддается изменениям [19; 20]. В то же время она воплощает, возможно, самую динамичную часть государственного управления, поскольку вынуждена подстраиваться под различные и часто меняющиеся общественные запросы. Наконец, политическая коммуникация как система является одновременно и детерминированной, и вероятной, поскольку основывается на предполагаемом образе диалога, выстроенном органами государственной власти, однако в то же время стихийно разворачивается под воздействием коммуникативных практик индивидов и социальных групп, принимающих в ней участие.

Несмотря на подобную сложность, политическая коммуникация органов государственной власти сегодня, как правило, сводится к организационному началу в виде связей с общественностью [4]. Во многих странах мира, в том числе и в России сложилась базовая модель коммуникационной политики органов государственной власти, в рамках которой решения и проекты органов исполнительной власти не навязываются общественности, а рекламируются и распространяются с помощью новых информационно-коммуникативных технологий [15; 17; 24]. Данная модель организации связей с общественностью в условиях информационного общества предполагает взаимодействие сотрудников органов исполнительной власти с отделами по связям с общественностью в рамках реализации идеологической, информационной, аналитической и организационной функций. Через каналы воздействия на разные целевые аудитории и обратную связь достигается непрерывная работа системы коммуникационной политики [22]. Отдельным направлением работы подразделений по связям с общественностью является размещение и актуализация информации на сайте органов государственной власти и иных информационных ресурсах в сети интернет.

В этих условиях электронный портал органов государственной власти представляет собой коммуникационную модель взаимодействия стейкхолдеров. Поскольку правительственный портал часто лежит в основе информационного и коммуникационного взаимодействия, предлагая доступ к данным, информации о приоритетах текущей политики, а также о персонализации коммуникационных агентов, с которыми бизнес может взаимодействовать, ключевым фактором в развитии портала является его презентация как «зеркало» дорожной карты к достижению намеченного будущего состояния. Контент и дизайн порталов органов государственной власти непосредственно связаны с результативностью коммуникационной политики.

В данной статье мы рассмотрим данные вопросы на примере электронных порталов органов власти субъектов Российской Федерации, отвечающих за промыш-

ленную политику. Выбор объекта эмпирического исследования для анализа развития обусловлен следующими причинами [7; 25; 26].

Во-первых, вопрос развития промышленности является очень актуальным в контексте прогрессивного развития российского общества в условиях санкционного режима. Развитая промышленность дает государству возможность снижать издержки производства и сосредотачиваться на выпуске доходной наукоемкой продукции [6]. Промышленные предприятия играют важнейшую роль в реализации основных государственных экономических, социальных, геополитических проектов. Именно они будут в фокусе нашего эмпирического исследования.

Во-вторых, крупный бизнес, который прежде всего ассоциируется с промышленным развитием, является значимым стейкхолдером коммуникационной политики, заинтересованным в ее трансформации для наилучшего достижения целей своего развития. Государство традиционно стремится заручиться поддержкой крупного бизнеса как высоко ресурсного стейкхолдера, способного оказывать реальное воздействие на происходящие в обществе экономические, социальные и политические процессы. Представители крупного бизнеса в свою очередь имеют собственные интересы и также высоко заинтересованы в диалоге с органами власти. От успешности и интенсивности таких взаимодействий и гармонизации интересов во многом зависит успешность развития региона.

В-третьих, региональные органы власти, отвечающие за развитие промышленности, являются удачным примером органов власти, которые не ориентированы на внешнюю коммуникацию. В их задачи исторически входило развитие системы управления промышленным комплексом с целью усиления его эффективности и конкурентоспособности. Коммуникационные задачи, особенно связанные с вовлечением различных стейкхолдеров, долгое время не были в приоритете. С помощью нашего анализа мы постараемся показать направления трансформации коммуникационной политики в тех органах власти, которые не призваны быть публичными и коммуникативно открытыми.

Материалы и методы

Эмпирическое исследование было реализовано фокус-групповым методом. Преимуществом методики фокус-группового исследования является возможность совмещения глубинного интервью с моделированием проблемы и групповой дискуссией [23]. Фокус-группа представляет собой качественный, гибкий метод сбора информации, поэтому часто используется в политологии в ситуациях анализа развития. Важнейшим преимуществом данного метода является постоянство обратной связи (участники могут объяснить свои позиции, не согласиться и даже иногда поспорить).

Рекрутинг участников и проведение фокус-групп было организовано в дни Международного форума «Российский промышленник», который проходил в Конгрессно-выставочном центре «Экспофорум» 13–15 ноября 2019 г. «Российский промышленник» — одно из самых крупных и авторитетных конгрессно-выставочных мероприятий в России. Его тематикой являются вопросы внедрения инноваций на производстве, меры государственной поддержки промышленных предприятий, региональные практики в рамках реализации промышленной политики. Проведение Форума «способствует формированию государственной промышленной политики России, выработке конкретных предложений в целевые федеральные и региональные программы, содействует инженерному, инновационному, инвестиционному, энергетическому и транспортному перевооружению предприятий, обеспечению их высококвалифицированными кадрами, содействует дальнейшей специализации производств, организации системы субконтрактинга в промышленной сфере, по-

вышению качества и конкурентоспособности продукции, демонстрации лучших образцов для их продвижения на международный и региональные рынки сбыта»¹.

Всего было проведено 6 фокус-групп, длительность каждой составила 2–2,5 часа. В каждой фокус-группе принимало участие от 6 до 9 чел., общая выборка исследования составила 48 чел. Гендерное распределение респондентов составляет 70% мужчин и 30% женщин. В фокус-группах приняли участие менеджеры среднего и высшего звена промышленных предприятий России (20 чел.); представители органов власти субъектов Российской Федерации, отвечающих за взаимодействие с промышленными предприятиями (16 чел.); а также 12 представителей исследовательских учреждений или университетов, которые занимаются разработками для целей промышленности (заведующие кафедрами и руководители исследовательских лабораторий и центров). В каждой фокус-группе участвовало не менее двух представителей каждой из трех выделенных категорий стейкхолдеров.

Основными задачами фокус-групп стали:

1) формирование представления о текущей специфике коммуникационной политики органов государственной власти субъектов Российской Федерации, отвечающих за развитие промышленности;

2) характеристика коммуникационных инструментов органов государственной власти и оценка их эффективности;

3) поиск точек роста и направлений трансформации коммуникационной политики в контексте развития информационного общества.

Сценарий каждой фокус-группы включал в себя как оценку электронных порталов органов государственной власти, ответственных за реализацию промышленной политики в регионе, так и в целом характеристику коммуникационной политики органов государственной власти, которая основывалась на опыте респондентов (стейкхолдеров). Участники фокус-групп под руководством модератора (автора исследования) обсуждали преимущества и недостатки коммуникационного пространства регионов. В результате дискуссии каждый из участников фокус-группы выставлял анонимную оценку коммуникационной политике каждого субъекта Российской Федерации, в качестве условного репрезентатора которого было предложено рассматривать электронный портал органа государственной власти.

Основным инструментом опроса стала анкета, отражающая основные задачи трансформации коммуникационной политики региональных органов власти. Участники фокус-групп определили степень приоритетности (значимости) того или иного направления коммуникационной политики, проранжировали выделенные задачи с точки зрения потенциала их реализации. Также участники фокус-групп могли сделать дополнительные комментарии и отразить задачи, не предусмотренные в таблице. Если данные предложения получали поддержку участников дискуссии, они вносились в таблицу. Итоговый вариант представлен в табл. 1.

Таким образом, были получены качественные оценки по всем задачам трансформации коммуникационной политики. Суммарная оценка была выставлена на основе обобщенного мнения экспертов — использован алгебраический подход анализа экспертных данных. После проведения всех фокус-групп данные оценки были использованы для составления рейтинга официальных порталов органов государственной власти, которые отвечают за развитие промышленности (использовалось среднеарифметическое от суммы всех оценок — десятка лучших и десятка худших порталов по результатам рейтингования представлены в табл. 2). Содержательные комментарии участников фокус-групп в обобщенном виде отражены в следующем разделе статьи.

¹ [Электронный ресурс]. URL: Архив Международного форума «Российский промышленник» <https://www.expoforum.ru/ru/events/Rossiiskii-promyshlennik-2019> (дата обращения: 15.12.2019).

Итоговая анкета для участников фокус-группового исследования

Table 1. Final questionnaire for focus group

№	Задача трансформации	Ранг
1	Насколько коммуникационная политика органа власти, отвечающего за промышленную политику данного региона, способствует <i>управленческим трансформациям</i> , связанным с необходимостью изменения сложившихся в рамках государственной бюрократической структуры практик коммуникационного взаимодействия с представителями различных социальных групп по вопросам решения актуальных проблем политического, социального и экономического развития?	1-2-3-4-5
2	Насколько коммуникационная политика органа власти, отвечающего за промышленную политику данного региона, предполагает <i>формирование правовых основ общества знаний</i> , которое должно учитывать новые типы коммуникационного взаимодействия, возникающие в связи с активным развитием интернет-технологий, и с формированием самонаправленной массовой коммуникации в современном обществе?	1-2-3-4-5
3	Насколько коммуникационная политика органа власти, отвечающего за промышленную политику данного региона, способствует <i>коммуникационно-политическому развитию</i> , направленному на трансформацию принципов политического взаимодействия для развития информационного общества?	1-2-3-4-5
4	Насколько коммуникационная политика органа власти, отвечающего за промышленную политику данного региона, способствует <i>экономическому развитию</i> , повышению уровня жизни государств и их граждан?	1-2-3-4-5
5	Насколько коммуникационная политика органа власти, отвечающего за промышленную политику данного региона, способствует <i>формированию стейкхолдеров нового типа</i> , активно заинтересованных в экономическом развитии с использованием новых коммуникационных технологий?	1-2-3-4-5
6	Насколько коммуникационная политика органа власти, отвечающего за промышленную политику данного региона, предполагает <i>преемственное развитие</i> , сохраняющее региональные традиции и обычаи в условиях глобализации, неизбежно сопровождающей формирование информационного общества?	1-2-3-4-5
7	Насколько коммуникационная политика органа власти, отвечающего за промышленную политику данного региона, способствует <i>духовному и культурному развитию индивидов и социальных групп</i> , связанному с преодолением материально-ориентированных ценностей и развитием духовно богатого потенциала общества знаний и информационного общества?	1-2-3-4-5
8	Насколько коммуникационная политика органа власти, отвечающего за промышленную политику данного региона, способствует <i>технологическому и инфраструктурному развитию</i> , способному поддерживать эффективное становление общества знаний, развитию самонаправленной массовой коммуникации и трансформации коммуникационной политики органов государственной власти?	1-2-3-4-5

№	Задача трансформации	Ранг
9	Насколько коммуникационная политика органа власти, отвечающего за промышленную политику данного региона, способствует <i>безопасному развитию</i> , позволяющему оградить развивающееся информационное общество от глобальных угроз, связанных с радикальной трансформацией общественного уклада?	1-2-3-4-5
10	Насколько коммуникационная политика органа власти, отвечающего за промышленную политику данного региона, способствует <i>устойчивому развитию</i> , направленному на сохранение потенциала окружающей среды для новых поколений?	1-2-3-4-5
11	Насколько коммуникационная политика органа власти, отвечающего за промышленную политику данного региона, способствует <i>развитию общества знаний</i> , формирующего основу для устойчивого, безопасного и технологичного развития в будущем?	1-2-3-4-5

Таблица 2

Рейтинг коммуникационного потенциала электронных порталов региональных органов государственной власти, отвечающих за развитие промышленности (по результатам фокус-группового исследования)

Table 2. Rating of communication potential of electronic portals of regional state authorities responsible for industrial development (according to the results of the focus-group study)

№ в рейтинге	Балл	Субъект РФ	Наименование органа государственной власти	Адрес сайта
1	9,15	Республика Тыва	Министерство экономики Республики Тыва	http://mert.tuva.ru
2	8,44	Приморский край	Департамент промышленности Приморского края	https://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/industry-and-transport/index_old.php
3	8,27	Чукотский автономный округ	Департамент промышленной политики Чукотского автономного округа	http://чукотка.рф/vlast/organy-vlasti/depprom/
4	7,49	Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	Департамент промышленности Ханты-Мансийского автономного округа — Югры	https://depprom.adhmao.ru
5	7,26	Карачаево-Черкесская Республика	Министерство промышленности и торговли Карачаево-Черкесской Республики	http://minpromtorgkchr.ru
6	7,11	Республика Северная Осетия — Алания	Министерство промышленности и транспорта Республики Северная Осетия-Алания	http://minprom.alania.gov.ru

Продолжение табл. 2

№ в рейтинге	Балл	Субъект РФ	Наименование органа государственной власти	Адрес сайта
7	6,87	Камчатский край	Министерство экономического развития и торговли Камчатского края	https://minecon.kamgov.ru
8	6,84	Псковская область	Комитет по экономическому развитию и инвестиционной политике Псковской области	http://economics.pskov.ru/normativnye-akty/promyshlennoe
9	6,82	Ямало-Ненецкий автономный округ	Департамент экономики Ямало-Ненецкого автономного округа	https://de.yanao.ru/activity/66/
10	6,77	Ростовская область	Министерство промышленности и энергетики Ростовской области	https://minprom.donland.ru
76	3,22	Алтайский край	Министерство промышленности и энергетики Алтайского края	https://www.altairegion22.ru/gov/administration/stuct/industry/
77	3,21	Архангельская область	Министерство агропромышленного комплекса и торговли	https://dvinaland.ru/gov/iogv/minapk/
78	3,17	Брянская область	Департамент промышленности, транспорта и связи Брянской области	http://bryanskprom.ru
79	3,15	Волгоградская область	Комитет промышленности и торговли Волгоградской области	https://promtorg.volgograd.ru
80	3,08	Кабардино-Балкарская Республика	Министерство промышленности и торговли КБР	https://minpromtorg.kbr.ru
81	2,89	Владимирская область	Комитет по промышленной политике, науке и импортозамещению Владимирской области	https://kppn.avо.ru
82	2,81	Костромская область	Департамент экономического развития Костромской области	http://www.adm44.ru/power/iogv/economical/
83	2,26	Саратовская область	Министерство промышленности и энергетики Саратовской области	https://saratov.gov.ru/gov/auth/minprom

№ в рейтинге	Балл	Субъект РФ	Наименование органа государственной власти	Адрес сайта
84	1,83	Курская область	Комитет промышленности и транспорта Курской области	https://adm.rkursk.ru/index.php?id=265
85	1,36	Республика Ингушетия	Министерство экономики, промышленности, торговли и туризма республики Ингушетия	http://ekonomri.ru/50

Результаты

Анализ текстов стенограмм фокус-групп и результатов рейтингования правительственных порталов демонстрирует, что пятерку правительственных порталов-лидеров, т. е. сайтов с наибольшим коммуникационным потенциалом, составляют сайт Министерства экономики Республики Тыва, Департамента промышленности Приморского края, Департамента промышленной политики Чукотского автономного округа, Департамент промышленности Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Министерство промышленности и торговли Карачаево-Черкесской республики. Данные порталы отличаются, по мнению участников фокус-групп, прежде всего тем, что они построены на «надбюрократической» идее, что выражается в использовании метафор и выражающих их лозунгов. Например, и на сайте, и в поддерживающих социальных сетях Министерства экономики Республики Тыва присутствуют лозунги, продвигающие и здоровый образ жизни, и идею регионального развития («Здоровая Тыва за здоровое питание!», «За стабильность и развитие!»). Также на сайте выделена миссия министерства — «Формирование и проведение единой государственной социально-экономической политики, способствующей достижению качественно нового уровня конкурентоспособности региона и устойчивому экономическому росту».

Министерство промышленности и торговли Карачаево-Черкесской Республики на сайте разместило не миссию, а актуальные задачи. Это менее способствует развитию коммуникационного потенциала сайта в информационном обществе, однако в целом благоприятно для формирования общего впечатления о деятельности министерства, которое должно сложиться у посетителей сайта.

На сайтах Департамента промышленной политики Чукотского автономного округа и Департамента промышленности Ханты-Мансийского автономного округа — Югры очень сильно акцентирована экологическая компонента, связанная с устойчивым развитием региона и страны в целом. Стоит отметить, что экологическая компонента также присутствует на сайтах Департамента природных ресурсов, экологии и агропромышленного комплекса Ненецкого автономного округа.

Кроме того, в Республике Тыва и Приморском крае органы государственной власти, отвечающие за развитие промышленности, имеют активное продвижение в социальных сетях. Например, аккаунт ВКонтакте Министерства экономики Республики Тыва (<https://vk.com/tuvaekonom>) имеет порядка 4000 подписчиков. Фейсбук-аккаунт Департамента промышленности Приморского края имеет порядка 7000 подписчиков (<https://www.facebook.com/primorskyadmin>).

Создание и активная поддержка аккаунтов в социальных сетях является очень важным, поскольку каждая социальная сеть из тройки лидеров социальных сетей в России охватывает различные социально-демографические характеристики аудитории.

Основными поводами для коммуникации региональных властей, отвечающих за развитие коммуникационной политики, являются:

- информирование;
- создание благоприятного имиджа органов власти;
- обеспечение обоснованности в принятии решений;
- создание благоприятной среды взаимодействия со стейкхолдерами, организация взаимодействия между стейкхолдерами при участии органов государственной власти;
- решение судебных вопросов;
- обсуждение проблемных вопросов, в том числе в развитии окружающей среды.

Основными коммуникационными инструментами региональных органов государственной власти, отвечающими за развитие промышленности, с основными стейкхолдерами являются:

- публичные заявления на сайтах, в социальных сетях;
- встречи, совещания;
- конференции;
- праздники, церемонии награждений;
- пресс-релизы и интервью в традиционных медиа;
- контент веб-сайтов.

Большинство из этих инструментов относятся к так называемым дискретным коммуникациям [1]. Намного меньшую роль играют инструменты, относящиеся к прогрессивным продуктам развития информационного общества, — потоковым коммуникациям:

- онлайн-конференции;
- сообщения в стиле социальных медиа;
- видеопрезентации;
- онлайн-опросы.

Также слабо используются коммуникационные каналы обратной связи, а именно:

- возможность запроса информации;
- отзывы и предложения по работе государственного органа;
- возможность выдвинуть инициативу или предложить решение на сайте органа;
- краудсорсинговые и краудфандинговые проекты.

К основным важным проблемам, которые показывают анализ правительственных порталов участниками фокус-групп, относятся следующие.

1. Технологические и инфраструктурные проблемы. Примерно треть сайтов сделана на технически устаревших платформах, имеют редко обновляемый контент. Например, на сайте Министерства экономики, промышленности, торговли и туризма Республики Ингушетия некоторая информация датируется 2011 г. На сайте Комитета по экономическому развитию и инвестиционной политике Псковской области предполагаются, но не заполнены, аудио-видео материалы — страница с этим контентом пуста. На сайте Министерства экономического развития, инвестиционной политики и инноваций Магаданской области предполагается возможность проведения прямых трансляций, и это единственный сайт из проанализированных с такой возможностью. Используется ли она и насколько активно — оценить не удалось. На сайте Мурманской области представлены результаты опросов 2017 г., в которых проголосовало от 0 до 2 чел.

Лишь единицы (например, Департамент промышленности Приморского края) имеют мобильную версию сайта. Многие сайты не имеют версии для слабовидящих. Также на многих сайтах не прописана политика использования cookies.

2. Использование нерабочих или устаревших коммуникационных инструментов. Такими являются, например, опросы, в которых принимают участие по 1–2 чел. Также непонятны форматы реакции на эти опросы органа государственной власти. Например, 650 чел. (более 30% ответивших) проголосовали, что им «некомфортно жить в Чукотском автономном округе». Какова может быть (и должна быть) реакция департамента промышленной политики на эти данные, исходя из общего контента сайта, неясно.

В большинстве регионов основным, если не единственным, способом коммуникации органов государственной власти с другими стейкхолдерами являются пресс-конференции и публикации в традиционных средствах массовой информации. В этом российские органы власти существенно отстают от развитых стран в совершенствовании инструментов и методов коммуникации [9]. Более чем у трети сайтов полностью отсутствует связь с аккаунтами в социальных сетях. В других случаях наблюдается перекося в сторону только одной социальной сети. Например, в аккаунте ВКонтакте Министерства промышленности и транспорта Республики Северная Осетия-Алания 9 подписчиков, в то время как в Твиттер-аккаунте 1200 подписчиков.

Многие органы государственной власти, отвечающие за развитие промышленности, дают ссылки на общий аккаунт в социальных сетях, используемый администрацией или Правительством (например, Департамент промышленности и энергетики Администрации Томской области). Министерство экономического развития и торговли Республики Адыгея представляет другую крайность — дает ссылки на Аккаунты в соцсетях — лично главы региона Мурата Кумпилова.

Министерство промышленности Ставропольского края размещает фотоблог и видеоблог как отдельные страницы сайта, что нельзя признать рациональным в условиях активного распространения социальных сетей и такого мощного инструмента продвижения визуальной информации, как Инстаграм.

3. Отсутствие визуального и контекстуального контента, подчеркивающего специфику региона. Сайт Департамента природных ресурсов, экологии и агропромышленного комплекса Ненецкого автономного округа предлагает информацию на ненецком языке, но эта функция не работает. Сайт Министерства экономического развития, промышленности и торговли Калининградской области использует нейтральные, стоковые и клипартные рисунки, что придает сайту искусственность и впечатление оторванности деятельности министерства от реальной жизни.

4. Чрезмерная политизированность сайта, препятствующая формированию необходимого ракурса коммуникационно-политического развития. Например, Сайт Министерства промышленности и инновационной политики республики Башкортостан в разделе «Прямая речь» целиком состоит из цитат В. В. Путина и Д. А. Медведева, в то время как раздел «Доклады и выступления» не заполнен вообще.

5. Подавляющее большинство сайтов носит информационно-отчетный характер и использует исключительно бюрократический язык (например, это сайты Министерства промышленности политики Республики Крым или Министерства промышленности и энергетики Республики Дагестан). За редким исключением на сайтах наблюдается отсутствие лозунгов, формирующих мышление, чувство региональной общности. Тем не менее, существующие исключения указывают на возможность формирования альтернативных инструментов коммуникационной политики, более соответствующих духу информационного общества. Так, департамент инвестиционной политики и государственной поддержки предпринимательства Тюменской области использует лозунг «Первые в Сибири». Комитет по промышленной политике, инновациям и торговле Санкт-Петербурга активно продвигает марку «Сделано в Санкт-Петербурге», а Министерство экономического развития и имущественных отношений республики Алтай — лозунг-бренд «Алтайские продукты + 100 к здоровью».

Обсуждение

Проблемы и особенности порталов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, указанные участниками фокус-групп, носят системный характер. Их распространенность и повторяемость говорит о том, что они отражают общие проблемы коммуникационной политики, в результате которых организация взаимодействия с основными стейкхолдерами происходит не на основе общих идей, задач и смыслов, а на основе разрозненных интересов [10; 12].

Современные тенденции развития государства делают невозможным игнорирование необходимости совершенствовать стратегические основы коммуникационной политики органов государственной власти. К таким тенденциям относятся цифровизация индивидуального, организационного и пространственного развития; формирование правовых и институциональных основ общества знаний на международном уровне; внедрение интеллектуальных способов работы с данными и принятия решений на основе анализа больших данных в науке, промышленности, бизнесе, а также в государственном управлении; управленческие трансформации и формирование все новых компетенций у стейкхолдеров информационного общества, к которым в том числе относятся государственные служащие.

Отсутствие обоснованных трансформаций коммуникационной политики в современном обществе приводит к множеству противоречий и проблем, которые могут отрицательно сказаться на стабильности политической системы, способствовать теневизации политики и необоснованной идеологизации, что в свою очередь может привести (а по факту уже приводит) к отказу гражданского общества от политического участия и негативизации образа власти и политического управления в современной России. Кроме того, политическая коммуникация преимущественно реализуется в формате массовой коммуникации, и это предполагает определенные инструменты манипулирования политическим сознанием и поведения.

Выходом из данной ситуации может стать трансформация коммуникационной политики органов государственной власти на основе приоритетов информационного общества [3]. На процессуальном уровне механизмы коммуникационного взаимодействия способствуют изменению управления, изменению поведения политиков и государственных служащих [2; 4; 5]. Эти изменения могут и должны носить эволюционный характер, однако в обществе должен созреть запрос и метафора такой трансформации. По мнению участников фокус-групп, такой метафорой может стать устойчивое развитие. На структурном уровне коммуникационная метафора устойчивого развития связывает граждан, гражданское общество, систему средств массовой информации и правительство, формируя основу для национального диалога, посредством которого формируется информированное общественное мнение. Понимание процесса и структурных аспектов коммуникации имеет решающее значение для эффективной реформы управления [21].

Выводы

В результате проведенного эмпирического исследования мы пришли к выводу, что к основным барьерам развития коммуникационной политики в духе информационного общества относятся: технологические и инфраструктурные проблемы; использование нерабочих или устаревших коммуникационных инструментов, в частности, отсутствие связи с аккаунтами в социальных сетях; отсутствие визуального и контекстуального контента, подчеркивающего специфику региона; чрезмерная политизированность сайта; информационно-отчетный характер сайта и использование исключительно бюрократического языка.

Эти проблемы носят системный характер и отражают общие проблемы коммуникационной политики органов государственной власти субъектов Российской Федерации, в результате которых организация взаимодействия с основными стейкхолдерами происходит не на основе общих идей, задач и смыслов, а на основе разрозненных интересов.

Несмотря на наличие серьезных проблем, существующие исключения (порталы с наибольшим коммуникационным потенциалом представляют сайт Министерства экономики Республики Тыва, Департамента промышленности Приморского края, Департамента промышленной политики Чукотского автономного округа, Департамента промышленности Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Министерства промышленности и торговли Карачаево-Черкесской республики) указывают на возможность формирования альтернативных инструментов коммуникационной политики, более соответствующих духу информационного общества. На процессуальном уровне механизмы коммуникационного взаимодействия способствуют изменению управления, изменению поведения политиков и государственных служащих. Эти изменения могут и должны носить эволюционный характер, однако в обществе должен созреть запрос и метафора такой трансформации. Такой метафорой может стать устойчивое развитие. На структурном уровне коммуникационная метафора устойчивого развития связывает граждан, гражданское общество, систему средств массовой информации и правительство, формируя основу для национального диалога, посредством которого формируется информированное общественное мнение.

Взаимодействие органов государственной власти с ключевыми стейкхолдерами в рамках правительственного портала может быть усовершенствовано через работу с (1) компетентным потенциалом органов государственной власти; (2) технологическим развитием коммуникационных инструментов органов государственной власти, в том числе с точки зрения оценки их эффективности; (3) формированием точек роста и направлений трансформации коммуникационной политики в контексте развития информационного общества.

Литература

1. Белоусов А. Б. Дискретная модель лоббистской коммуникации // Полис. Политические исследования. 2006. № 4. С. 87–101.
2. Кашина М. А., Древаль И. В. Развитие системы дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих в контексте болонского процесса // Управленческое консультирование. 2011. № 2. С. 8–17.
3. Кузнецов П. У. Концептуальные условия государственной политики в сфере цифровой трансформации общества // Российское право. 2018. №6. С. 12–16.
4. Максимов А. М. Трансформация системы связей с общественностью в региональных органах государственной власти в Российской Федерации. Архангельск, 2011.
5. Малышева В. В. Профессиональная компетентность государственных служащих и ее формирование в условиях непрерывного образования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 5. С. 87–91.
6. Медведев В. А. Глобальная экономика: тенденции и противостояния // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 2. С. 3–10.
7. Некрасов В. Н., Архипова О. И. Электронное правительство как инструмент повышения эффективности публичного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 4. С. 66–83.
8. Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая общественно-политическая нормальность и уроки модернизации постсоветской системы управления // Управленческое консультирование. 2016. № 12(96). С. 6–15.
9. Шохин А. Н. Бизнес и власть в России: теория и практика взаимодействия. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

10. Barbero M. J. Digital Convergence in Cultural Communication. Popular Communication. 2009. 7 (3). P. 147–157.
11. Carver T., Pikalo J. Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World. Abingdon : Routledge, 2008.
12. Castells M., Cardoso G. The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington DC : Center for Transatlantic Relations, 2006.
13. Dolničar V., Prevodnik K., Vehovar V. Measuring the Dynamics of Information Societies: Empowering Stakeholders Amid the Digital Divide. The Information Society. 2014. 30 (3). P. 212–228.
14. Gerstlé J. Political Communication: from international institutionalization to national conquest of scientific legitimacy // The Oxford Handbook of French Politics / ed. by R. Elgie, E. Grossman, A. G. Mazur. P. 383–410.
15. Goldfinch S. Pessimism, computer failure, and information systems development in the public sector. Public Administration Review. 2007. 67 (5). P. 917–929.
16. Klievink B., Bharosa N., Tan Y.-H. The collaborative realization of public values and business goals: Governance and infrastructure of public–private information platforms. Government Information Quarterly. 2016. 33 (1). P. 67–79.
17. Menou M. M., Taylor R. D. A “Grand Challenge”: Measuring Information Societies. The Information Society. 2006. 22 (5). P. 261–267.
18. Napoli P. M. Foundations of Communications Policy: Principles and Process in the Regulation of Electronic Media. Cresskill, NJ : Hampton Press Inc., 2001.
19. Norris P. Political Communication // Comparative Politics / ed. by D. Caramani. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 375–409.
20. Raboy M., Landry N., Shtern J. Digital Solidarities, Communication Policy and Multi-Stakeholder Global Governance. New York : Peter Lang, 2010.
21. Rhodes Rod A. W. Recovering the Craft of Public Administration. Public Administration Review. 2015. 76 (4). P. 638–47.
22. Sassen S. Towards a sociology of information technology. Current Sociology. 2002. N 50(3). P. 365–88.
23. Seale C., Gobo G., Gubrium J. F. Qualitative Research Practice. London : Sage, 2007.
24. Skyrius R., Winer C. R. Challenges of Information Technology Management in the 21st Century: 2000 Information Resources Management Association International Conference: Anchorage, Alaska, USA, 2000.
25. Tsekeris C. Industry 4.0 and the digitalisation of society: Curse or cure? Homo Virtualis. 2018. 1 (1). P. 4–12.
26. Van den Bulck H. Tracing media policy decisions: Of stakeholders, networks and advocacy coalitions. Price M et al. (eds) Routledge Handbook of Media Law. London : Routledge. 2012. P. 17–34.

Об авторе:

Штриков Сергей Анатольевич, Генеральный директор АО «Синергия Групп» (Москва, Российская Федерация); shtrikov_sa@cnrg-group.com

References

1. Belousov A. B. Discrete Model of Lobbying Communication // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2006. No. 4. P. 87–101. (In rus)
2. Kashina M. A., Dreval I. V. Development of the system of vocational training of civil servants in the context of the Bologna process // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2011. No. 2. P. 8–17. (In rus)
3. Kuznetsov P. U. Conceptual Conditions of State Policy in the Sphere of Digital Transformation of Society // Russian Law [Rossiiskoe pravo]. 2018. №6. P. 12–16. (In rus)
4. Maksimov A. M. Transformation of the public relations system in regional state authorities in the Russian Federation. Arkhangelsk, 2011. (In rus)
5. Malysheva V. V. Professional competence of civil servants and its formation in conditions of continuous education // News of the Volgograd State Pedagogical University [Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta]. 2007. No. 5. P. 87–91. (In rus)
6. Medvedev V. A. Global Economy: Trends and Confrontations // World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2010. No. 2. P. 3–10. (In rus)

7. Nekrasov V.N., Archpova O.I. Electronic government as a tool to improve the efficiency of public administration // State and municipal administration. Scientific notes of SKAGS [Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS]. 2014. No. 4. P. 66–83. (In rus)
8. Shamakhov V.A., Balashov A.I. New social and political normality and lessons of modernization of the post-Soviet management system // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. No. 12(96). P. 6–15. (In rus)
9. Shokhin A.N. Business and Power in Russia: Theory and Practice of Interaction. M.: HSE publishing house, 2011. (In rus)
10. Barbero M.J. Digital Convergence in Cultural Communication. Popular Communication. 2009. 7 (3). P. 147–157.
11. Carver T., Pikalo J. Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World. Abingdon : Routledge, 2008.
12. Castells M., Cardoso G. The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington DC : Center for Transatlantic Relations, 2006.
13. Dolničar V., Prevodnik K., Vehovar V. Measuring the Dynamics of Information Societies: Empowering Stakeholders Amid the Digital Divide. The Information Society. 2014. 30 (3). P. 212–228.
14. Gerstlé J. Political Communication: from international institutionalization to national conquest of scientific legitimacy // The Oxford Handbook of French Politics / ed. by R. Elgie, E. Grossman, A.G. Mazur. P. 383–410.
15. Goldfinch S. Pessimism, computer failure, and information systems development in the public sector. Public Administration Review. 2007. 67 (5). P. 917–929.
16. Klievink B., Bharosa N., Tan Y.-H. The collaborative realization of public values and business goals: Governance and infrastructure of public-private information platforms. Government Information Quarterly. 2016. 33 (1). P. 67–79.
17. Menou M.M., Taylor R.D. A “Grand Challenge”: Measuring Information Societies. The Information Society. 2006. 22 (5). P. 261–267.
18. Napoli P.M. Foundations of Communications Policy: Principles and Process in the Regulation of Electronic Media. Cresskill, NJ : Hampton Press Inc., 2001.
19. Norris P. Political Communication // Comparative Politics / ed. by D. Caramani. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 375–409.
20. Raboy M., Landry N., Shtern J. Digital Solidarities, Communication Policy and Multi-Stakeholder Global Governance. New York : Peter Lang, 2010.
21. Rhodes Rod A.W. Recovering the Craft of Public Administration. Public Administration Review. 2015. 76 (4). P. 638–47
22. Sassen S. Towards a sociology of information technology. Current Sociology. 2002. N 50(3). P. 365–88.
23. Seale C., Gobo G., Gubrium J.F. Qualitative Research Practice. London : Sage, 2007.
24. Skyrius R., Winer C.R. Challenges of Information Technology Management in the 21st Century: 2000 Information Resources Management Association International Conference: Anchorage, Alaska, USA, 2000.
25. Tsekeris C. Industry 4.0 and the digitalisation of society: Curse or cure? Homo Virtualis. 2018. 1 (1). P. 4–12.
26. Van den Bulck H. Tracing media policy decisions: Of stakeholders, networks and advocacy coalitions. Price M et al. (eds) Routledge Handbook of Media Law. London : Routledge. 2012. P. 17–34.

About the author:

Sergei A. Shtrikov, General Director of Synergy Group JSC (Moscow, Russian Federation); shtrikov_sa@cnrg-group.com

Молодежь как субъект и объект государственной молодежной политики: проблемные аспекты понятийного аппарата

Алёхина И. С. *, Путря Н. Г.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *i.s.alehina@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются понятия «молодежь», «молодежная политика» через призму исторических, социально-политических и законодательных аспектов государственной молодежной политики в Российской Федерации. Авторами проанализированы конституции РСФСР и СССР на предмет определения в них понятий конституционно-правового статуса молодежи, а также конституции и законодательство государств-участников СНГ, модельные законодательные акты МПА СНГ. В результате проведенного исследования нормативно-правовых актов и специальной литературы в сфере государственной молодежной политики выявлены общие закономерности и правовые неопределенности: в части категориально-понятийного аппарата (например отсутствие закрепления дефиниции «подросток»), возрастных границ молодежи, проблемных аспектов молодежной политики, предпринята попытка сформулировать векторы развития и пути их решения.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, государственная молодежная политика, возрастные границы, дети, подросток, учащаяся молодежь, рабочая молодежь, общество, молодежный парламентаризм, конституционно-правовой статус молодежи

Для цитирования: Алёхина И. С., Путря Н. Г. Молодежь как субъект и объект государственной молодежной политики: проблемные аспекты понятийного аппарата // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 39–46.

Youth as a Subject and Object of State Youth Policy: Problematic Aspects of the Concept

Irina S. Alekhina*, Natalya G. Putrya

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *i.s.alehina@yandex.ru

ABSTRACT

The article discusses the concept of «youth», «youth policy» through the prism of historical, socio-political and legislative aspects of state youth policy in the Russian Federation. The authors analyzed the constitutions of the RSFSR and the USSR for the purpose of determining in them the concepts of the constitutional legal status of youth, as well as the constitution and legislation of the CIS member states, model legislative acts of the IPA CIS. As a result of the research of regulatory legal acts and specialized literature in the area of state youth policy, general patterns and legal uncertainties were identified: in terms of categorical-conceptual apparatus (for example, the lack of a definition of the term «teenager»), the age limits of youth, and problematic aspects of youth policy, an attempt was made to formulate development vectors and ways of addressing them.

Keywords: youth, youth policy, state youth policy, age limits, children, teenager, studying youth, working youth, society, youth parliamentarism, constitutional status of youth

For citing: Alekhina I. S., Putrya N. G. Youth as a Subject and Object of State Youth Policy: Problematic Aspects of the Concept // Administrative consulting. 2020. N 3. P. 39–46.

Молодежь является главным стратегическим социально-демографическим ресурсом любого государства. Именно поэтому большое внимание мирового сообщества направлено на эффективное развитие инновационного потенциала молодежи, ее социализацию и интеграцию в общество.

То, каким образом российское государство реализует свои полномочия в отношении молодежи, как оно обеспечивает социально-экономические и общественно-политические условия для становления и развития молодежи, и будет иметь значительное влияние на будущее страны и российское общество в целом.

В России понятие «молодежная политика» получило свое распространение в общественно-политической литературе с 1950-х годов, что «связано с актуализацией молодежи как самостоятельной социальной силы и ее самоопределением в общественно-политическом пространстве» [11, с. 242].

Вопрос о необходимости в разработке современного, качественно иного подхода к молодежной политике и создания ее теоретическо-правовых основ был впервые поднят в 1986 г. И.М. Ильинским¹, научным руководителем и одним из соавторов первого закона в сфере государственной молодежной политики «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР»², принятого в 1991 г. Данный закон впервые в историографии государственной молодежной политики закрепил: понятие «государственная молодежная политика», принципы государственной молодежной политики, компетенцию СССР и союзных республик в области государственной молодежной политики, декларировал правовую и социальную защищенность молодежи.

Главным документом, определявшим ключевые направления государственной молодежной политики, который имел практическое значение для ее реализации, был указ Президента Российской Федерации «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики»³ 1992 г.

В тексте действующей Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г., отсутствуют главные понятия в сфере государственной молодежной политики — «молодежь» и «молодежная политика». Однако исторически так было не всегда — если проанализировать тексты Конституций СССР⁴ и РСФСР⁵ в частности на предмет содержания в них термина «молодежь» или правовых норм, касающихся молодежи, то можно отметить, что в Конституции СССР 1936 г. есть упоминание молодежи в ст.126⁶. А в Конституции СССР 1977 г. уже в нормах че-

¹ Игорь Михайлович Ильинский — советский и российский историк, философ, социолог, доктор философских наук, инициатор и разработчик теоретико-правовых основ государственной молодежной политики.

² Закон СССР от 16.04.1991 № 2114-1 «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» // «Ведомости СНД СССР и ВС СССР». 1991. № 19. Ст. 533.

³ Указ Президента Российской Федерации от 16.09.1992 № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» // «Собрание актов Президента и Правительства РФ». 1992. № 12. Ст. 924.

⁴ Конституция (Основной закон) СССР (утверждена резолюцией II Съезда Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.), Конституция (Основной закон) СССР (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.), Конституция (Основной закон) СССР (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.).

⁵ Конституция (Основной закон) РСФСР (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.), Конституция (Основной закон) РСФСР (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.), Конституция (Основной закон) РСФСР (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.), Конституция (Основной закон) РСФСР (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г.).

⁶ Постановление Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 «О Конституции (Основном законе) Союза Советских Социалистических Республик» // «Известия ЦИК СССР и ВЦИК». 1936. № 283.

тырех статей¹ (7, 25, 45, 100) есть упоминание молодежи и Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи. Среди всех Конституций РСФСР только в Конституции РСФСР 1978 г. упоминался термин «молодежь» (ст. ст. 7, 25, 43, 96)². Например, ст. 25 закреплено: «В РСФСР существует и совершенствуется единая система народного образования, которая обеспечивает общеобразовательную и профессиональную подготовку граждан, служит коммунистическому восприятию, духовному и физическому развитию молодежи, готовит ее к труду и общественной деятельности».

Отдельно стоит отметить, что на сегодняшний день, на постсоветском пространстве, среди государств-участников Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) термин «молодежь» упоминается в Конституции Республики Армения в ст. 86³, Конституции Республики Беларусь в ст. 32⁴, Конституции Узбекистана в ст. 56⁵, Конституции Республики Молдова в ст. 43, 49, 50⁶. В данном аспекте правовое регулирование в сфере государственной молодежной политики в СНГ заслуживает отдельного внимания: в 2012 г. в МПА СНГ принят Модельный закон «О государственной молодежной политике»⁷, определяющий единообразный подход к определению понятий «молодежь» и «государственная молодежная политика» для государств-участников СНГ; Положение «О базовой организации государств-участников Содружества Независимых Государств по работе с молодежью»⁸, Рекомендации по созданию и развитию молодежных парламентских структур в государствах — участниках СНГ⁹ и другие. В результате анализа законодательства государств-участников СНГ в сфере государственной молодежной политики было выявлено, что всего в двух государствах (Республике Армения и Российской Федерации) отсутствуют базовые законы, определяющие реализацию государственной молодежной политики.

После принятия Конституции Российской Федерации 1993 г. первой попыткой создания и принятия федерального закона в сфере реализации государственной молодежной политики был разработанный и получивший одобрение в обеих палатах Федерального Собрания Российской Федерации в 1998 г. проект Федерального за-

¹ Декларация Верховного Совета СССР от 07.10.1977 № 6365-IX «Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик» // «Ведомости ВС СССР». 1977. № 41. Ст. 617.

² Декларация Верховного Совета РСФСР от 12.04.1978 «Конституция (Основной закон) Российской Федерации — Россия» // «Ведомости ВС РСФСР». 1978. № 15. Ст. 407.

³ Конституция Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015> (дата обращения: 20.02.2020).

⁴ Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus> (дата обращения: 20.02.2020).

⁵ Конституция Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lex.uz/acts/35869> (дата обращения: 20.02.2020).

⁶ Конституция Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presedinte.md/rus/constitution> (дата обращения: 20.02.2020).

⁷ Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 23.11.2012 № 38-10 // «Информационный бюллетень МПА СНГ». 2013. № 57 (ч. 1). С. 130–155.

⁸ Решение Совета глав правительств СНГ от 07.06.2016 «О базовой организации государств-участников Содружества Независимых Государств по работе с молодежью» [Электронный ресурс]. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html?reestr/view/text?doc=5412> (дата обращения: 20.02.2020).

⁹ Постановление МПА СНГ от 19.04.2019 № 49-9 «Рекомендации по созданию и развитию молодежных парламентских структур в государствах — участниках СНГ» [Электронный ресурс]. URL: https://iacis.ru/upload/iblock/4e9/prilozhenie-k-postanovleniyu-49_9.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

кона «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации»¹, однако он не был принят по причине наложения вето.

В последующие годы в Государственную Думу еще пять раз вносились законопроекты в сфере реализации государственной молодежной политики, но по ряду объективных причин ни один из них не был принят Государственной Думой. Среди причин, по которым законодатели отклоняли проекты федеральных законов, можно выделить следующие: недоработка понятийного аппарата, вводимого в законопроект; положения преамбулы законопроекта нуждаются в доработке²; для реализации законопроекта потребуются выделение дополнительных средств из федерального бюджета³; в тексте законопроекта не предусматривается корреспондирующих изменений в ряд законодательных актов Российской Федерации⁴; положения данного проекта федерального закона не содержат конкретных правовых норм и являются декларативными⁵.

Актуальные аспекты молодежной политики обсуждались на расширенном заседании Палаты молодых законодателей при Совете Федерации 17.11.2017, посвященном теме «Законодательство и управление в сфере государственной молодежной политики: федеральный и региональный уровни», где особое внимание уделялось необходимости разработки и формирования государственной молодежной политики в современной России.

Таким образом, одной из важнейших проблем в правовом регулировании государственной молодежной политики являлось отсутствие должной нормативно-правовой и научной проработки исследуемой проблематики, отсутствие актуального и логичного категориально-понятийного аппарата, является главной составляющей при определении теоретической и практической направленности закона.

В отсутствие законодательного регулирования с сентября 1994 г. важным вектором, давшим развитие в сфере реализации государственной молодежной политики, стал институт целевого программирования⁶ (как федерального, так и ре-

¹ Проект Федерального закона № 98059899-2 «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=9378 003372379913994794> (дата обращения: 20.02.2020).

² Проект Федерального закона № 98059899-2 «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» (Н. В. Апарина, Е. А. Костерин, В. К. Кошечая и др.), Проект Федерального закона № 428343-4 «О государственной молодежной политике в Российской Федерации» (А. М. Буратаева, В. В. Рязанский, А. А. Турчак и др.), Проект Федерального закона № 340548-6 «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации (Орловский областной Совет народных депутатов), Проект Федерального закона № 663594-6 «О молодежной политике в Российской Федерации» (Самарская Губернская Дума), Проект Федерального закона № 1103505-6 «О государственной молодежной политике в Российской Федерации» (М. М. Бариев, Д. А. Свищев, С. А. Поддубный, Н. С. Валуев и др.).

³ Заключение Комитета по физической культуре, спорту, туризму и делам молодежи «На проект Федерального закона № 1103505-6 «О государственной молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2020).

⁴ Заключение Правительства Российской Федерации от 26.08.2013 № 4962-п-П44 «На проект Федерального закона «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2020).

⁵ Официальный отзыв Правительства Российской Федерации от 18.03.2015 № 1552п-П44 «На проект федерального закона № 663594-6 «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2020).

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 25.11.1994 № 1279 «О федеральной программе «Молодежь России» // СЗ РФ. 1994. № 31. Ст. 3290; Постановление Правительства РФ от 18.06.1997 № 764 «О федеральной целевой программе «Молодежь России (1998–2000 годы)» // СЗ РФ. 1997. № 26. Ст. 3050, Постановление Правительства РФ

гионального), позволивший эффективно решать наиболее приоритетные задачи развития молодежи.

Важной и острой проблемой в сфере государственной молодежной политики является отсутствие единообразного подхода к определению понятия «молодежная политика», понятия «молодежь», что обусловлено использованием своего определенного подхода к определению данных понятий в различных общественно-гуманитарных науках (политология, социология, публичное управление, юриспруденция, демография, педагогика, психология и др.), позволяя по-разному взглянуть на одно и то же понятие.

Например, в социологии «молодежь — это поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий» [7, с. 48]. А в демографии — используется возрастная концепция при определении понятия «молодежь», «в основе данной концепции лежит понимание возраста, как основной, наиболее существенной характеристики, а группообразующим признаком в этом подходе является процесс социального взросления» [9]. В психологии, «понятие «молодежь» учитывает психофизиологические, экономические и социальные критерии... молодежь находится в стадии формирования организма и психики, т. е. это физически и духовно не окрепшая возрастная группа» [2, с. 42].

Определение и закрепление в российском законодательстве понятия «молодежь» важно для осознания **роли молодежи в развитии общества и государства, а также правильной и эффективной разработки федерального закона в сфере государственной молодежной политики.**

Наиболее полно дефиниция «молодежь» сформулирована в «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», где раскрывается не только понятие, но и определяются возрастные категории — «молодежь — социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, — до 35 и более лет¹, имеющих постоянное место жительства в Российской Федерации или проживающих за рубежом (граждане Российской Федерации и соотечественники)»². Важно отметить, что большинство федеральных законов³ подробно регламентируют правовой статус несовершеннолетних, которые по формальным возрастным признакам относятся к молодежи (14–18 лет).

Одним из факторов, затрудняющих формулирование «общего» понятия молодежь, является установление возрастных границ, поскольку различные науки по-разному подходят к их определению.

от 27.12.2000 № 1015 «О федеральной целевой программе «Молодежь России (2001–2005 годы)» // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 172.

¹ Например, в Законе Курганской области от 05.07.2011 № 40 «О государственной молодежной политике в Курганской области» существует оговорка о молодой семье — «семья, в которой оба супруга не достигли 36-летнего возраста».

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 50. Ст. 7185.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации, Трудовой кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»; Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Законодательные акты субъектов Российской Федерации в сфере государственной молодежной политики также не имеют единого подхода к данной проблеме: например, законодательство Республики Башкортостан¹ вовсе не устанавливает возрастные границы молодежи, в то время как в законодательстве Республики Мордовия² нижняя возрастная граница установлена с 18 лет.

Проанализировав нормативно-правовые акты и специальную литературу, можно отметить, что возрастные границы молодежи достаточно обширны и включают граждан с 14 до 30 лет, что затрудняет определение молодежи в таком обширном возрастном диапазоне в один субъект как основной «потенциал» развития общества и государства в будущем, в связи с тем, что старшие группы молодежи уже достигли того возраста и тех навыков и возможностей для того, чтобы быть реальными и полноправными субъектами нашего общества, в то время как младшие группы молодежи — еще находятся в активной фазе становления, формирования и аккумуляции будущего потенциала развития государства и общества. В связи с этим важное значение имеет разграничение целевого программирования для разных возрастных групп молодежи (например: для детей, для подростков, для учащихся, для студентов и др.), а также индивидуализированный подход к каждой возрастной группе молодежи в нормативных правовых актах.

Еще одной острой проблемой в сфере государственной молодежной политики является отсутствие закрепления дефиниции «подросток» и в законодательстве, и в юридической науке, в то время как политология, педагогика, психология, медицина, социология дают четкое его определение. Следует отметить, что устойчивые словосочетания, образованные на основе слова «подросток», часто употребляются в нормативных правовых актах³, в частности: «подростково-молодежные клубы», «подростковая преступность», «подростковые организации». Аналогичная ситуация обстоит с такими понятиями, как «учащаяся молодежь» и «рабочая молодежь».

Отметим, что к проблематике анализа, формулирования таких понятий, как «молодежь», «молодежная политика», «государственная молодежная политика», а также возрастными границами молодежи, субъект-объектной двойственности конституционно-правового статуса молодежи, правовым положением молодежи обращались в своих трудах российские исследователи из разных областей науки, в частности: А. Ю. Гайдин [1], А. И. Зырянова, Л. И. Никифорова [4], А. А. Зеленин [3], П. А. Меркулов [8], И. М. Ильинский [5], Т. В. Шелудякова [10], А. В. Кочетков [6], Т. В. Шушара [11] и др.

На сегодняшний день понятие «государственная молодежная политика» нормативно определено в «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» как «направление деятельности Российской Федерации, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, ...направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализа-

¹ Закон Республики Башкортостан от 12.11.1991 № ВС-9/74 «О молодежной политике в Республике Башкортостан» // «Законы Республики Башкортостан». 1992. Вып. III. С. 26–45.

² Закон Республики Мордовия от 12.11.1996 № 36-3 «О государственной молодежной политике в Республике Мордовия» // «Ведомости ГС РМ». 1996. № 14. Ст. 478.

³ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273 «Об образовании в Российской Федерации» (п. 1 ст. 84), Закон Российской Федерации от 15.05.1991 № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (ст. 4, 25, 27.1, 39), а также ведомственные акты федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Главного государственного санитарного врача Российской Федерации, ведомственные перечни государственных (муниципальных) услуг и работ.

ции молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития»¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ту вариативность определения дефиниций «молодежь», «молодежная политика» и «государственная молодежная политика», которая существует на современном этапе развития государственной молодежной политики, в условиях должного правового регулирования мог бы устранить отсутствующий сегодня базовый интегрирующий федеральный закон в сфере государственной молодежной политики, который позволил бы привести к единообразному толкованию системообразующие понятия в данной сфере. Еще раз подчеркнем, что специалисты из разных отраслей науки не только по-разному определяют данные термины, но и предлагают разные подходы к определению их сущности, например, можно выделить возрастные особенности, в частности используемый социологами «возрастной критерий» или «возрастной подход», используемый учеными-демографами, как существенный критерий при определении понятия молодежь, а также иные подходы, используемые учеными из других отраслей науки.

На наш взгляд, важность закрепления единого понятия «молодежь» и определения ее статуса в российском обществе обусловлена потребностью в разработке качественной и эффективной государственной молодежной политики, что представляется *затруднительным* до тех пор, пока не будет определено понятие «молодежь», как объекта, на которого направлено действие правового регулирования реализации государственной молодежной политики. В этой связи стоит отметить, что современная молодежь должна стать активным субъектом государственной молодежной политики, который бы мог участвовать в определении приоритетных направлений развития, в разработке планов мероприятий, например через молодежные объединения, иные «молодежные структуры, предоставляющие молодому поколению возможность участвовать в социально-политических процессах как на национальном, так и на региональном и местном уровнях. Одним из способов реализации права молодежи на активное участие в политической жизни общества и деятельности государства является молодежный парламентаризм»².

Говоря о важности и значимости молодежи в развитии любого государства, представляется обоснованным дополнить ст. 72 Конституции Российской Федерации пунктом следующего содержания: «установление основ государственной молодежной политики и федеральных целевых программ в области развития и защиты молодежи», а также конституционно закрепить понятие «молодежь», тем самым устранив коллизию понятий «детство» и «молодежь» и подчеркнуть особый социальный статус молодежи.

Литература

1. Гайдин А. Ю. Региональная молодежная политика: социокультурные аспекты : дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2002.
2. Добрынина В. И. Воспитание личности — управляемый процесс // Социальное управление и молодежь. 1969. № 3.
3. Зеленин А. А. Государственная молодежная политика Российской Федерации: концептуальные основы, стратегические приоритеты, эффективность региональных моделей : дис. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2009.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 50. Ст. 7185.

² Постановление МПА СНГ от 19.04.2019 г. № 49-9 «Рекомендации по созданию и развитию молодежных парламентских структур в государствах — участниках СНГ» [Электронный ресурс]. URL: [https://iacis.ru/upload/iblock/4e9/prilozhenie-k-postanovleniyu-49_9.pdf/](https://iacis.ru/upload/iblock/4e9/prilozhenie-k-postanovleniyu-49_9.pdf) (дата обращения: 20.02.2020).

4. Зырянова А. И., Никифорова Л. Е. Сущность понятий «молодежь» и «молодежная политика» в контексте теории публичного управления // Идеи и идеалы. 2017. № 4 (34). С. 43–55.
5. Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. М. : Голос, 2001.
6. Кочетков А. В. Теория правового регулирования государственной молодежной политики в России : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010.
7. Лисовский В. Т. Советское сотрудничество. Социологические очерки. М. : Мысль, 1990.
8. Меркулов П. А. Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России: вторая половина XIX в. — начало XXI в. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014.
9. Тимкина В. К. Множественность подходов к определению понятия «молодежь» // Вестник науки и творчества. 2016. № 8 (8). С. 259–262.
10. Шелудякова Т. В. Государственная молодежная политика в России и зарубежных странах: конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2017.
11. Шушара Т. В. Молодежная политика как неотъемлемый атрибут современного общества // Культурное пространство молодежи: смыслы и практики : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. Т. К. Ростовской. М., 2019. С. 242–244.

Об авторах:

Алехина Ирина Сергеевна, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; i.s.alehina@yandex.ru

Путря Наталья Геннадьевна, магистрант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); natalyaputrya@gmail.com

References

1. Gaidin A. Yu. Regional youth policy: sociocultural aspects: dissertation. Saratov, 2002. (In rus)
2. Dobrinina V. I. Personal Education — Managed Process // Social Administration and Youth [Sotsial'noe upravlenie i molodezh']. 1969. № 3. (In rus)
3. Zelenin A. A. State Youth Policy of the Russian Federation: conceptual bases, strategic priorities, efficiency of regional models: dissertation. Nizhny Novgorod, 2009. (In rus)
4. Zyryanova A. I., Nikiforova L. E. Essence of concepts «youth» and «youth policy» in the context of the theory of public administration // Ideas and ideals [Idei i ideal'y]. 2017. № 4 (34). P. 43–55. (In rus)
5. Ilinsky I. M. Youth and youth policy. M. : Voice, 2001. (In rus)
6. Kochetkov A. V. Theory of legal regulation of state youth policy in Russia: dissertation. St. Petersburg, 2010. (In rus)
7. Lisovsky V. T. Soviet Cooperation. Sociological sketches. M. : Thought, 1990. (In rus)
8. Merkulov P. A. Historical experience in the development and implementation of state youth policy in Russia: the second half of the 19th century — the beginning of the XXI century: doctoral dissertation. Moscow, 2014. (In rus)
9. Timkina V. K. Multiplicity of approaches to definition of the concept of «youth» // Journal of science and creativity [Vestnik nauki i tvorchestva]. 2016. № 8 (8). P. 259–262. (In rus)
10. Sheludyakova T. V. State Youth Policy in Russia and Foreign Countries: Constitutional and Legal Study : dissertation. Voronezh, 2017. (In rus)
11. Shushara T. V. Youth Policy as an Integral Attribute of Modern Society // Cultural Space of Youth: Sences and Practices : Materials of the Russian Scientific and Practical Conference / under General T. K. Rostovskaya. Moscow, 2019. P. 242–244. (In rus)

About the authors:

Irina S. Alekhina, Associate Professor of the Chair of Law of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor, State Counsellor 3rd Class of the Saint-Petersburg; i.s.alehina@yandex.ru

Natalya G. Putrya, Master's Degree Student of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); natalyaputrya@gmail.com

О европейском опыте в евразийской интеграции

Шамахов В. А.^{1, *}, Межевич Н. М.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shamakhov-va@ranepa.ru

²Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Европейский опыт интеграции важен не только как совокупность «лучших практик», но и как способ учета негативного опыта евроинтеграции. Необходимо добиться наиболее тщательного, идеологически нейтрального изучения уникального европейского опыта. Ключевой момент — переход от экономической интеграции к политической. Именно этот момент является крайне важным для Евразийского экономического союза. Попытки форсированного перехода от экономической интеграции к политической создали проблемы для Европейского союза, причем их сложность оказалась недооцененной. Эффективная интеграция в ЕАЭС возможна и эффективна в пределах экономического поля, а вот политическое пространство интеграции на сегодняшний день скорее можно сравнить с минным полем, хороший опыт перемещения по которому накоплен именно в Брюсселе.

Ключевые слова: интеграция, Европейский союз, Евразийский экономический союз, политические ограничения, проблемы адаптации, координация внешней политики

Для цитирования: Шамахов В. А., Межевич Н. М. О европейском опыте в евразийской интеграции // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 47–53.

On European Experience in Eurasian Integration

Vladimir A. Shamakhov^{1, *}, Nikolay M. Mezhevich²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *shamakhov-va@ranepa.ru

²Institute of Europe of Russian Academy of Science, Moscow; Russian Federation

ABSTRACT

European experience of integration is important not only as a set of “best practices,” but also as a way to take into account negative experience of European integration. It is necessary to achieve the most thorough, ideologically neutral study of the unique European experience. The key point is the transition from economic integration to political integration. It is this point that is extremely important for the Eurasian Economic Union. Attempts of forced transition from economic integration to political integration have created problems for the European Union, and their complexity has been underestimated. Effective integration into the EAEU is possible and effective within the economic field, but the political space of integration today can rather be compared to the minefield, good experience of movement on which is accumulated in Brussels.

Keywords: integration, European Union, Eurasian Economic Union, political constraints, adaptation problems, foreign policy coordination

For citing: Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. On European Experience in Eurasian Integration // Administrative consulting. 2020. N 3. P. 47–53.

Европейский союз является на сегодняшний день самым крупным, экономически сильным, равно как и самым перспективным образованием современной Европы. В данной ситуации для России и ее партнеров по ЕАЭС представляется весьма важным поддерживать и развивать дружеские отношения со своим могущественным

соседом, отстаивая свои национальные интересы и по возможности принимая деятельное участие в европейских делах.

Европейская интеграция представляет собой универсальный навигатор для евразийской интеграции. Универсальность не означает абсолютности, но для нас крайне ценны не только достижения, но и проблемы европейской интеграции. Абсолютно очевидно то, что на сегодняшнем этапе европейская интеграция характеризуется сильным разрывом между декларируемыми целями и реальными возможностями. Это напоминает известный советский тезис о «головокружении от успехов» в колхозном строительстве. В строительстве объединенной Европы головокружение от успехов — это стремление к ускоренному политическому строительству, на том основании, что в экономике действительно практически все задачи реализованы. Будучи мощным экономическим объединением, ЕС не слишком силен в политическом плане. Иногда «кажется, что сложение сил европейских держав приводит не к увеличению, а к уменьшению их суммарного потенциала» [8]. Написанный 17 лет назад этот тезис оказался блестящим прогнозом на долгосрочную перспективу.

Интеграция была простимулирована экономическими задачами и начиналась с минимума политических деклараций и подписания каких-то «стратегических» документов. Европейская интеграция началась на уровне экономики предприятий и отраслей. Это дало возможность решить массу проблем ценового, таможенного характера. В Европе только после разрешения «куриных», «автомобильных», «винных», «фармацевтических», «мясных» и прочих войн 1950–1970-х гг. стали решаться вопросы образовательного, медицинского, пенсионного пространства, нахождения механизмов преодоления противоречий, наступал новый этап построения общности.

Вероятно, «Европа переросла уровень чисто экономической интеграции и осознала, что европейское гражданство и демократическая Европа не могут возникнуть на фундаменте экономической практики, ибо, с одной стороны, предполагают наличие объективной политической воли, способной модифицировать схему функционирования европейских институтов в соответствии с принципами демократии и гражданского общества, а с другой — субъективного ощущения гражданского единства, той самой европейской идентичности, создание которой становится «важнейшей антропологической проблемой на рубеже столетий» [13, р. 27]. Однако движение по политическому треку оказалось на порядок более сложным, чем предполагалось двадцать лет назад.

Изучение вопроса об использовании опыта интеграции Европейского союза для целей развития Евразийского союза следует начать с минимума теории. Известный американский экономист Ф. Махлуп попытался проследить ретроспективу термина «интеграция» (от латинского *integratio* — восстановление, восполнение, воссоединение целого). По оценке Ф. Махлупа, он появился не ранее 1942 г., но довольно быстро вошел в обиход и стал применяться к самым различным аспектам международных экономических отношений [14, р. 7].

В начале XXI в. интеграция является одной из наиболее актуальных проблем в изучении процессов и явлений как в объединенной Европе, так и на постсоветском пространстве. Фактически сложились две научных школы: европейская и постсоветская. Предмет изучения один — интеграционные процессы, но объект различен. К сожалению, мы можем найти мало работ, посвященных анализу интеграции как явления, характерного для всего политического и экономического пространства от Лиссабона до Урала. Возникает вопрос, может быть, это невозможно с теоретической точки зрения? Обратимся к точке зрения экспертов. Большинство определений сводится к формуле: «интеграция — это „формирование новой политической системы из существовавших до этого разделенных систем“». По определению У. Уолласа,

интеграция — «это создание и поддержание интенсивных и разносторонних систем взаимодействия между ранее автономными частями» [16, р. 9]. Формальное применение данного определения к постсоветскому пространству невозможно или затруднительно.

Абсолютное большинство иных определений, относящихся к различным дисциплинам и научным школам, также не фиксируют каких-либо теоретических препятствий на пути экономической интеграции. Иными словами, препятствия на пути экономической интеграции от Атлантики до Урала или даже до Владивостока лежат не в теоретической, а в практической сфере.

Может ли Европа стать единым целым? Есть ли смысл в формуле «Европа от Атлантики до Урала», которую предложил Шарль де Голль в ноябре 1959 г.? Феноменальный успех европейской интеграции очевиден. Европейская идея, возродившись после Второй мировой войны, доказала свою жизнеспособность. Движение к интеграции и степень единства экономического пространства постоянно объединяющейся Европы все время менялись. 18 апреля 1951 г. Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, ФРГ и Франция заключили Парижский договор об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), а уже 25 марта 1957 г. страны — участницы ЕОУС подписали Римские договоры, учреждавшие Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Европейское сообщество по атомной энергии (Евroatом). Создание ЕЭС не только способствовало экономическому росту, но и преследовало вполне очевидные политические цели, прежде всего преодоление политических, идеологических и психологических последствий Второй мировой войны¹. Нельзя не отметить то, что решению этих задач способствовало не только единство политических устремлений, но и отсутствие масштабных социально-экономических территориальных контрастов. Еще один ключевой момент, обеспечивший высокий старт евроинтеграции и современное понимание природы интеграции: «...категория наднациональности и (частичного) отказа от государственного суверенитета остается центральной при оценке успешности региональных интеграционных проектов» [1, с. 14].

Процесс развития и превращения этих европейских сообществ в современный Европейский союз происходил, во-первых, путем передачи все большего числа функций управления на наднациональный уровень, во-вторых, увеличения числа участников интеграции и, в-третьих, в рамках концепции субнационального регионального развития [6; 7]. Таким образом, в Европе в начале 1990-х гг. осуществлен переход к новому качеству интеграции, и одновременно в 1995–2007 гг. произошло удвоение количественного состава крупнейшего интеграционного объединения. Это не могло не вызвать определенных проблем. Трудности европейской интеграции сегодня очевидны не только для европейцев, но и для всего мира. Прежняя модель европейской экономической и политической интеграции исчерпала себя. «То, что выглядело триумфом ЕС, обернулось неоднозначными последствиями и явными неудачами, а набранная им скорость продвижения к новым рубежам европейской интеграции оставляет теперь впечатление поспешности. Конечно, в нынешних проблемах Европейского союза огромную роль сыграл внешний фактор — глобальный финансово-экономический кризис. Однако первые осложнения возникли до него, и первопричины кризисного состояния ЕС следует искать внутри него» [2, с. 35].

Как оценивать текущий этап европейской интеграции, сделав соответствующий вывод для интеграции евразийской? «Интеграция приобретала благоприятную репутацию в глазах отдельных стран по мере получения конкретных положительных результатов в ходе реализации не общего, а конкретных, более скромных по за-

¹Подробнее см.: [15].

мыслу проектов взаимодействия по ограниченным направлениям кооперации» [3]. Промежуточный результат эволюции интеграционных процессов в Европе заключается в том, что ЕС, достигнув высокого уровня сплочения, вынужден заниматься оптимизацией. На масштабные геополитические проекты нет и не было средств и, рискуем предположить, необходимой политической воли. Тезис важный и для евразийской интеграции. Сложности, которые казались преодоленными, возвращаются в новом качестве. Объединение Германии изначально вызывало вопросы, не появится ли мощная сила, способная претендовать на лидирующие позиции на континенте. Распад СССР и быстрые преобразования в странах Центральной и Восточной Европы создали возможности для их интеграции в ЕС [12, р. 253–254]. В 2019 г. проблема Германии и вопрос о границах расширения вновь стали актуальными, а рецептов, проверенных временем, нет. «В современных условиях Евросоюз, как никогда, заинтересован во внутреннем сплочении и эффективном распределении бремени лидерства между ведущими странами-членами. Однако на практике во многом происходят противоположные процессы» [4, с. 17].

Оценка европейской интеграции, а значит и оценка ее опыта, не может быть однозначной. Европейская интеграция представлялась органической частью общего процесса глобализации, но как ее позиционировать в условиях разрушения глобализационной практики? Вновь идет «закрепление на международном уровне принципиально новых подходов в торгово-экономических отношениях — свободы торговли на основе недискриминации и рыночной предсказуемости. Новые принципы пришли на смену господствовавшему веками в торговых отношениях правилу „получи выгоду, разорив соседа“ (beggar-thy-neighbor policy)» [10, с. 39]. Внутри ЕС и внутри ЕАЭС это невозможно, но конкуренция между ЕС и ЕАЭС может тяготеть к этому варианту.

Этот момент предполагает возвращение к вопросу о том, можно ли рассматривать интеграционные процессы на западе и востоке Европы как нечто различное, не подчиняющееся общим закономерностям? С нашей точки зрения, в последнее время становится очевидным то, что тенденции развития интеграции имеют много общего. Общего как в положительных, так и в отрицательных примерах. К примеру «свойственная постсоветскому пространству модель „срастания“ бизнеса и политики, культура бизнеса, олигархические тенденции» [5, с. 12] проявляют себя от Испании до Литвы и лишь затем в Москве и Астане. Более того, кризис ЕС не может не проявляться в качестве и скорости интеграционных процессов.

Еще одним примером общих тенденций следует считать то, что «во многих европейских странах политики любят „спихивать“ ответственность за неудачи на Евросоюз. „Это предписание свыше, мы ничего не можем с этим сделать“, говорят они. Зато все хорошее случается только благодаря их усилиям. Как после этого можно ждать от людей, что они будут поддерживать Евросоюз?»¹ Аналогично и с ЕАЭС, который сталкивается с аналогичными проблемами.

Научные исследования с самого начала распада СССР и последующего этапа становления полной независимости бывших советских республик постоянно затрагивали идею постсоветской реинтеграции. Одни эксперты видели в идее реинтеграции под началом России реставрацию в несколько ином виде бывшего союзного государства, другие — шанс сформировать равноправное сотрудничество независимых государств в формате международной организации, по типу ЕС. Третьи рассматривали СНГ как переходный этап к формированию нового правового пространства. Феномен интеграционных объединений является сегодня, в эпоху гло-

¹ «Общеввропейская идентичность еще не сложилась»: социолог Тим Рискенс [Электронный ресурс]. URL: <https://euro-pulse.ru/eurotrend/obshheevropeyskaya-identichnost-eshhe-ne-slozhilas-sotsiolog-tim-riskens> 10.05.2017.

бализации, одной из ярких тенденций международных отношений. В постбиполярный период международных отношений малые и средние государства рассматривают региональные организации как форму выживания, ответ на вызовы новых процессов и сохранения своей цивилизационной самобытности в условиях глобализации. Примеров такого рода много: ЕС, АСЕАН, НАФТА, МЕРКОСУР, ОАЕ, ЛАГ и другие. Государства постсоветского пространства стоят перед таким же вызовом истории, так как для них «быть или не быть интеграции» — это не просто вопрос о пересмотре отношений между собой, а еще и вопрос о месте и судьбе в глобализированном миропорядке.

Почти двадцать лет назад российский международник С. Рогов писал: «К сожалению, Россия оказалась в изоляции от интеграционных процессов, охвативших европейский континент. Развернувшееся после окончания холодной войны строительство „общеевропейского дома“ идет без участия России. Европа консолидируется под флагом Европейского союза. По существу, понятия Европа и ЕС становятся синонимами» [11, с. 270]. С этим тезисом можно было согласиться в 2002 г., но сейчас он как минимум спорен. К востоку от Люблина тоже расположена Европа.

Оценивая систему интеграционных связей бывшего СССР, можно сказать, что степень взаимозависимости республиканских экономик была намного выше, чем в ЕС или между отдельными штатами США. Однако объединительные процессы во многом были вызваны не экономической целесообразностью, а действием политических, идеологических факторов. Считалось, что политическая трансформация постсоветского пространства однозначно шла в направлении от советской тоталитарной политической системы к системе демократической. В настоящее время становится очевидным, что это упрощенное представление о сущности трансформации, которая на самом деле является гораздо более сложным, многомерным процессом с множеством постоянных и переменных величин.

Впрочем, и в экономическом и политическом сотрудничестве проблем достаточно: «Обилие юридически необязательных двухсторонних соглашений наряду с систематическим применением исключений и межправительственным характером интеграции привело не только к тому, что СНГ не смогло трансформироваться в реальное экономическое образование с высоким уровнем интеграции и элементами наднационального управления, но и помешало в рамках СНГ возникнуть реальному политическому союзу» [5, с. 5]. Так абсолютно справедливо отмечает коллектив политологов под идейным руководством литовских экспертов.

Еще одной проблемой является уверенность ряда участников ЕАЭС в возможностях одновременной интеграции в ЕС и ЕАЭС. Украинский опыт оказывается плохо усвоенным. К примеру, в Армении была подготовлена Стратегия экспортно-ориентированной индустриальной политики. «Авторы Стратегии предполагают сочетать возможности благоприятного торгового режима, предоставленного Европейским союзом, с одной стороны, и преимущества членства в Таможенном союзе — с другой» [9, с. 10].

В чем же принципиальное различие в эволюции интеграционных процессов в Европе и на постсоветском пространстве? Европа, достигнув весьма высокого уровня интеграции, вынуждена заниматься оптимизацией достигнутого. Медленная и осторожная интеграция на постсоветском пространстве может ориентироваться не только на собственный опыт, но и на анализ европейской практики экономической интеграции. При этом нам в ЕАЭС следует учитывать реальные проблемы европейской интеграции.

Однако сейчас на будущее европейско-евразийских отношений постепенно формируется новый взгляд.

Итоги эволюции Европейского союза не просто важны, они бесценны. Уникальные достижения прошлого и политические проблемы современности свидетель-

ствуют о том, что переход от масштабной экономической к политической интеграции — самый сложный этап развития межгосударственного союза. Укажем и на то, что проблемы координации внешней политики, миграционной политики, углубления координации в силовой сфере становятся критически важными для Союза с более чем полувековой историей.

Каковы же итоги евроинтеграции? Почему решение Берлина по миграционной политике становится приговором для ЕС в целом? Почему Варшава ставит ультиматумы Брюсселю, и это уже никого не удивляет? Почему не работает аппарат принуждения, в общем-то, имеющийся, на институциональном уровне? Возможно ли одновременное географическое расширение и качественное углубление сотрудничества? Все эти вопросы крайне актуальны для Евразийского экономического союза. Основной вывод, который можно сделать, заключается в том, что не следует форсировать расширение ЕАЭС в ущерб качеству интеграции. Ускорять экономическую интеграцию искусственно и пытаться привить интеграционное сознание на неподходящую почву — ошибка. Начинать политическую интеграцию, не решив ключевые задачи в экономике, — также ошибка. Евразийская интеграция прошла за пять лет путь от Таможенного союза в 2010 г. до Евразийского экономического пространства в 2012 г. и, наконец, до начала функционирования Евразийского экономического союза в 2015 г.: путь, на прохождение которого Европе потребовалось более 30 лет¹. Это является достижением, но и проблемой, помощь в решении которой — учет европейского опыта.

Литература

1. Болгова И., Никитина Ю. Евразийский экономический союз между интеграцией и суверенитетом // Современная Европа. 2019. № 5. С. 13–22.
2. Борко Ю. А. Европа-XXI: дальше вверх или дальше вниз? [Электронный ресурс] // Европейская безопасность. 2011. № 26 (42). URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-564845.html>
3. Бусыгина И. М. Асимметричная интеграция в Евросоюзе // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3 (15). С. 18–27.
4. Громыко Ал. А. Введение. Умерла ли «европейская мечта»? Европа XXI века. Новые вызовы и риски / под общ. ред. Ал. А. Громыко, В. П. Фёдорова. М., СПб. : Нестор-История, 2017.
5. Евразийский союз: вызов для Евросоюза и государств «Восточного партнерства». Вильнюс : Центр восточноевропейских исследований, 2012.
6. Зонова Т. В. От Европы государств к Европе регионов // Полис. 1999. № 5. С. 155–164.
7. Иванов И. Д. Европа регионов. М., 1998.
8. Караганов С. А. Российская политика в эпоху глобализации // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1, № 2. С. 10–20.
9. Кузьмина Е. М. Экономическое развитие стран ЕАЭС и перспективы экономической интеграции до 2025 г. М. : Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам», 2017.
10. Портанский А. П. Свобода торговли — цель на все времена // «14 пунктов» Вильсона сто лет спустя: как переизобрести мировой порядок. М. : Центр стратегических разработок, 2018.
11. Рогов С. М. Изоляция от интеграции // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002 : хрестоматия : в 4 т. / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Рос. ассоц. междунар. исслед., АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование.)»; Сост. Т. А. Шаклеина. М. : РОССПЭН, 2002. Т. 1.
12. Conquest R. Reflections on a Ravaged Century, New York: W.W. Norton, 2000.

¹Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России [Текст]: докл. к XX Апрель. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. // Т. В. Бордачев, К. О. Вишневский, М. К. Глазатова и др. ; отв. ред. Т. А. Мешкова ; Нац. исслед. ун-т Высшая школа экономики. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 4.

13. *Dumont, G.-F.* Les racines de l'identite europeenne, Paris: Economica, 1999.
14. *Machlup F. A.* History of Thought on Economic Integration. L., 1977.
15. *Nielson B., Stubb A.* The European Union: Reading on the Theory and History of European Integration. Boulder, 2003.
16. *Wallace W.* The Dynamics of European Integration. L., 1990.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Bolgova I., Nikitina Yu. Eurasian Economic Union between Integration and Sovereignty // Modern Europe [Sovremennaya Evropa]. 2019. No. 5. P. 13–22. (In rus)
2. Borko Yu. A. Europe XXI: further up or further down? [Electronic resource] // European security [Evropeiskaya bezopasnost']. 2011. No. 26 (42). URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-564845.html> (In rus)
3. Busygina I. M. Asymmetric Integration in the European Union // International Processes [Mezhdunarodnye protsessy]. 2007. V. 5. No. 3 (15). P. 18–27. (In rus)
4. Gromyko Al A. Introduction. Has the “European dream” died? 21st century Europe. New challenges and risks / under General. Al. A. Gromyko, V. P. Fedorov. M., SPb. : Nestor-History, 2017. (In rus)
5. Eurasian Union: a challenge for the European Union and Eastern Partnership states. Vilnius: Centre for Eastern European Studies, 2012. (In rus)
6. Zonova T. V. From Europe of states to Europe of regions // Polis. 1999. No. 5. P. 155–164. (In rus)
7. Ivanov I. D. Europe of regions. M., 1998. (In rus)
8. Karaganov S. A. Russian politics in the era of globalization // Russia in global politics [Rossiya v global'noi politike]. 2003. V. 1, No. 2. P. 10–20. (In rus)
9. Kuzmina E. M. Economic development of the EAEU countries and prospects for economic integration until 2025. M. : Non-profit partnership “Russian Council for International Affairs”, 2017. (In rus)
10. Portansky A. P. Freedom of Trade is an all-time goal // Wilson 's “14 points” a century later: how to re-establish the world order. M. : Center for Strategic Development, 2018. (In rus)
11. Rogov S. M. Isolation from Integration // Foreign Policy and Security of Modern Russia, 1991–2002: chrestomy: in 4 volumes / Moscow. State Ministry of Foreign Affairs, Russian Association of International Researches, “ISE Center (Information. Science. Education.)”; Collection of T. A. Shakleina. M. : ROSSPEN, 2002. V. 1. (In rus)
12. Conquest R. Reflections on a Ravaged Century, New York : W.W. Norton, 2000.
13. *Dumont G.-F.* Les racines de l'identite europeenne, Paris: Economica, 1999.
14. *Machlup F. A.* History of Thought on Economic Integration. L., 1977.
15. *Nielson B., Stubb A.* The European Union: Reading on the Theory and History of European Integration. Boulder, 2003.
16. *Wallace W.* The Dynamics of European Integration. L., 1990.

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Традиционные технологии обучения и обеспечение качества экономического образования эпохи цифровой трансформации*

Вертакова Ю. В.¹, Плотников В. А.^{2, *}

¹Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

²Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *plotnikov_2000@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены вызовы Четвертой промышленной революции и обусловленные ею новые требования к качеству образования. Отмечается возрастание значимости информационных технологий в социально-экономических процессах, в частности — в образовании. В то же время, авторы доказывают, что главное в образовании — это его результат, а не используемые образовательные технологии. Для качественного экономического образования необходимо активное использование не только новых «модных», но и традиционных образовательных технологий.

Ключевые слова: экономическая наука, экономическое образование, технологии образования, информационные технологии, цифровизация образования, качество образования

Для цитирования: Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Традиционные технологии обучения и обеспечение качества экономического образования эпохи цифровой трансформации // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 54–60.

Traditional Learning Technologies and Ensuring the Quality of Economic Education in the Era of Digital Transformation

Yulia V. Vertakova¹, Vladimir A. Plotnikov^{2, *}

¹Southwest State University, Kursk, Russian Federation

²Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation; *plotnikov_2000@mail.ru

ABSTRACT

The article considers the challenges of the Fourth Industrial Revolution and the resulting new requirements for the quality of education. There is an increase in the importance of information technologies in socio-economic processes, in particular in education. At the same time, the authors prove that the main thing in education is its result, not the educational technologies used. High-quality economic education requires the active use of not only new “fashion” technologies, but also traditional educational technologies.

Keywords: economic science, economic education, technologies of education, information technologies, education digitalization, quality of education

For citing: Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. Traditional Learning Technologies and Ensuring the Quality of Economic Education in the Era of Digital Transformation // Administrative consulting. 2020. N 3. P. 54–60.

В современных условиях, когда экономика и общество развиваются в условиях стремительно разворачивающейся Четвертой промышленно-технологической рево-

* Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации НШ-2702.2020.6 «Концептуальные основы новой парадигмы экономического развития в эпоху технологической и социальной трансформации».

люции [2; 5 и др.], концепция которой во многом построена на проникновении во все социально-экономические процессы (а не только в производство) информационно-коммуникационных и, в частности, цифровых технологий [4; 8 и др.], особое значение должно уделяться образованию.

Для подтверждения подобной позиции есть множество аргументированных доказательств. Мы остановимся на одном — «технократическом». Действительно, если предположить, что критически важным элементом ядра нового, формируемого сегодня, технологического уклада будут информационные технологии [1], то инструменты обработки, передачи, накопления и хранения, визуализации и — самое главное — создания новой информации и новых знаний приобретают первостепенное значение. При этом, несмотря на важность и значимость технических средств работы с информацией, создавать действительно новое знание, базируясь на слабо формализуемых эвристиках может пока что только человек.

Анонсируемые и активно продвигаемые сегодня системы так называемого «искусственного интеллекта» (ИИ, англ. «artificial intelligence» — AI) на самом деле вовсе не так совершенны, как указывается в рекламных проспектах компаний-разработчиков, а зачастую попросту являются результатом манипуляций и подтасовок реальных фактов [7]. Слабость имеющихся разработок и их несовершенство, по сравнению с интеллектом естественным, человеческим, вынужденно признает, например, один из мировых лидеров в создании коммерческих систем искусственного интеллекта — компания DeepMind (дочерняя структура Google).

Проведенные этой компанией экспериментальные тестирования ИИ с помощью стандартных IQ-тестов показали: «Результаты теста не были хорошими. Когда проблемы обучения и тестирования были сосредоточены на одних и тех же абстрактных факторах, системы работали хорошо, правильно отвечая на проблемы в 75% случаев. Тем не менее ИИ работали очень плохо, если набор для тестирования отличался от обучающего набора, даже когда разница была незначительной... В конечном счете тест IQ команды показывает, что даже некоторые из самых современных ИИ не могут понять проблемы, которые мы не обучили их решать. Это означает, что мы, вероятно, еще далеки от общего ИИ».

Следует специально отметить, что приведенная выше в кавычках цитата получена нами путем выполнения машинного перевода материалов с сайта Всемирного экономического форума [6] с использованием стандартных Google-сервисов, базирующихся, в том числе, на технологиях ИИ. Очевидно слабое качество перевода, суть информационного сообщения можно понять лишь из контекста, да и то — не полностью (интересующегося читателя мы отсылаем к приведенной ссылке с тем, чтобы была возможность убедиться в низком качестве перевода).

Итак, ключевым игроком в наступающей высокотехнологичной цифровой реальности все же останется человек, хотя и оснащенный новыми высокопроизводительными и эффективными информационными инструментами. Это означает, что требования к его интеллектуальному развитию также становятся более высокими. А формирование интеллекта человека, если и можно отнести к явлениям биологического свойства, то его развитие и совершенствование осуществляются в социальной среде, через постоянное обучение. Это является одной из причин, по нашему мнению, высокого внимания к проблемам непрерывного образования, «образования через всю жизнь» [3].

Для того чтобы интеллектуальные способности людей развивались, требуется, повторимся, эффективная система образования, в которой обучающимся не только передают некоторую сумму знаний и культурных навыков, но и научают технологиям извлечения информации из окружающего мира, генерации нового знания. То есть процесс обучения, по нашему мнению, должен быть ориентирован именно на этот, знаниевый, аспект.

Такой подход несколько противоречит тем тенденциям, которые ныне активно развиваются в отечественном образовании и связаны с внедрением некоторых новых методик, основанных на использовании современных технических средств. Нет, мы не выступаем в качестве ретроградов и не отрицаем необходимости использования презентаций или информационных справочных ресурсов в обучении. Конечно, все это — необходимые элементы, которые в полной мере способствуют не только собственно обучению, но и социализации обучаемых.

Но мы настаиваем на необходимости глубокого понимания обучаемыми сущности базовых категорий, используемых в той или иной области человеческого знания и практической деятельности. А это требует кропотливой работы, как аудиторной, так и неаудиторной (самостоятельной), с использованием традиционных способов и технологий, используемых в образовании уже сотни лет, когда преподаватель разъясняет в процессе персонального и группового взаимодействия обучаемому сущность тех или иных понятий, закономерностей и т.д. А затем добывается понимания их сущности, а не механического запоминания определений, свойств или (что сегодня встречается довольно часто) источников, где, в случае необходимости, можно почерпнуть соответствующую информацию.

Особенно важен такой подход при изучении базовых учебных дисциплин, таких как «Экономическая теория», «Основы менеджмента» и т.п. Разберем далее пример реализации рассмотренного подхода, базируясь на учебно-методическом разборе одного из базовых понятий современной экономической науки (да и практики тоже) — «товар».

Несмотря на кажущуюся обыденность данного слова и очевидность его смысла, далеко не каждый практикующий экономист (а уж не экономист — тем более) сможет дать достаточно логичное объяснение — что это такое. Личные наблюдения и интервью, проведенные авторами данной статьи при ее подготовке среди студентов старших курсов двух крупных российских экономических университетов, показали, что в разных группах число людей, способных дать внятную трактовку того, что же такое «товар», не превышало одной трети. То есть актуальность того, чтобы добиться понимания сути данного термина, довольно высока.

Итак, под товаром понимают продукт труда, обладающий полезностью, произведенный для продажи за деньги или обмена на другие товары. Для неподготовленного человека это определение довольно сложное, запутанное и малопонятное. Воспроизвести его сложновато, а вспомнить через несколько лет после изучения (заучивания?) практически невозможно.

Разберем это определение по его структуре. Это позволит понять его суть и, при необходимости, воспроизвести его несколькими словами, без заучивания самого определения.

Во-первых, товар — это «продукт труда», т.е. то, что получено в процессе индивидуальной (как например выпечка пирожков домохозяйкой) или коллективной, т.е. совместной (например, изготовление автомобиля на заводе, в этом процессе участвуют десятки людей одновременно, каждый из которых выполняет определенную трудовую операцию) деятельности человека. То, к чему человек «не приложил руку», например растущие на яблоне плоды, которые можно употребить в пищу, товаром не является. Этот полезный продукт (в нашем случае — яблоки) пока еще не опосредован трудом. Вот когда мы их соберем, только тогда они смогут являться товаром. Важный вывод для понимания устройства реальной экономики, вытекающий из приведенных рассуждений: не вовлеченные в оборот, т.е. пока еще неиспользуемые естественные богатства (запасы полезных ископаемых в недрах, грибы или ягоды, растущие в лесу, рыба, плавающая в водоеме, и т.д.) товарными свойствами не обладают.

Во-вторых, товар «обладает полезностью». Это значит, что, используя товар, люди могут удовлетворить какие-то свои потребности. Этим определяется возникновение специфичных товаров, которые удовлетворяют потребности не всех людей, а только некоторых групп. Например, для увлеченного компьютерной игрой человека какой-то артефакт этой игры может представлять значительную ценность, так как обладание им позволит быстрее выиграть в этой игре, испытать от этого положительные эмоции, т. е. удовлетворить потребности. Для многих других людей этот артефакт ценностью не обладает вовсе.

Даже, казалось бы, такая всеобщая потребность, как потребность в пище, у разных людей может удовлетворяться разными конкретными способами. Люди имеют разные вкусовые пристрастия, привычки питания, медицинские ограничения. Есть, например, вегетарианцы, любители здорового питания, люди с хроническими заболеваниями желудка, которые не будут потреблять мясосодержащие фаст-фуд блюда. Они могут сказать, что «это — несъедобно, непригодно к употреблению в пищу». И будут совершенно искренни в своих заявлениях. Они предпочтут голодать, нежели употребят в пищу подобный продукт.

В то же время для многих других людей этот продукт будет обладать высоким качеством, при его употреблении в пищу эти люди испытают не только удовлетворение физиологической потребности (насыщение, утоление голода), но и психологической (испытать удовольствие от вкуса и аромата блюда, идентифицируют себя с любимым киногероем, который ел подобную пищу и т. п.).

Важный прикладной вывод, который можно сделать из этих рассуждений: современное общество очень разнообразно, потребности людей разных стран, национальностей, религиозных конфессий, социальных групп, жителей городов и сельской местности, молодых и зрелых и т. д. очень существенно различаются. Это требует разнообразия (дифференциации) товаров. Непонимание этого обстоятельства может привести к неудачам фирм, которые будут производить и предлагать качественный, хороший, в общем-то, товар не тем потребителям, которым он нужен более всего.

Примером здесь может быть реклама элитного, с очень высокой ценой, жилья, размещенная в салонах городского общественного пассажирского транспорта. Она может привлечь внимание пассажиров, вызвать интерес, но, скорее всего, не приведет к покупкам. Потому что адресная аудитория этого рекламного обращения не совпадает с сегментом покупателей этого жилья. То есть при разработке и производстве любого товара очень важно осуществить его рыночное позиционирование, следует выбрать группу покупателей (рыночный сегмент), которой этот товар наиболее интересен, так как удовлетворяет потребности этой группы людей лучше, чем другие товары, а затем целенаправленно продвигать этот товар именно на выбранном рыночном сегменте.

В-третьих, последнее свойство товара состоит в том, что он не предназначен для потребления его производителем. Парадоксальность ситуации в том, что если в одной партии произведенного трудом продукта часть предназначена для продажи, а часть — для личного потребления, то эти части партии продукта будут иметь разные свойства и разные наименования, с позиций экономической науки. Хотя физически этот продукт совершенно одинаковый.

Например, фермер вырастил 10 тонн картофеля. Из них одну тонну оставил для личного потребления: питания своей семьи, формирования семенного фонда для посадки картофеля в следующем сезоне, на корм домашним животным. Эта часть картофеля является натуральным продуктом. Его отличие от товара состоит в том, что натуральный продукт предназначен для личного потребления производителя (в том числе и в том случае, когда этот производитель не индивидуальный, а коллективный).

Товар же всегда создается для других людей. В этом он сходен с подарком. Но принципиальное отличие товара от подарка состоит в том, что последний передается одаряемому просто так, без возмещения, компенсации или же за символическую оплату, которая является следствием общественных ритуалов и не имеет к экономике никакого отношения.

Продолжим анализ нашего примера с фермером. Оставшиеся 9 т картофеля, которые фермер планирует продать за деньги, являются товаром. Следует упомянуть, что обмен товара на деньги вовсе не обязателен. Важно то, что он меняется на некий другой актив, который имеет такую же (по крайней мере, не меньшую). А лучше — большую, тогда такие сделки становятся более привлекательными, более экономически выгодными для производителя, который, занявшись реализацией произведенного товара, превращается в продавца) ценность, как и обмениваемый товар. То есть возможен как прямой товарообмен, так и обмен товара на товар при посредничестве денег.

Речь идет именно об обмене разных товаров друг на друга, так как полученные от сделки деньги покупатель, в конечном счете, истратит на покупку нужных ему товаров. Накопление денег без цели их последующей траты на потребление является экономически бессмысленным, так как, по сути, это означает, что производитель прилагает усилия, производит товар, отдает его покупателю, а полученные от него деньги никак не использует. То есть, по сути, он их теряет или даже — употребим более сильное сравнение — выбрасывает.

Получается, что он производит не товары, а подарки. Индивидуальный альтруизм отдельных людей и даже групп вполне возможен. И общество уважительно относится к таким людям (хотя некоторые члены общества считают их чудаками), но примеров обществ, выстроенных полностью на альтруистических основаниях, история не знает. Вряд ли они возможны и в обозримом будущем.

Важный прикладной вывод из описания последней характеристики товара состоит в том, что устойчивое, т. е. многократно повторяемое и приводящее к удовлетворению всех задействованных в этом процессе лиц, производство, обмен и потребление товаров возможны только в том случае, если пропорции их обмена друг на друга будут восприниматься как справедливые. То есть в экономике сложатся справедливые цены.

Исходя из этого, ценные для людей и трудоемкие в изготовлении товары навряд ли будут оцениваться дешево. А если они предлагаются к продаже за низкую цену, то, скорее всего, здесь имеется какой-то подвох. Например, товар имеет скрытый дефект, о котором продавец не желает сообщать покупателю, т. е., по сути, он обманывает покупателя. Чтобы не быть обманутыми при участии в экономической деятельности, люди должны понимать, что в экономике чудес не бывает, принимать решения осознанно, тщательно их обосновывая и продумывая, не поддаваясь эмоциональным порывам, на которые партнер по сделке может провоцировать человека с целью обмануть его.

К сожалению, именно так часто организованы рекламные обращения, когда потребителю не рассказывают о реальных свойствах товара, а вводят в заблуждение, вызывая сильные эмоции или ощущения, которые навязываются продавцом и которые, якобы, испытает покупатель после приобретения товара. Хотя в реальности покупатель, поддавшись на уловку, зачастую получает не удовлетворение своих потребностей, а разочарование.

Такое расширенное и подробное изучение свойств товара, по нашему мнению, приводит к тому, что обучаемые более не нуждаются в заучивании стандартного определения, но могут с легкостью сконструировать его, в случае необходимости, понимая сущность этой экономической категории. А это означает, что возрастает качество образования. Раскрепощаются креативные способности обучаемых, что

позволяет принимать им на практике нестандартные решения, основанные на сформированной у них адекватной картине мира.

Хотелось бы, чтобы российское образование приносило подобно товару «полезность» обществу, что возможно лишь при условии вдумчивого отношения к организации учебной и методической работы, отказа от неумеренно активного использования в обучении модных приемов и инструментов, в том числе основанных на использовании современных цифровых технологий, а применения тех способов и средств обучения, которые обеспечивают качество образования, в основе которого лежит прежде всего интеллектуальное развитие обучаемых.

Литература

1. Бодрунов С.Д. Ноономика. М. : Культурная революция, 2018.
2. Вертакова Ю.В., Толстых Т.О., Шкарупета Е.В., Дмитриева В.В. Трансформация управленческих систем под воздействием цифровизации экономики / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2017.
3. Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития: материалы XVII международной конференции / под ред. В.П. Галенко, Н.А. Лобанова. СПб., 2019.
4. Плотников В.А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112). С. 16–24.
5. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016.
6. DeepMind created an IQ test for AI, and it didn't do too well. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2018/07/deepmind-created-a-test-to-measure-an-ai-s-ability-to-reason>.
7. Lance Ng. What Microsoft and Google Are Not Telling You About Their A. I. Just how much of A. I. is artificial, and how much is manual labor? [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/s/story/what-microsoft-and-google-are-not-telling-you-about-their-ai-b609f5395a8e> (дата обращения: 20.12.2019).
8. Popkova E., Sergi B. (eds) Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, Vol. 87. Springer, Cham, 2019.

Об авторах:

Вертакова Юлия Владимировна, заведующий кафедрой региональной экономики и менеджмента Юго-Западного государственного университета (Курск, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; vertakova7@ya.ru

Плотников Владимир Александрович, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; plotnikov_2000@mail.ru

References

1. Bodrunov S.D. Noonomy. M.: Cultural Revolution, 2018. (In rus)
2. Vertakova Yu.V., Tolstikh T.O., Skarupeta E.V., Dmitrieva V.V. Transformation of management systems under the influence of digitalization of the economy/South-West State University. Kursk, 2017. (In rus)
3. Education through life: continuous education for sustainable development: materials of XVII international conference / under ed. V.P. Galenko, N.A. Lobanov. SPb., 2019. (In rus)
4. Plotnikov V.A. Digitalization of production: theoretical essence and prospects of development in the Russian economy // News of St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2018. No. 4 (112). P. 16–24. (In rus)
5. Schwab K. Fourth Industrial Revolution. M.: Eksmo, 2016. (In rus)
6. DeepMind created an IQ test for AI, and it didn't do too well. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2018/07/deepmind-created-a-test-to-measure-an-ai-s-ability-to-reason> (date of the address: 20.12.2019).

7. Lance Ng. What Microsoft and Google Are Not Telling You About Their A. I. Just how much of A. I. is artificial, and how much is manual labor? [Electronic resource]. URL: <https://medium.com/s/story/what-microsoft-and-google-are-not-telling-you-about-their-ai-b609f5395a8e> (date of the address: 20.12.2019).
8. Popkova E., Sergi B. (eds) Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, Vol. 87. Springer, Cham, 2019.

About the authors:

Yulia V. Vertakova, Head of the Chair of Regional Economy and Management of the Southwest State University (Kursk, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; vertakova7@ya.ru

Vladimir A. Plotnikov, Professor of the Chair of the General Economic Theory and History of an Economic Thought of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor, plotnikov_2000@mail.ru

Кластерный анализ инновационного потенциала субъектов РФ

Шматко А.Д.* , Губин С.В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shmat2000@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Одним из основных направлений развития экономики Российской Федерации является повышение роли инновационного производства и реорганизация экономической системы для ускорения темпов становления инновационной экономики. Однако, несмотря на задачи, поставленные Стратегией инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г., темпы инновационного развития экономики государства, и соответственно региональных экономик, чрезвычайно низкие, а удельный вес иностранных технологий в производственных процессах превышает 60%. Реформирование видения стратегического развития инновационной экономики в России напрямую связано с определением актуального уровня инновационного развития регионов и формирования механизмов создания региональных и межрегиональных научно-технических, исследовательских и инновационных инфраструктур, которые в долгосрочной перспективе обеспечат изменение актуальных тенденций инновационного развития. На сегодняшний день подавляющая часть региональных экономик испытывают высокую потребность в новых технологиях и формировании отечественной базы научно-технического производства. Потребности регионов определяются не только устареванием производственных баз и технологического фонда, но и растущим дисбалансом между уровнями развития региональных экономик и их особенностью. Одним из возможных вариантов стратегического управления инновационным развитием является создание механизмов и инструментов для формирования региональных и межрегиональных инновационных и научно-технических кластеров и, как следствие, производственных кластеров. Однако для применения преимуществ кластерного развития необходимо исследование инновационного потенциала субъектов РФ, что обеспечит эффективное сочетание региональных экономик. В данной статье представлены результаты кластерного анализа субъектов РФ по одному из показателей инновационного потенциала региональной экономики, а также определены ключевые тренды инновационного развития субъектов РФ, включенных в выявленные кластеры.

Ключевые слова: инновация, инновационное развитие, кластер, региональный кластер, применяемая передовая производственная технология

Для цитирования: Шматко А.Д., Губин С.В. Кластерный анализ инновационного потенциала субъектов РФ // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 61–72.

Cluster Analysis of the Innovative Potential of Russian Regions

Alexey D. Shmatko*, Stepan V. Gubin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *shmat2000@yandex.ru

ABSTRACT

One of the main directions of economic development of the Russian Federation is the increasing of the role of innovative production and reorganization of the economic system needed to accelerate the pace of formation of the innovative economy. Despite the tasks set by the strategy of innovative development of the Russian Federation for the period up to 2020, the pace of innovative development of the state economy, and accordingly regional economies, is extremely low, and the share of foreign technologies in production processes exceeds 60%. The reformation of the vision of strategic development of innovation economy in Russia is directly connected with defining the actual level of innovative development of regions and

formation of mechanisms for the creation of regional and interregional scientific-technical research and innovation infrastructure, which in the long term will provide the current trends of innovative development. Today, the vast majority of regional economies have a high need for new technologies and the formation of the domestic base of scientific and technical production. The needs of the regions are determined not only by the obsolescence of production bases and technological resources, but also by the growing imbalance between the levels of development of regional economies and their isolation. One of the possible options for strategic management of innovative development is the creation the mechanisms of formation regional and interregional innovation and scientific and technical clusters, and, as a consequence, production clusters. However, in order to apply the advantages of cluster development, it is necessary to study the innovative potential of the subjects of the Russian Federation, which will ensure an effective combination of regional economies. This article presents the results of the cluster analysis of the subjects of the Russian Federation on one of the indicators of the innovative potential of the regional economy, as well as the key trends of innovative development of the subjects of the Russian Federation included in the identified clusters.

Keywords: innovation, innovative development, cluster, regional cluster, applied advanced production technology

For citing: Shmatko A. D., Gubin S. V. Cluster Analysis of the Innovative Potential of Russian Regions // Administrative consulting. 2020. N 3. P. 61–72.

Введение

В последние годы проблематика инновационного развития в Российской Федерации и необходимость реорганизации экономики на путь повышения доли инновационного, наукоемкого и технологически развитого производства в экономике государства является одним из определяющих направлений достижения целей долгосрочного развития России. Сегодня, несмотря на определенный положительный эффект от политики импортозамещения и постепенной стабилизации экономики государства, прослеживается растущее влияние как внутренних, так и внешних факторов на инновационное развитие экономики государства. Одним из ключевых внешних факторов влияния является продолжающееся ускорение темпов технологического развития мировой экономики, что, учитывая накопившиеся системные проблемы в целом ряде отраслей (альтернативная энергетика, высокотехнологичное производство, робототехника, сложные системы, модернизация традиционных отраслей экономики и т. д.), приводит к большему отставанию темпов технологического развития экономики РФ. Дополнительным фактором все чаще становится растущая конкурентная борьба за высококвалифицированную рабочую силу, инвестиции и человеческий капитал, что, в условиях низкоэффективной инновационной системы РФ, приводит к постоянному оттоку за рубеж конкурентоспособных кадров, капитала и технологий [5].

Кроме того, в российской экономике и инновационной системе сохраняются комплексные проблемы, оказывающие негативное воздействие на инновационный потенциал всех субъектов экономики. В первую очередь это обусловлено недостаточной государственной поддержкой и финансированием деятельности НИОКР и научных разработок различных институтов и университетов. Кроме того, во многих отраслях экономики прослеживается тенденция к устареванию производственно-технической базы, что приводит в ближайшей перспективе к снижению объемов производства, а в долгосрочной перспективе к снижению конкурентоспособности таких отраслей.

Отельной проблемой инновационного развития государства является неравномерность развития экономик регионов, что проявляется в различиях в уровнях инновационной активности, развитии производственно-технологической базы, объ-

емах экономических ресурсов и т. д. Как следствие, в рамках российской экономики формируется необходимость учета особенностей и специфики экономик всех регионов или формирования определенных групп регионов для достижения определенного общего уровня инновационного развития в рамках Стратегии инновационного развития. На сегодняшний день повышение инновационной активности регионов России является одним из ключевых стратегических направлений развития государства. Несмотря на высокую приоритетность данного направления, организация системной управленческой деятельности встречает ряд конкретных проблем экономики: чрезмерная дифференциация объемов региональных бюджетов, разница в производственном потенциале, наличие (или отсутствие) региональных научных центров, уровень финансирования и поддержки НИОКР и т. д. В актуальных условиях российской экономики в рамках проблематики инновационного развития субъекты Российской Федерации находятся в абсолютно разном положении. Таким образом, для разработки стратегического подхода инновационного развития, который обеспечит учет региональных особенностей субъектов РФ, необходимо четкое понимание преобладающих тенденций, которые характеризуют уровень инновационного развития в регионах РФ¹.

Однако важно отметить, что преобладание подобных тенденций в рамках определенного региона может быть использовано в качестве стимула для инновационного развития за счет формирования территориальных (или региональных) кластерных образований, которые (учитывая специфику регионов) позволят консолидировать общий ресурсный и производственный потенциал для формирования специализированной базы инновационного развития. Данный подход достаточно актуален в силу того, что подобные мягкие формы интеграции позволяют при организации взаимодействия сохранять независимость, что является важным фактором для экономического развития регионов. При этом данный подход позволит снизить издержки и повысить производительность за счет аккумуляции внутреннего (и в том числе межрегионального) потенциала и, как следствие, обеспечить повышение уровня инновационного развития. В данном подходе территориальным (или региональным) кластером будет выступать объединение взаимосвязанных институтов и организаций, действующих в определенной сфере и имеющих функциональную зависимость (при этом взаимодополняющих друг друга) [2]. Таким образом, территориальные (или региональные) структуры будут изначально обладать необходимыми для кластера атрибутами, такими как: территориальная близость, тесная взаимосвязь участников и общность ресурсов, технологий и производимой продукции.

Исходя из этого, для обеспечения инновационного развития регионов необходимо проведение соотношения инновационного потенциала субъектов РФ, что позволит определить преобладающие в них тенденции и позволит выявить возможность и целесообразность для формирования кластерных структур.

Теоретические основы

Проблематика формирования инновационных кластеров обусловлена двумя ключевыми аспектами: изменяющейся ролью и пониманием феномена инноваций, и теорией кластерного развития. Проблематика инноваций стала объектом исследования экономической науки в начале XX в. и впервые была изложена в тру-

¹ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утверждена распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р (ред. от 18.10.2018) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/2f806c88991ebbad43cdaa1dc63c2501dc94c14af/ (дата обращения: 20.12.2019).

дах Й.А. Шумпетера, определявшего инновации в качестве изменений, происходящих с целью внедрения и использования новых видов производственных товаров, новых производственных и транспортных средств, рынков и форм организации в промышленности, тем самым акцентируя внимание на экономическом воздействии этих изменений [8]. Дальнейшее развитие взглядов инноваций в экономике связано с формированием подхода к пониманию инноваций в качестве процесса. Данный подход обусловлен возросшей комплексностью производственных процессов, развитием и систематизацией науки, и появлением проблематики инновационной деятельности¹. Данное направление взглядов достаточно четко прослеживается в трудах американского экономиста Б. Твисса, рассматривавшего инновации как процесс, в рамках которого изобретение или идея получает экономическое содержание, поскольку инновации являются единственным процессом, объединяющим науку, технику, управление и новаторство.

В конце XX в. проблематика инноваций все более разграничивается с понятием инновационной деятельности, которая определяется как отдельная сфера деятельности. В результате инновации стали рассматриваться в качестве конкретного результата деятельности, что при развитии теории управления и инновационного менеджмента было направлено на микроэкономический уровень, на уровень предприятий и отдельных экономических субъектов. В отечественной экономической науке такой подход прослеживается в трудах Р.А. Фатхутдинова, разграничивающим понятие «новшества» как оформленного результата прикладных исследований, разработок или экспериментальных работ в какой-либо сфере деятельности, направленных на повышение эффективности и «инновации».

Основы теории кластерного развития были заложены в рамках исследования процессов концентрации производства в 1890–1950-х годах такими исследователями, как А. Маршалл, А. Леш и У. Айзард. Наибольший вклад в становление и определение основных положений кластерного развития относится к трудам американского экономиста М. Портера, который выдвинул одно из первых определений понятия «кластер», и определял его в качестве группы географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители, посредники) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы государственного управления, инфраструктурные компании), действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга. Также вместе с понятием кластера М. Портером была сформирована концепция ромба национальных конкурентных преимуществ [10]. Важно учитывать, что взгляды М. Портера на роль кластеров связаны не с анализом экономики в целом, а с конкретными отраслями экономики.

Важно учитывать тот факт, что развитие национальной инновационной экономики является предметом изучения, в первую очередь, отечественных исследователей. В российской экономической практике проблематика развития инновационной экономики и инновационного развития регионов прослеживается в трудах таких научных деятелей, как А.В. Бабкин, Я.И. Кузьминов, Л.М. Гохберг, М.Я. Веселовский и В.П. Куприяновский.

Кластерный подход к модернизации экономики, в рамках повышения конкурентоспособности, является одним из наиболее высокоэффективных инструментов экономического развития. Одно из ключевых преимуществ данного подхода заключается в эффекте мультипликатора [6; 7]. Данный эффект обусловлен тем, что

¹ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утверждена распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р (ред. от 18.10.18) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/2f806c88991ebbad43cdaa1c63c2501dc94c14af/ (дата обращения: 20.12.2019).

отрасли не могут развиваться отдельно друг от друга, таким образом становление или развитие одной базовой отрасли влечет за собой закономерное развитие отраслей-поставщиков и отраслей-потребителей, в результате чего формируется кластер экономической активности.

Традиционно кластеры разделяются на три типа.

1. Промышленные кластеры — традиционно данный тип кластеров представляет собой группу взаимосвязанных организаций или институтов промышленного комплекса, при взаимодействии которых обеспечивается максимально эффективное разделение труда.

2. Региональные (или локальные) кластеры — совокупность географически близких компаний и организаций одной или смежных отраслей (а также соответствующие институты, осуществляющие координацию деятельности отраслей, и органы власти), находящихся в рамках одного региона и производящих взаимодополняющую продукцию.

3. Инновационные кластеры — представляют собой комплексные системы продуктов и технологий, взаимосвязанных между собой и сконцентрированных в рамках определенного экономического пространства.

При этом важно учитывать, что инновационная составляющая присутствует во всех типах кластеров. Инновационная направленность кластеров проявляется в таких характеристиках кооперации деятельности, как: интеграция в деятельность кластера научных лабораторий и НИОКР, бизнес-структур, образовательных учреждений, формирование механизмов коллективной инновационной деятельности [9]. Таким образом, в рамках кластера обеспечивается достижение качественных и количественных изменений, которые обеспечивают повышение доли выпуска инновационной продукции, расширение рынков сбыта, формирование высококвалифицированной кадровой структуры и т.д. В инновационных кластерах инновации рассматриваются уже с точки зрения деятельности комплексной системы, ориентированной на получение экономического эффекта за счет совместного использования инноваций [2; 4]. Другими словами, в рамках инновационных территориальных кластеров задействуется вся инновационная цепочка от генерации идеи до производства итоговой продукции.

Также следует отметить, что в рамках процесса кластеризации выделяют два основных подхода.

1. Классический либеральный подход (изложенный в 80-е годы XX в. М. Портером). В основе данного подхода лежит самоорганизация экономических субъектов в рамках свободной рыночной модели, при этом исключается прямое воздействие со стороны государства.

2. «Полюса конкурентоспособности». Данный подход предполагает прямое сотрудничество властных структур (федерального, регионального и локального уровней) и бизнеса. В рамках данного подхода формируются комплексные механизмы повышения ключевых характеристик производства, роста инновационной активности и предоставления различной государственной поддержки.

Комплексные исследования кластеризации позволяют не только составлять схемы формирования кластеров различных типов, но и сформировать ряд отличительных характеристик, которые позволяют отличать кластеры от территориальных конгломератов предприятий (однако подобные объединения обладают всеми необходимыми ресурсами, для того чтобы перейти в разряд кластеров).

Несмотря на наличие необходимой технологической и производственной баз, формирование территориальных инновационных кластеров в российской экономике сталкивается с комплексными проблемами, обусловленными особенностями экономики РФ и отсутствием практической базы реализации кластерных проектов. Среди таких проблем следует выделять:

- 1) формирование вместо кластеров структур, отвечающих характеристикам территориально-производственных комплексов и по своей структуре являющихся квазикластерными образованиями;
- 2) в реалиях российской экономики (преобладание монополизированных структур управления экономикой, высокий уровень государственного контроля, ограниченность горизонтальных связей в экономике, низкие уровни инновационной активности и т. д.) кластеры становятся обычными формами объединения субъектов экономики, не стремящихся к интегрированности производственной деятельности;
- 3) противоречие «природы» кластеров кластерной политике государства. По своей экономической природе кластеры являются рыночным механизмом, направленным на обеспечение интересов субъектов экономики через горизонтальные и вертикально-интегрированные связи (снизу вверх). Однако практика отечественной кластерной политики показывает стремление к построению кластеров путем принятия решения «сверху», в результате подавляющая часть кластерных, по своей сути, структур сформирована решением государственной власти.

Исходя из данных тенденций, целесообразно сделать вывод о том, что в условиях современной экономической политики РФ, развитие инновационных и территориальных (региональных) кластеров в классическом их виде приведет к формированию определенного тренда, однако не будет доведено до качественного результата. Для достижения всех положительных эффектов от кластеров необходимо внесение существенных изменений в кластерную политику, в первую очередь в рамках формирования комплексных организационно-экономических механизмов синхронизации всех участников кластеров.

Однако актуальная структура кластерной политики и особенности экономики могут быть использованы для формирования кластерных образований, на основе имеющихся ресурсных и технико-производственных потенциалов регионов и субъектов РФ. Формирование подобных кластерных структур позволит синхронизировать и интегрировать деятельность государственных и бизнес-структур по ключевым направлениям деятельности регионов РФ, в том числе в рамках инновационной деятельности [1]. В данном случае участниками кластера одновременно будут выступать производственные комплексы субъектов РФ, бизнес-структуры и мощности предпринимательства, а также комплекс научно-исследовательских структур, что позволит регионам РФ консолидировать производственную, научно-исследовательскую и инновационную деятельность. Данная модель позволит активизировать механизмы инновационной деятельности субъектов, включив в них бизнес-структуры. Однако для формирования подобных структур необходим комплексный анализ инновационного потенциала субъектов РФ, чтобы сформировать первичные группы с одинаковыми тенденциями инновационной деятельности.

Материалы и методы

Реализация государственной инновационной политики напрямую связана с достигаемыми качественными изменениями в научно-технической, инновационной и образовательной деятельности. Теоретическое формирование кластерных структур, участниками которых будут выступать не только организации и предприятия, но и непосредственно субъекты РФ и регионы, должно основываться на качественных показателях уровня инновационного развития, инновационной активности и актуальной научно-производственной базы данных субъектов. Подобная оценка инновационного потенциала регионов является важным аспектом, влияющим на трансформацию региональной и федеральной инновационных политик.

Несмотря на широкую распространенность понятия «инновационный потенциал», для регионов и региональных структур он может носить разные значения. С одной стороны, он может выступать в качестве совокупности инновационных ресурсов (материальных, финансовых и научно-технических), которые обеспечивают возможность инновационной деятельности и создание новых технологий. С другой стороны, инновационный потенциал может являться результатом инновационной деятельности, т. е. основываться на реально производимых продуктах инновационной деятельности и инновационном процессе [3].

Важно отметить, что данные подходы к пониманию инновационного потенциала отражают разные стороны единого процесса, который заключается в возможности и способности формировать и использовать инновационные ресурсы, формировать организационно-производственные цепочки и интегрировать в инновационную деятельность других акторов, что позволяет создавать, распространять и использовать новшества и расширять инновационную базу.

Одним из наиболее важных компонентов инновационного потенциала, в условиях растущего разрыва в уровнях развития региона, является ресурсный компонент, который направлен на выявление относительно единого уровня развития производственно-технологической базы регионов. Основными показателями ресурсного компонента инновационного потенциала являются:

- 1) наличие и накопление промышленных и производственных площадей и соответствующего оборудования, в рамках приоритетных направлений экономики региона;
- 2) обеспеченность региональной экономики и рынка труда необходимыми трудовыми и кадровыми ресурсами, обладающих соответствующими умениями, навыками и компетенциями для эффективной реализации трудовой деятельности в условиях инновационного производства;
- 3) оптимизация отраслевых нормативно-правовых баз, а также ГОСТов и стандартов, в соответствии с потребностями инновационной экономики;
- 4) наличие экономических, финансовых, научно-технических и организационных ресурсов сопровождения и поддержания инновационной деятельности в конкретных отраслях экономики или всей экономики в целом;
- 5) сформированность научно-исследовательской и научно-технической инфраструктуры, а также интеграция деятельности ее структур в экономику.

Одним из основных показателей уровня экономического и инновационного развития региональной экономики является удельный вес применяемых передовых производственных технологий. Данный показатель отражает потенциальную возможность региональной экономики к воспроизводству инновационных технологий, а также свидетельствует о наличии необходимых экономических, научно-технических, трудовых и организационных ресурсах для обеспечения определенного уровня инновационного развития. Важно учитывать, что данный показатель не является комплексным, однако отображает динамику развития инновационной деятельности с точки зрения применения и создания новшеств. Для повышения качества анализируемых данных и формирования четких представлений о преобладающих в регионах тенденций целесообразно использование данных за период с 2011 г. (что покажет, в том числе, динамику развития в условиях экономического кризиса). Для проведения анализа были взяты данные по 50 субъектам РФ (в выборку вошли субъекты РФ, по которым представлены полные данные на анализируемый период), представленные Федеральной службой государственной статистики¹.

Оптимальным методом проведения анализа является кластерный анализ, поскольку он обеспечивает сегментацию результатов, а также дает возможность

¹ Росстат. Используемые передовые производственные технологии по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/folder/14477> (дата обращения: 20.12.2019).

определить показатель устойчивости сформированных групп. Равным образом при наличии временного ряда у анализируемых данных метод кластерного анализа дает возможность выявления динамики развития среднего показателя для группы, а также колебания и возможные скачки показателей, свойственных скачкообразному развитию региональных экономик.

Результаты

Процедура проведения кластерного анализа предполагает реализацию поэтапного перечня действий, направленных на достижение заданной цели соотнесения уровня инновационного развития регионов по конкретному показателю. Важно, что при проведении кластерного анализа целесообразно использование специализированного программного обеспечения (в ходе исследования был использован функционал статистического пакета SPSS Statistics). Начальным этапом анализа является определение склонности данных к кластеризации, первичных тенденций, а также определение оптимального количества кластеров, необходимого для проведения последующих исчислений. По результатам первых итераций определено оптимальное количество кластеров, которое позволит повысить качество проводимого анализа. Основным этапом анализа является проведение кластерного анализа при помощи метода k-средних. Данный метод позволяет при обработке данных не только сформировать кластеры близких по значению и тенденциям данных, но и определить расстояние объектов анализа от центров кластера, что показывает тенденции к переходу данных между кластерами.

В результате субъекты РФ были разделены на четыре основных кластера, сформировав тем самым группы, в которых преобладает определенная тенденция инновационной деятельности (рис. 1). Кроме того, из результатов данной итерации видно, что в центре такие субъекты РФ, как Пермский край (кластер 1), г. Москва (кластер 3), Нижегородская область (кластер 2) и республика Калмыкия (кластер 4) находятся в центре кластеров, что означает стабильность тенденций применения передовых производственных технологий. Аналогично, можно проследить, что такие субъекты, как Республика Башкортостан (кластер 1), Московская область (кластер 3), г. Санкт-Петербург (кластер 1) и Липецкая область (кластер 4) наиболее удалены от центров кластеров, что означает вероятность будущего изменения тенденций в данных субъектах и возможность передвижения в другой кластер.

Для определения содержания тенденций в сформированных кластерах необходимо определить конечные точки кластеров, что покажет общее положение кластера по соотношению с другими во временной перспективе.

Согласно итогам анализа, кластеры распределены по соответствующим годам, что отображает изменение тенденций в каждом кластере в течение 8 лет. Это позволяет определить тенденции применения передовых производственных технологий. Исходя из распределения показателей кластеров по годам, можно сформулировать следующие характеристики кластеров (рис. 2):

- кластер 1 — субъекты РФ, в которых прослеживаются тенденции к повышению применения передовых производственных технологий;
- кластер 2 — субъекты РФ, в которых происходит спад применяемых передовых производственных технологий;
- кластер 3 — субъекты РФ, в которых отслеживается нестабильность в тенденциях применения передовых производственных технологий;
- кластер 4 — субъекты РФ, в которых происходит рост применения передовых производственных технологий, однако темпы роста применения данных технологий незначительны.

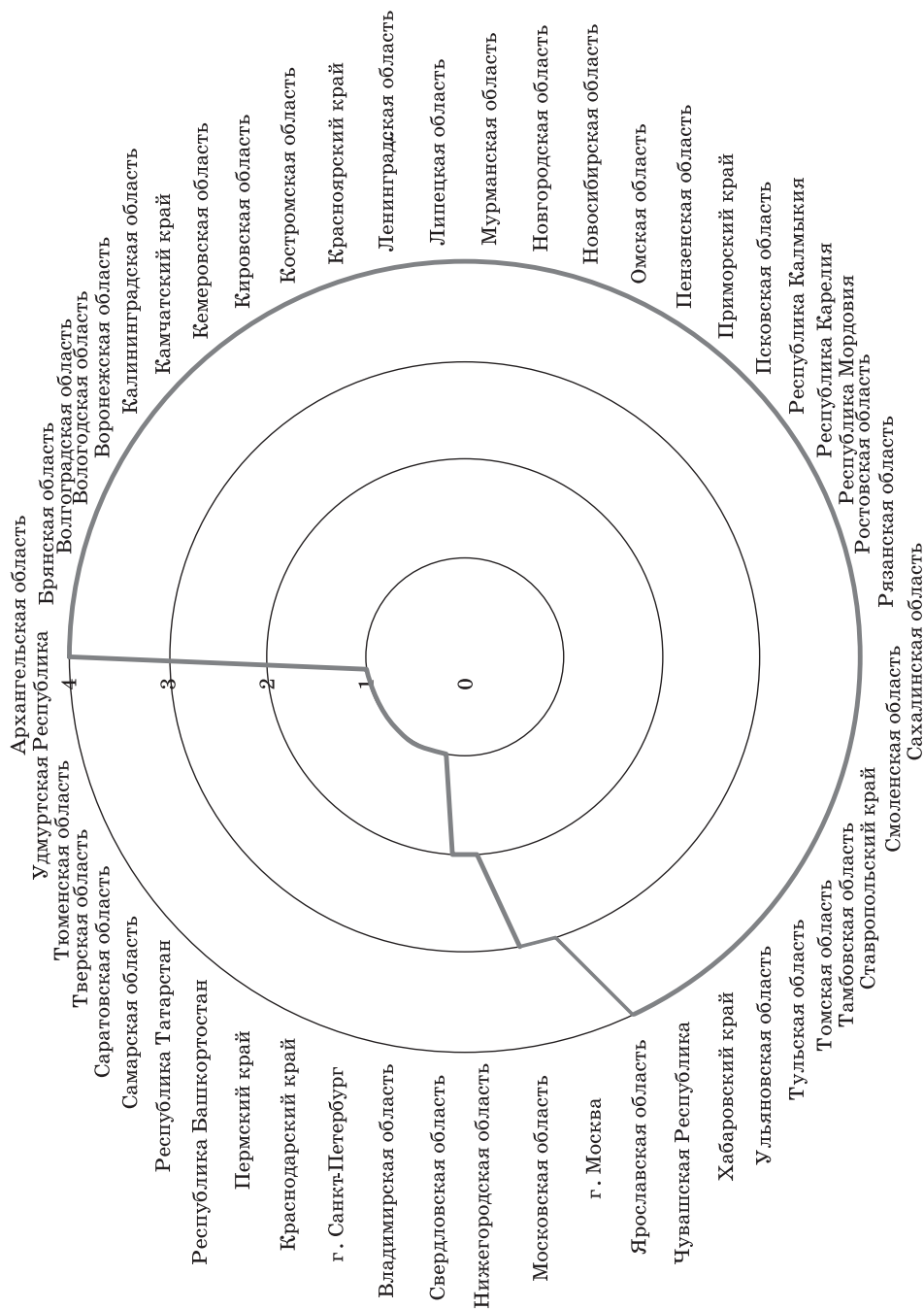

Рис. 1. Распределение субъектов Российской Федерации по кластерам (разработано автором)

Fig. 1. Distribution of subjects of the Russian Federation by clusters

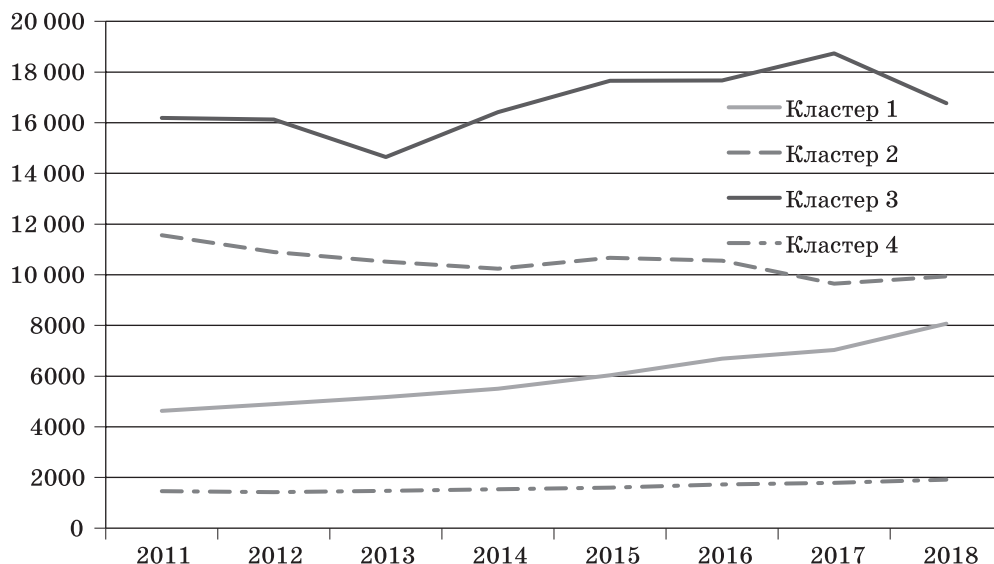

Рис. 2. Динамика положения конечных центров кластеров в период 2011–2018 гг.
(разработано автором)

Fig. 2. Dynamics of cluster endpoints in the period 2011–2018

Выводы

На основании данных, полученных по итогам проведенного кластерного анализа, можно отметить, что большей части субъектов РФ (присутствовавших в анализируемой выборке данных) свойственен тренд к постепенному наращиванию объемов применяемых производственных технологий, что показывает переход субъектов РФ к повышению инновационной активности и свидетельствует о постепенных изменениях в инновационном развитии регионов. Учитывая принятие новой стратегии инновационного развития Российской Федерации, вероятнее всего в ближайшие годы темпы роста применения передовых технологий в субъектах РФ, входящих в кластер 4, значительно повысятся.

Также следует отметить, что, несмотря на значительно большие экономические, инновационные, технологические ресурсы г. Москва и Московская область отличаются нестабильностью применения передовых технологий. Это связано с наибольшими по меркам проанализированных субъектов объемами применяемых технологий, что свидетельствует о необходимости оптимизации инновационной политики в данных субъектах. Кроме того, нельзя исключать и тот факт, что оперирование большими объемами передовых технологий снижает темпы появления новых технологий, что может объяснить периодические спады в данном кластере. Также высокий удельный вес применяемых передовых производственных технологий свидетельствует о высоком уровне затрат на сопровождение деятельности инфраструктуры, что повышает экономическую нагрузку на данные субъекты РФ.

Серьезные изменения инновационной политики требуются в Нижегородской (один из лидеров по применению производственных технологий в 2011 г. среди регионов) и Свердловской областях, поскольку именно данные субъекты отличаются негативной тенденцией в применении передовых технологий. Необходимо расширение сотрудничества с НИОКР, повышение инвестиционной привлекательности регионов, содействие росту наукоемкого производства, расширение технологической базы и т.д. Данные изменения, вероятнее всего, будут подкреплены

соответствующими механизмами и инструментами в рамках дополнений к стратегии инновационного развития РФ и данных регионов.

Не менее важной является задача повышения инвестиционной привлекательности субъектов РФ, входящих в кластер 1, которые отличаются ростом инновационной активности и инновационного потенциала. Это необходимо для поддержания темпов инновационного развития и присущей данному кластеру тенденции к наращиванию объемов применяемых производственных технологий.

Литература

1. Дорофеева Л. В. Становление взаимосвязи между инфраструктурным и инновационным развитием регионов // Вестник Российской академии естественных наук. 2014. № 3. С. 90–94.
2. Королев В. И. Инновационные территориальные кластеры: зарубежный опыт и российские условия // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 11. С. 20–27.
3. Маскайкин Е. П., Арцер Т. В. Инновационный потенциал региона: сущность, структура, методика оценки и направления развития // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Экономика и менеджмент. 2009. № 21. С. 47–52.
4. Пугановская Т. И., Юхимчук Л. В. Основные направления формирования инновационного кластера в регионах Российской Федерации // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2013. № 8. С. 48–51.
5. Рослякова Н. А. Транспортная составляющая в инновационном развитии региона // Управление инновациями–2012 : материалы международной научно-практической конференции / под ред. Р. М. Нижегородцева. М., 2012. С. 117–120.
6. Шматко А. Д. Организация инновационной деятельности производственных предприятий: современные условия и существующие подходы // Вестник экономической интеграции. 2009. Т. 1. С. 155–159.
7. Шматко А. Д. Основные вопросы организации финансирования инновационной деятельности организаций // Вестник экономической интеграции. 2010. Т. 1. № 11. С. 80–83.
8. Шумпетер Й. Теория экономического развития: Исследования предпринимательской прибыли, капитала, кредита и цикла конъюнктуры. М. : Прогресс, 1982.
9. Grinche B., Dorofeeva L., Nazarova E. Methodical approach of estimating infrastructure as a factor of competitive potential // Proceedings of 2017 10th International Conference Management of Large-Scale System Development, MLSD 2017 10. 2017. С. 8109632.
10. Porter M. E. The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction. N.Y. : The Free Press, 1990, Palgrave Tenth Edition, 1998.

Об авторах:

Шматко Алексей Дмитриевич, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; shmat2000@yandex.ru

Губин Степан Валерьевич, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), направление «Управление инновациями»; gubinsstepan@yandex.ru

References

1. Dorofeeva L. V. Formation of the relationship between infrastructure and innovative development of regions // Journal of the Russian Academy of Natural Sciences [Vestnik Rossiiskoi akademii estestvennykh nauk]. 2014. No. 3. P. 90–94. (In rus)
2. Korolev V. I. Innovative territorial clusters: foreign experience and Russian conditions // Russian Foreign Economic Messenger [Rossiiskii vnesheekonomicheskii vestnik]. 2013. No. 11. P. 20–27. (In rus)
3. Maskaykin E. P., Arzer T. V. Innovative potential of the region: essence, structure, methodology of assessment and direction of development // Journal of the South Ural State University. Series: Economics and Management [Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika i menedzhment]. 2009. No. 21. P. 47–52. (In rus)

4. Puganovskaya T. I., Yukhimchuk L. V. Main directions of formation of innovation cluster in regions of the Russian Federation // Journal of the Kursk State Agricultural Academy [Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii]. 2013. No. 8. P. 48–51. (In rus)
5. Roslyakova N. A. Transport Component in the Innovative Development of the Region // Innovation Management–2012 : Materials of the International Scientific and Practical Conference/under the ed. R. M. Nizhegorodtsev. M., 2012. P. 117–120. (In rus)
6. Shmatko A. D. Organization of Innovation Activities of Production Enterprises: Modern Conditions and Existing Approaches // Journal of Economic Integration [Vestnik ekonomicheskoi integratsii]. 2009. V. 1. P. 155–159. (In rus)
7. Shmatko A. D. Main issues of organization of financing of innovation activity of organizations // Journal of Economic Integration [Vestnik ekonomicheskoi integratsii]. 2010. V. 1. No. 11. P. 80–83. (In rus)
8. Schumpeter J. Theory of Economic Development: Research on Entrepreneurial Profits, Capital, Credit and the Market Cycle. M.: Progress, 1982. (In rus)
9. Grinche B., Dorofeeva L., Nazarova E. Methodical approach of estimating infrastructure as a factor of competitive potential // Proceedings of 2017 10th International Conference Management of Large-Scale System Development, MLS D 2017 10. 2017. C. 8109632.
10. Porter M. E. The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction. N.Y. : The Free Press, 1990, Palgrave Tenth Edition, 1998.

About the authors:

Alexey D. Shmatko, Professor of the Chair of Economics of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics); shmat2000@yandex.ru

Stepan V. Gubin, Graduate Student of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); gubinsstepan@yandex.ru

Государственная поддержка зеленых инвестиций (на примере возобновляемых источников энергии)

Боркова Е. А.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e.borkova@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены тенденции использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и возможность их финансирования по рыночным и бюджетным схемам. На сегодняшний день вопрос зеленого финансирования является очень актуальным и обсуждается во всем мире на самом высоком уровне, так как основным преимуществом такой энергии является ее неисчерпаемость и экологическая чистота. Использование ВИЭ не изменяет энергетический баланс планеты, что очень важно в рамках концепции устойчивого развития и для реализации перехода национальных экономик к снижению уровня зависимости от углеводородов. Эти качества и послужили причиной бурного развития возобновляемой энергетики за рубежом и в России. С точки зрения практики, переход к устойчивому развитию означает кардинальное изменение в бизнесе и процессах управления с целью остановить разрушение ключевых экосистем, исчерпание невозобновляемых ресурсов и увеличение разрыва между бедными и богатыми. Устойчивое развитие перестало быть исключительно академической концепцией и становится мейнстримом в мире бизнеса и инвестиций, что требует развития инструментария управления как рыночного, так и административно-государственного типа.

Ключевые слова: устойчивое развитие, возобновляемые источники энергии, зеленое финансирование, зеленая экономика, зеленые инвестиции, финансирование зеленых инвестиций, государственная политика

Для цитирования: Боркова Е. А. Государственная поддержка зеленых инвестиций (на примере возобновляемых источников энергии) // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 73–79.

Government Support for Green Investment (Renewable Energy)

Elena A. Borkova

Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation; e.borkova@mail.ru

ABSTRACT

The article discusses the trends in the use of renewable energy sources and the possibility of financing them according to market and budget schemes. Today, the issue of green financing is very relevant and is being discussed all over the world at the highest level, since the main advantage of such energy is its inexhaustibility and environmental cleanliness. The use of renewable energy does not change the energy balance of the planet, which is very important in the framework of the concept of sustainable development and for the transition of national economies to a reduced level of dependence on hydrocarbons. These qualities served as the reason for the rapid development of renewable energy abroad and in Russia. From a practical point of view, the transition to sustainable development means a fundamental change in business and management processes in order to stop the destruction of key ecosystems, the depletion of non-renewable resources and the widening gap between the rich and the poor. Sustainable development has ceased to be an exclusively academic concept and is becoming mainstream in the world of business and investment, which requires the development of management tools, both market and administrative-state type.

Keywords: sustainable development, renewable energy, green finance, green economy, green investment, financing of green investments, public policy

Введение

В настоящее время и в мире, и в России происходит корректировка реализовывавшихся ранее моделей управления развитием. После всеобъемлющей либерализации рубежа XX–XXI вв., которая захватила в том числе и нашу страну, происходит нарастание определенного консерватизма в национальных экономических политиках, который связан с повышением уровня государственного интервенционизма, ростом значимости государственного программирования и планирования, проведением курса на реиндустриализацию, расширением моделей социальной ответственности и т. д. [2; 7–10 и др.]. Одним из новых явлений в модернизации политики, реализуемой на международном, национальном и региональном уровнях, является имплементация в нее инструментов обеспечения устойчивости развития [1; 3; 4; 6; 11 и др.].

В связи с вышеизложенным, сегодня зеленые инвестиции рассматриваются Правительством России и как инструмент решения экологических проблем, и как фактор обеспечения устойчивого развития и достижения экономического роста [12]. Как следует из Целей устойчивого развития (ЦУР), утвержденных ООН, эти два понятия — устойчивость развития и экономический рост — взаимозависимы, при этом зеленые инвестиции являются необходимым условием для реализации обоих направлений развития [13]. Понятие зеленой экономики и основанного на ней зеленого финансирования возникли в процессе формирования концепции устойчивого развития [5]. До настоящего времени процесс перехода к зеленой экономике еще явно не определяется, поскольку не завершена настройка национального механизма финансирования зеленых инвестиций.

Итак, устойчивое развитие в современном мире перестало быть исключительно академической концепцией и становится мейнстримом в практико-ориентированном мире бизнеса и инвестиций, что требует развития инструментария управления как рыночного, так и административно-государственного типа, ориентированного на стимулирование зеленых инвестиций и формирование рынка зеленого финансирования.

Международный опыт зеленого развития

В мире, особенно в развитых странах, уделяется значительное внимание моделям зеленого роста и развития. Так, страны Северной Европы и ЕС определили для себя будущее на основе безуглеродной экономики, поэтому они концентрируют свое внимание на безуглеродных/низкоуглеродных финансах (low-carbon finance)¹.

¹ Термин low-carbon finance (низкоуглеродные/безуглеродные финансы) появился с развитием международной торговли квотами парниковых газов, в его основе — международное соглашение, заключенное в 1997 г., так называемый Киотский протокол, который установил квоты на выбросы парниковых газов и предложил механизм торговли квотами. Это послужило причиной появления сектора carbon finance — углеродных финансов, которые указывают на проекты сокращения выбросов парниковых газов, а также на тот факт, что источник финансирования инвестиций основан на квотах на выбросы углекислого газа (углерода), которые могут быть проданы на углеродном рынке, и основанных на этих квотах финансовых инструментах. В свою очередь, low-carbon finance указывают на проекты с низким уровнем выбросов углерода, в первую очередь — это инвестиции в области возобновляемых источников энергии, чистой энергии и инфраструктуры, источником финансирования которых являются частные финансы.

При этом очевидно, что переход традиционных энергетических систем от ископаемого топлива к возобновляемым технологиям потребует значительных финансовых вложений. На рис. 1, для иллюстрации этого вывода, представлены данные по инвестициям в возобновляемые источники энергии в мире.

На графике мы видим глобальные инвестиции в возобновляемые технологии с 2004 по 2016 гг. В 2004 г. в мире в подобные проекты было инвестировано 47 млрд долл. К 2016 г. этот показатель увеличился почти в 6 раз. В 2019 г., по имеющимся предварительным оценкам, зеленые инвестиции составили уже 288,9 млрд долл. (и даже 340,9 млрд — с учетом строительства гидроэлектростанций мощностью более 50 МВт). Это на 11% меньше, чем в 2018 г. (в основном из-за значительного падения инвестиций в Китае).

Наибольший рост инвестиций в ВИЭ произошел в Китае, увеличившись с 3 млрд долл. в 2004 г. до 103 млрд к 2016 г. (рост на 3400%). В настоящее время Китай является крупнейшим инвестором в возобновляемые технологии, инвестируя примерно столько же, сколько Соединенные Штаты, Европа и Индия вместе взятые.

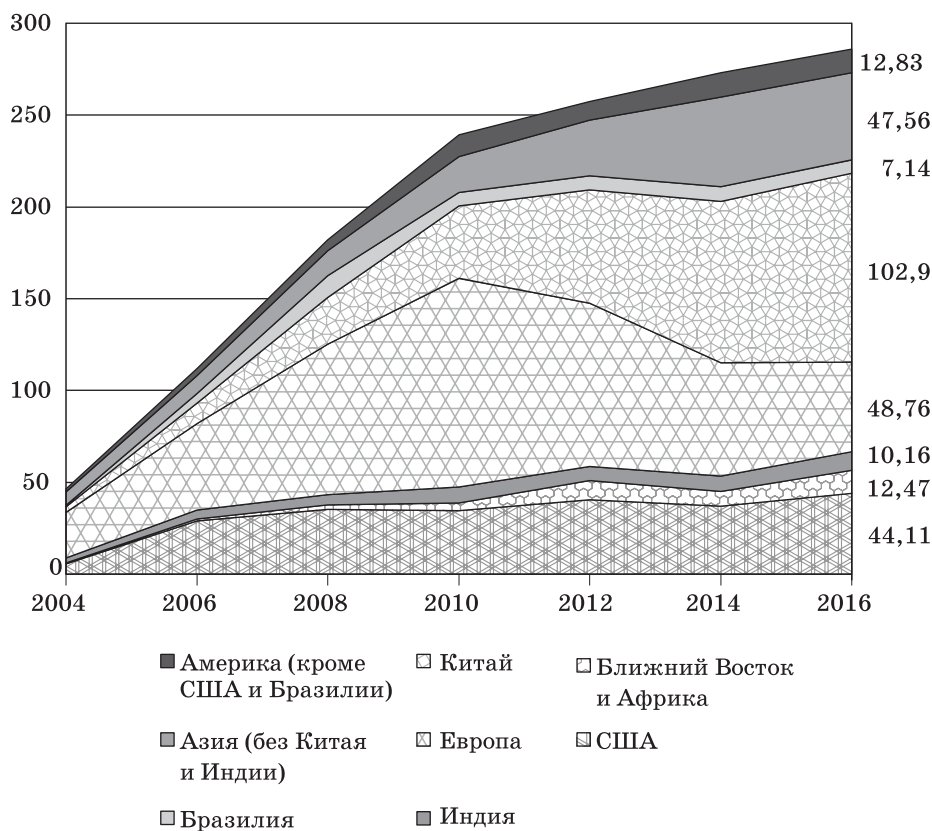

Рис. 1. Инвестиции в технологии возобновляемых источников энергии в год по регионам мира, млрд долл.

Fig. 1. Investments in renewable energy technologies per year by regions of the world, billion dollars

Составлено автором на основе данных интернет-сайта <https://ourworldindata.org/renewable-energyinvestment-by-region>.

В 2019 г. инвестиции в Китае составили 83,4 млрд долл., что на 8% меньше, чем в 2018 г., и этот показатель стал самым низким с 2013 г.

Важно отметить, что впервые за десять лет инвестиции в ветроэнергетику (материковую и офшорную) превзошли инвестиции в солнечную энергетику. Вложения в ветрогенерацию, благодаря морскому сегменту, выросли на 6% — до 138,2 млрд долл., а в солнечную генерацию снизились на 3%, до 131,1 млрд долл. Падение капитальных затрат в ветровой и солнечной энергетике, вероятно, привело к тому, по итогам 2019 г. в мире было построено суммарно 180 ГВт ветровых и солнечных электростанций, на 20 ГВт больше, чем в 2018 г.¹

Вернемся к рис. 1, на нем отражена картина объема инвестиций в абсолютном выражении, что, конечно, очень важно, но эта картина не учитывает размер инвестиций по сравнению с экономикой страны. На первый взгляд, кажется, что крупнейшие экономики также будут крупнейшими инвесторами. Если мы хотим оценить, какие страны вносят справедливый «вклад» или «долю» инвестиций в чистую энергию, тогда нам важно оценить инвестиционные вклады в процентах от валового внутреннего продукта (ВВП) страны. Мы рассчитали долю инвестиций от ВВП в процентах и отразили на графике крупнейших инвесторов в настоящее время (рис. 2).

Таким образом, можно заметить, что теперь рисунок нам показывает немного другую картину. Большинство стран инвестируют менее 1% ВВП в возобновляемые технологии (за исключением Южной Африки и Чили, которые вносят внушительный вклад в 1,4%). При этом данные страны не относятся к числу высокоразвитых. Китай как был, так и остается одним из крупнейших инвесторов, его вклад на уровне 0,9%. Интересно то, что США в абсолютном выражении являются вторым по величине мировым инвестором, но в относительном выражении их вклад сравнительно невелик: в 2018 г. США инвестировали всего 0,2% своего ВВП в зеленые энергопроекты.

Не только наш анализ, но и изучение литературы и фактических данных показывают, что, когда речь идет об относительных затратах на инвестиции в источники

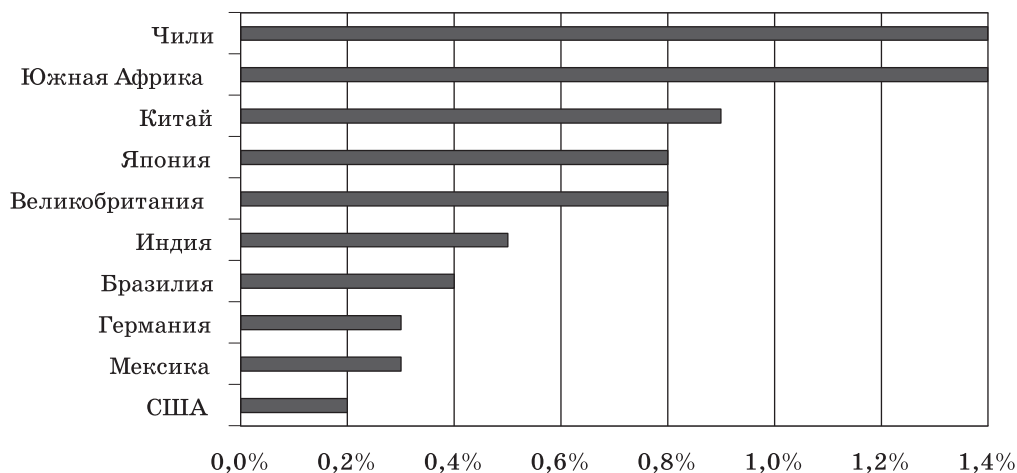

Рис. 2. Инвестиции в возобновляемые источники энергии, % от ВВП

Fig. 2. Investment in renewable energy, % of GDP

Источник: Рассчитано автором.

¹ Размер глобальных инвестиций в ВИЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://renen.ru/the-amount-of-global-investment-in-renewable-energy-in-2019-increased-by-1-per-cent> (дата обращения: 22.12.2019).

возобновляемой энергии, страны с переходной экономикой, а также развивающиеся страны с низким и средним уровнем дохода обычно инвестируют больше, чем страны с высоким уровнем дохода. Это может быть частично объяснено тем фактом, что эти страны, вероятно, будут вкладывать более высокий процент своего ВВП в общее обеспечение и расширение энергопотребления (тогда как страны с высоким уровнем дохода обычно имеют хорошо развитые энергетические системы).

Тем не менее, большинство стран с высоким уровнем дохода установили амбициозные цели по сокращению выбросов парниковых газов в своих обязательствах по Парижскому климатическому соглашению. Например, Китай определил своей целью снизить выбросы углекислого газа на единицу ВВП на 60–65% от уровня 2005 г.; Япония декларировала снижение на 25,4% по сравнению с 2005 г.; Соединенные Штаты намерены достичь общеэкономической цели по сокращению выбросов парниковых газов на 20–28% ниже уровня 2005 г. в 2025 г. и приложить все усилия для сокращения выбросов на 28% (при этом США декларируют свое участие в дальнейшем участии в Парижском соглашении)¹.

Российская практика регулирования зеленого развития

Развитие рассмотренных выше процессов не обошло стороной и Россию. В РФ, в частности, декларировано ограничение выбросов антропогенных парниковых газов до 70–75% от уровня 1990 к 2030 гг., это может стать долгосрочным показателем государственной политики, при условии максимально возможного учета поглощающей способности лесов. В то же время, сама эта политика, в этой связи, требует кардинального пересмотра.

Так, Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г., разработанный Минэкономразвития России, предполагает, что «в период до 2020 г. будет реализован комплекс институциональных, законодательных, финансово-экономических мер, направленных на постепенный переход от финансирования ископаемых видов топлива к финансированию „зеленых“ технологий».

Кроме того, следует учитывать, что Россия располагает гигантскими запасами геотермальной энергии, они, по оценкам, в 10 раз превышают запасы органического топлива в стране². Уже сейчас около половины всех новых энергетических мощностей, вводимых в России, это — гидроэлектростанции, атомные электростанции и станции ВИЭ. По оценкам экспертов, суммарный потенциал энергогенерации альтернативных источников оценивается в объеме около 3 млрд т нефтяного эквивалента в год.

В ближайшее время в России будет введено более 1,5 ГВт солнечной генерации. За последний год заработали солнечные электростанции в республиках Алтай и Башкортостан, в Оренбургской области. Запущено высокотехнологичное производство солнечных модулей в Новочебоксарске. Основная задача государства на данном этапе, по мнению автора, состоит в том, чтобы создавать инструменты для перехода на возобновляемые источники энергии. В интересах борьбы с изменениями климата ведется работа над снижением зависимости экономики от углеводородов.

До 2035 г. планируется привлечь в сектор ВИЭ 53 млрд долл. Для этого требуется развитие как специальных инструментов стимулирования зеленых инвестиций,

¹ CAIT Climate Data Explorer [Электронный ресурс]. URL: <http://cait.wri.org/indc> (дата обращения: 22.12.2019).

² РФ направит более 50 млрд долларов на инвестиции в возобновляемые источники энергии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ensaf.ru/ensaf/news/702743> (дата обращения: 22.12.2019).

так и рынка зеленого финансирования. Эти институциональные преобразования должны стать, по мнению автора, одним из приоритетов реализуемой в настоящее время государственной политики.

Заключение

Развитие глобальной экономики в XXI в. будет происходить под знаком усиления социальных и экологических ограничений, что делает выбор в пользу траектории устойчивого развития безальтернативным. Продолжение реализации традиционной экспансионистской модели экономического роста обрело зримые пределы. Сегодня все чаще и политики, и обычные люди задают вопрос: «Какая Земля достанется нашим детям?» Для сохранения и повышения качества жизни требуется изменение модели хозяйствования, что требует адекватной модернизации государственной политики.

Проведенный на примере возобновляемой энергетики анализ показал, что и в мире, и в России в этой сфере зеленого развития стоят весьма важные и амбициозные задачи, для решения которых требуются значительные инвестиции. Их источником, скорее всего, не могут быть государственные финансы, так как у правительств достаточно много других неотложных задач, в том числе обусловленных ЦУР, что обуславливает необходимость активизации частного инвестирования зеленых проектов. Для этого, по нашему мнению, требуется как создание новых стимулирующих инструментов в рамках инвестиционной политики государства, так и развитие рынка зеленого финансирования.

Литература

1. Багиев Г. Л., Черенков В. И., Черенкова Н. И. Маркетинг для реализации концепции устойчивого развития: сущность и терминологическая парадигма // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112). С. 139–152.
2. Боркова Е. А., Караваева Ю. А., Тютюнникова В. Ю. Повышение инвестиционного климата субъекта в условиях ограниченности государственных ресурсов // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 2. С. 1115–1124.
3. Боркова Е. А., Тимченко М. Н., Маркова А. А. Инвестиции в зеленые технологии как инструмент экономического роста России // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 3 (48). С. 87–91.
4. Бородин А. Н. Деятельность ТНК и устойчивость хозяйственной системы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112). С. 157–161.
5. Зеленая экономика и зеленые финансы / под ред. Б. Н. Порфирьева. СПб.: Изд-во «МБИ», 2018.
6. Казанцева А. Н. Вопросы разработки и реализации государственной политики в сфере производства и обращения экологически чистой продукции // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 2 (36). С. 16–20.
7. Карлик А. Е. Возможности развития российской промышленности в условиях геополитических ограничений // Стратегическое планирование и развитие предприятий: пленарные доклады Девятнадцатого Всероссийского симпозиума и материалы Круглого стола. М., 2019. С. 28–31.
8. Конкурентоспособность и прорывное позиционирование в посткризисный период / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. СПб., 2011.
9. Макаров И. Н., Колесников В. В. Спецификация прав собственности как экономической основы эффективного развития национальной промышленности на основе государственно-частного партнерства // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 1 (35). С. 35–39.
10. Форсайт «Россия»: сборник пленарных докладов Санкт-Петербургского Международного экономического конгресса (СПЭК-2019). СПб., 2019.
11. Халил М. Р. А. Влияние устойчивого экономического развития на государственную и экономическую политику в Палестине // Экономика и управление народным хозяйством:

генезис, современное состояние и перспективы развития: материалы II Международной научно-практической конференции / Воронежский экономико-правовой институт. Воронеж, 2018. С. 230–238.

12. Vertakova Y., Plotnikov V. Problems of sustainable development worldwide and public policies for green economy // *Economic Annals* XXI. 2017. Vol. 166 (78). P. 4–10.
13. Vertakova Y. V., Plotnikov V. A. The Integrated Approach to Sustainable Development: The Case of Energy Efficiency and Solid Waste Management // *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2019. Vol. 9 (4). P. 194–201.

Об авторе:

Боркова Елена Аркадьевна, доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; e.borkova@mail.ru

References

1. Bagiev G. L., Cherenkov V. I., Cherenkova N. I. Marketing for the implementation of the concept of sustainable development: essence and terminology paradigm // *News of St. Petersburg State University of Economics* [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2018. No. 4 (112). P. 139–152. (In rus)
2. Borkova E. A., Karavaeva Yu. A., Tyutyunnikova V. Yu. Increasing the investment climate of the subject in conditions of limited state resources // *Economic relations* [Ekonomicheskie otnosheniya]. 2019. V. 9. No. 2. P. 1115–1124. (In rus)
3. Borkova E. A., Timchenko M. N., Markova A. A. Investments in green technologies as a tool of economic growth of Russia // *Business. Education. Law* [Biznes. Obrazovanie. Pravo]. 2019. No. 3 (48). P. 87–91. (In rus)
4. Borodin A. N. Activities of TNCs and sustainability of the economic system // *News of St. Petersburg State University of Economics* [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2018. No. 4 (112). P. 157–161. (In rus)
5. Green economy and green finance/under ed. B. N. Porfiriev. SPb.: IBI, 2018. 327 p. (In rus)
6. Kazantseva A. N. Issues of development and implementation of state policy in the sphere of production and circulation of environmentally friendly products // *Theory and practice of service: economics, social sphere, technologies* [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2018. No. 2 (36). P. 16–20. (In rus)
7. Karlik A. E. Opportunities for Development of Russian Industry under Geopolitical Constraints // *Strategic Planning and Enterprise Development: Plenary Reports of the Nineteenth Russian Symposium and Materials of the Round Table*. M., 2019. P. 28–31. (In rus)
8. Competitiveness and breakthrough positioning in the post-crisis period / Herzen State Pedagogical University of Russia. SPb., 2011. 298 p. (In rus)
9. Makarov I. N., Kolesnikov V. V. Specification of property rights as the economic basis of effective development of national industry on the basis of public-private partnership // *Theory and practice of service: economy, social sphere, technologies* [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2018. No. 1 (35). P. 35–39. (In rus)
10. Foresight "Russia": collection of plenary reports of the St. Petersburg International Economic Congress (SPEC–2019). SPb., 2019. 208 p. (In rus)
11. Khalil M. R. A. Impact of Sustainable Economic Development on State and Economic Policy in Palestine // *Economics and National Management: Genesis, Current State and Development Prospects: Materials of the II International Scientific and Practical Conference* / Voronezh Economic and Law Institute. Voronezh, 2018. P. 230–238. (In rus)
12. Vertakova Y., Plotnikov V. Problems of sustainable development worldwide and public policies for green economy // *Economic Annals* XXI. 2017. Vol. 166 (78). P. 4–10.
13. Vertakova Y. V., Plotnikov V. A. The Integrated Approach to Sustainable Development: The Case of Energy Efficiency and Solid Waste Management // *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2019. Vol. 9 (4). P. 194–201.

About the author:

Elena A. Borkova, Associate Professor of Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; e.borkova@mail.ru

Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования

Амиров Р. А.^{1, 2, *}, Билалова У. М.¹

¹Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация

²Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация; *a.rasul05@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В настоящее время особую актуальность представляют всесторонние исследования, с различных точек зрения (социальной, экономической, этической, правовой), посвященные вопросам внедрения технологий искусственного интеллекта в самых разных сферах жизнедеятельности общества. Важно выявить возможности и угрозы, определить предельные границы применения искусственного интеллекта на практике.

Статья посвящена вопросам внедрения технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования. Рассмотрены и анализируются перспективные направления использования искусственного интеллекта в сфере высшего образования. Авторы приходят к выводу, что искусственный интеллект вовсе не конкурент профессорско-преподавательскому составу, ни в обучении, ни в оценивании знаний студентов. Искусственный интеллект является вспомогательным, но ценным инструментом, который может выполнять и совершенствовать большое количество различных операций осуществляемых в вузе, помогать в организации эффективного учебного процесса и выстраивании необходимых коммуникаций. Эффективное использование технологий ИИ в сфере высшего образования позволит осуществлять подбор наиболее оптимальной стратегии обучения, адаптированной под индивидуальные способности и потребности студентов и потребности рынка труда.

Ключевые слова: высшее образование, искусственный интеллект, цифровая трансформация, стратегия, подготовка кадров, четвертая промышленная революция, Индустрия 4.0.

Для цитирования: Амиров Р. А., Билалова У. М. Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 80–88.

Prospects for the Introduction of Artificial Intelligence Technologies in Higher Education

Rasul A. Amirov^{1, 2, *}, Uzlipat M. Bilalova¹

¹Dagestan State University, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation

²Dagestan State University of National Economy (Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation, *a.rasul05@yandex.ru

ABSTRACT

At present, comprehensive research from various points of view (social, economic, ethical, and legal) on the implementation of artificial intelligence technologies in various spheres of society's life is of particular relevance. It is important to identify opportunities and threats, to determine the limits of the use of artificial intelligence in practice.

The article is devoted to the introduction of artificial intelligence technologies in higher education. Prospective directions of using artificial intelligence in higher education are considered and analyzed. The authors conclude that artificial intelligence is not a competitor to the teaching staff, either in teaching or in evaluating students' knowledge. Artificial intelligence is an auxiliary, but valuable tool that can perform and improve a large number of different operations performed at the University, help in organizing an effective educational process and building the necessary communications. Effective use of AI technologies in higher education will allow you to select

the most optimal learning strategy adapted to the individual abilities and needs of students and the needs of the labor market.

Keywords: higher education, artificial intelligence, digital transformation, strategy, training, fourth industrial revolution, industry 4.0.

For citing: Amirov R. A., Bilalova U. M. Prospects for the Introduction of Artificial Intelligence Technologies in Higher Education // Administrative consulting. 2020. N 3. P. 80–88.

В последние десятилетия отечественное высшее образование находится в состоянии постоянной трансформации, вызванной необходимостью интеграции в мировое образовательное пространство, повышения качества предоставляемых образовательных услуг, повышения конкурентоспособности российских вузов на международной арене, а также общими изменениями социально-экономического характера, произошедшими в стране.

Современное образование преобразовывается в мобильную и открытую систему. Внедрение в образовательный процесс информационно-коммуникационных технологий, электронных образовательных ресурсов способствовало формированию новой парадигмы образования [1, с. 106–109].

Суть цифровой трансформации образования выражается в достижении каждым обучаемым необходимых образовательных результатов за счет персонализации образовательного процесса на основе использования растущего потенциала цифровых технологий, включая применение методов искусственного интеллекта, средств виртуальной реальности; развития в учебных заведениях цифровой образовательной среды; обеспечения общедоступного широкополосного доступа к интернету, работы с большими данными [4, с. 36].

Термин «искусственный интеллект» (artificial intelligence, AI) был введен американским информатиком Джоном Маккарти в 1956 г.

Под искусственным интеллектом (ИИ) понимают способность интеллектуальных систем и алгоритмов осуществлять творческие функции, традиционно выполняемые человеком. Ключевой задачей ИИ является интеллектуальное моделирование достижимых познавательных процессов.

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», искусственный интеллект определяется как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека¹.

Человечество стоит на пороге четвертой промышленной революции [9, с. 8], воспрепятствовать развитию искусственного интеллекта уже невозможно. Ряд задач нейронные сети решают в разы эффективней и точнее человека, что делает полную автоматизацию большого количества рабочих мест в ближайшем будущем [6, с. 258], следовательно, приведет к росту безработицы. Вместе с тем следует отметить, что в разные времена различные технологии способствовали вытеснению людей с рынка труда, но человеку всегда удавалось адаптироваться к происходящим изменениям. Учитывая все выгоды использования ИИ, в том числе повышение

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

производительности труда, человеку необходимо дополнять его [11], а не быть от него зависимым.

Технологии ИИ определяют сегодня развитие мировой экономики. Вложения в них составляют основные инвестиции венчурного капитала в США. Аналогичный бум происходит в Европе, Японии, Китае [5, с. 7]. По оценкам международных экспертов, инвестиции в технологии искусственного интеллекта выросли с 2014 по 2017 гг. в три раза и составили около 40 млрд долл. В 2018 г. мировой рынок технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта, составил 21,5 млрд долл. и по прогнозам экспертов к 2024 г. достигнет почти 140 млрд. Ожидается, что благодаря внедрению технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта, в различные отрасли экономики и сферы общественных отношений рост мировой экономики в 2024 г. составит не менее 1 трлн долларов США [5, с. 7]¹.

В течение последнего десятилетия появились совершенно новые классы и типы ИИ-систем, такие как [8, с. 14–15]:

- «умные помощники» (агенты), такие как: Cortana от Microsoft, Siri от Apple, GoogleNow, Echo от Amazon и т.д., которые способны объединять одновременно несколько «интеллектуальных» функций и возможностей: распознавание речи, анализ персональной информации о конкретном пользователе и умение ее интерпретировать на некоем базовом уровне, помощь в интернет-поиске и совершении онлайн-покупок и проч.
- ИИ- и роботизированные системы, оснащенные специальными сенсорами и датчиками, которые дают им возможность в онлайн-режиме анализировать и контролировать и/или оперативно реагировать на изменения различных параметров и данных окружающего физического мира, например, температуру, влажность воздуха, давление и т.д. Более усложненным подклассом таких систем являются различные алгоритмы и технологии, применяемые при разработке беспилотных/автоматизированных транспортных средств;
- самообучающиеся ИИ-системы, которые способны давать ответы на различные вопросы, требующие знания фактологической информации. Например, Watson компании IBM, победившая в 2011 г. лучшего игрока мира в популярной телевизионной игре-викторине Jeopardy!, и Wolfram|Alpha, созданная компанией Wolfram Research, — универсальный ресурс схожего интеллектуального профиля;
- игровые самообучающиеся ИИ-системы, научившиеся выигрывать победителей различных интеллектуальных игр (шахматах, шашках, реверси, го и даже в покере). Например, GoogleAlphaGo в 2016–2017 гг. победила в игре го профессионалов высшего дана.

Несмотря на столь бурное развитие ИИ-систем, на наш взгляд, ИИ никогда не сможет полностью заменить человеческий труд. Человек обладает особыми качествами и чувствами, которые трудно воспроизвести в ИИ: интуиция, креативное мышление, критическое суждение, когнитивная гибкость, сочувствие, доброжелательность и т.д.

В будущем сотрудникам различных компаний придется быть более креативными и способными быстрее решать нестандартные задачи. С целью определения процентного соотношения студентов, обладающих креативным мышлением, были продиагностированы 100 студентов старших курсов факультета управления (3–4-й курс, бакалавриат) Дагестанского государственного университета. Уровень креативности (творческого мышления) у студентов был определен по методике «Тип мышления» в модификации Г. Резапкиной. Данные представлены на рис. 1.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

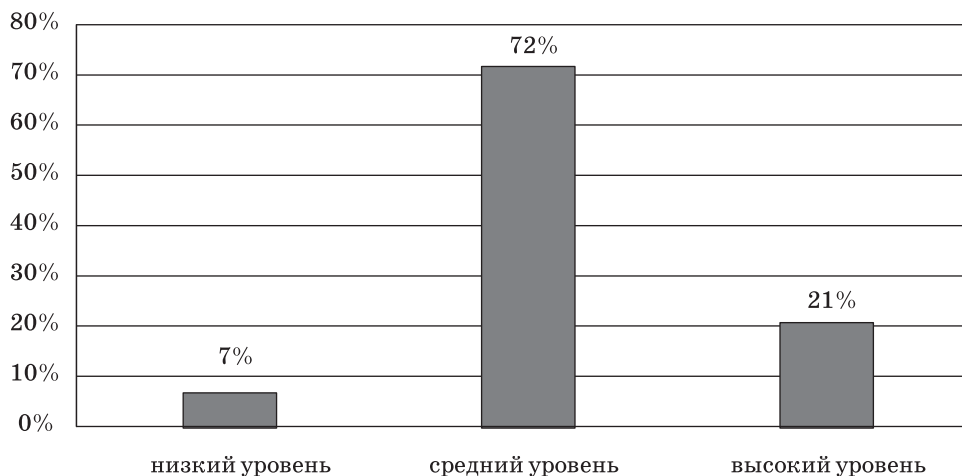

Рис. 1. Уровень креативности (творческого мышления)

Fig. 1. Level of creativity (creative thinking)

Источник: составлено авторами на основе данных проведенного опроса.

Полученные результаты показывают, что основная часть исследуемых студентов (72%) обладают средним уровнем креативного мышления, 21% обладают высоким уровнем, 7% отличается низким уровнем креативного мышления. С последней группой целесообразно проведение мероприятий, направленных на развитие креативности.

Повсеместное внедрение технологий ИИ приводит к необходимости развития чувственного восприятия, интуитивного типа мышления у людей, так как все, что можно осуществить посредством рационального анализа и представить в виде пошаговых алгоритмов, выполняется ИИ во много раз эффективней человека.

С целью определения количества студентов, обладающих интуитивным и рациональным типом мышления, нами по методике REI-40 Эпштейна также продиагностированы вышеуказанные 100 студентов. Полученные данные представлены на рис. 2.

Мы видим, что рациональный тип мышления (68%) преобладает у исследуемых нами студентов, интуитивным типом мышления обладает только 32%, что составляет примерно треть всей выборки. Соответственно целесообразно проводить

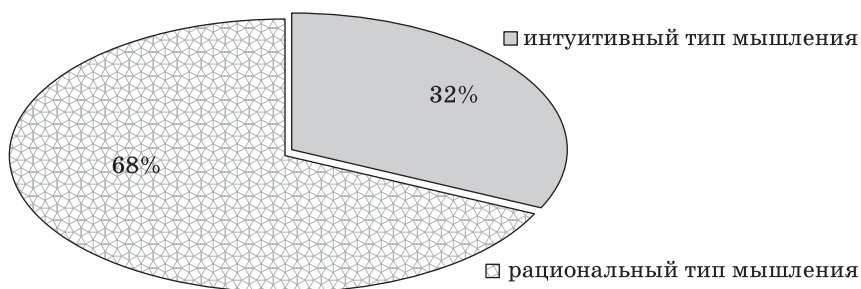

Рис. 2. Тип мышления

Fig. 2. Thinking type

Источник: составлено авторами на основе данных проведенного опроса.

мероприятия, которые направлены на раскрытие интуитивного потенциала студентов, так как объединение потенциала умных устройств и возможностей мыслительных операций человека неизбежно уже в краткосрочной перспективе. На наш взгляд, умственная деятельность человека более продуктивна, если научиться развивать и совмещать оба типа мышления.

Технологии искусственного интеллекта могут применяться в самых различных отраслях и сферах: промышленность, строительство, транспорт, связь, образование, наука, здравоохранение, финансы, торговля, культура, туризм, ЖКХ и др.

Использование ИИ может привести к существенным изменениям в сфере образования, создавая новые возможности перестроить работу всей отрасли. Внедрение технологий ИИ в сфере образования повысит эффективность образовательного процесса, ресурсов, затрачиваемых на его организацию.

Система искусственного интеллекта образовательного процесса должна включать в себя следующие элементы [7, с. 157]:

- поисковую информационную систему, обеспечивающую формирование базы данных учебного процесса из различных источников;
- автоматически обновляемую библиотеку электронных учебников, пособий и методических указаний;
- систему контроля уровня знаний обучающихся, включающую в себя подсистему непрерывного мониторинга их успеваемости, активности и результатов;
- библиотеку контрольных заданий, автоматически подстраиваемую под уровень подготовки каждого обучающегося в зависимости от его результатов;
- автоматизированную систему составления расписания и распределения учебной нагрузки;
- обслуживающую систему, обеспечивающую коммуникации обучающегося с образовательной организацией.

Использование технологий ИИ в сфере образования способно сыграть важную роль в обучении и развитии человека на протяжении всей жизни.

В качестве передовых технологий Индустрии 4.0 в содержании и средствах современного образования можно выделить [2, с. 293]:

- интернет вещей (учебные лаборатории удаленного доступа; дистанционные лабораторные стенды);
- аддитивное производство (3D-принтеры в учебных мастерских; 3D-моделирование (в дисциплинах информатика, математика); изготовление деталей роботов, технических устройств в дополнительном образовании учащихся);
- ИИ, машинное обучение и робототехника (использование в учебном процессе аватаров и чат-ботов для консультирования, тестирования и проектирования индивидуальных образовательных маршрутов учащихся; использование роботов присутствия при дистанционном обучении);
- большие данные, блокчейн и облачные вычисления (формирование защищенных портфолио учащихся и педагогов; фиксация сформированности учебных и профессиональных компетенций; использование в учебном процессе облачных технологий);
- виртуальная и дополненная реальность (использование в учебном процессе имитационных лабораторных стендов и лабораторных установок с элементами дополненной реальности).

Вузы не только являются носителями академической традиции и общесистемной эффективности, но и обладают невероятным потенциалом инноваций и нестандартных инициатив. Лишь осознав эту истину, можно реализовать потенциал преобразований, имеющийся у системы высшего образования [3, с. 68]. Использование вузами технологий ИИ облегчает процесс оказания образовательных услуг, способствует повышению их качества. ИИ позволяет формировать индивидуальную

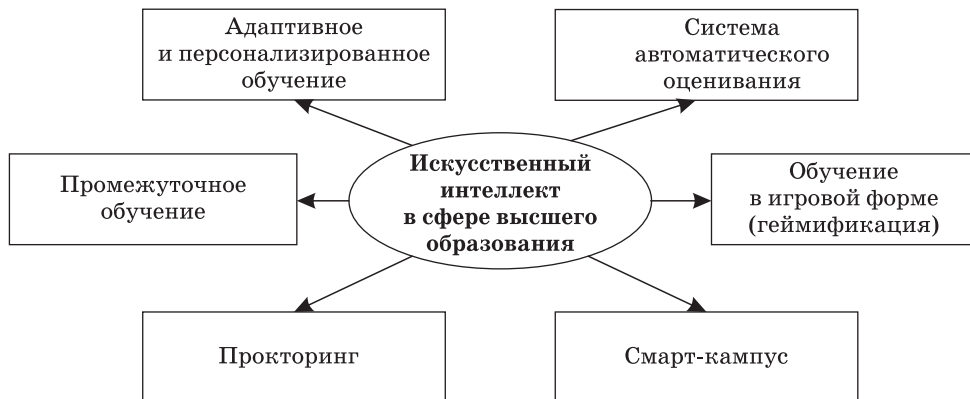

Рис. 3. Перспективные направления использования искусственного интеллекта в сфере высшего образования

Fig. 3. Promising uses of artificial intelligence in higher education

образовательную траекторию каждому студенту для успешного обучения в вузе и дальнейшего профессионального роста.

Представим некоторые перспективные направления использования ИИ.

Адаптивное и персонализированное обучение подразумевает подбор необходимого обучающего контента под потребности каждого студента с разным уровнем успеваемости, с возможностью отслеживания прогресса в обучении и изменения его траектории в зависимости от результатов.

Система автоматического оценивания позволяет осуществить автоматизированно беспристрастную оценку уровня знаний студентов, анализировать информацию о результатах обучения, давать рекомендации, разрабатывать эффективные индивидуальные планы обучения.

Промежуточное обучение — специализированная компьютерная программа позволяет студенту закреплять пройденный материал, определяет, когда он может его забыть и дает рекомендации для повторения.

Возможность *обучения в игровой форме (геймификация)* выражается в использовании игровых технологий и обучающих тренажеров в образовательном процессе.

Перспективным также является система *прокторинга*, которая способна осуществлять анализ поведения обучающегося, сдающего экзамен дистанционно: частота отвода взгляда от монитора, попытка смены вкладки в браузере, наличие посторонних лиц или же голосов и т.д. Следует отметить, что перечисленное может, с одной стороны, быть объективным при оценивании, но с другой стороны, в случае несовершенства системы, может в отдельных случаях приводить к неточностям. Например, возможно возникновение шума в помещении, не имеющего отношения к сдаче экзамена, который система может зафиксировать как нарушение; или например, могут возникнуть сложности при сдаче экзамена лицами, имеющими нарушения зрения (косоглазие) и др.

Смарт-кампус — проект позволит оперативно отвечать на различные вопросы студентов: расписание занятий; поиск аудиторий, в которых проводятся занятия; обратная связь с вузом, преподавателем; доступ к видеолекциям, аудиоматериалам, презентациям и т.д.; получение контрольных заданий; регистрация на различные образовательные программы, курсы; наличие необходимой литературы в библиотеке; наличие свободного места в общежитии, возможность выбора места; поиск свободного парковочного места и т.д.

Следует отметить, что перспективные направления использования искусственного интеллекта в сфере высшего образования не ограничиваются только вышеперечисленными.

На наш взгляд, ИИ вовсе не конкурент профессорско-преподавательскому составу ни в обучении, ни в оценивании знаний студентов. ИИ является вспомогательным, но ценным инструментом, который может выполнять и совершенствовать большое количество различных операций, осуществляемых в вузе, помогать в организации эффективного учебного процесса и выстраивании необходимых коммуникаций.

В быстро меняющемся мире, в условиях надвигающейся технологической сингулярности очевидно, что в скором будущем ряд профессий исчезнет, появятся новые актуальные профессии [1, с. 113; 10], в том числе в области искусственного интеллекта. Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. к 2024 г. в стране планируется существенное увеличение количества граждан, имеющих компетенции в области ИИ и в смежных областях его использования, а к 2030 г. должны реализовываться образовательные программы мирового уровня для подготовки высококвалифицированных специалистов и руководителей в области ИИ. Отечественные вузы должны занимать лидирующие позиции в мире по направлениям в области ИИ. Дефицит специалистов в этой области должен быть устранен, в том числе за счет привлечения ведущих иностранных специалистов, имеющих ученую степень¹. Уровень цифровизации в вузах страны очень разный, следовательно, для обеспечения вышеизложенного в Стратегии, нужны адекватные цифровые мощности, соответствующая материально-техническая база, необходимо построение многоуровневой системы образования в области анализа данных, ИИ и в смежных областях его применения.

Создание и развитие необходимой цифровой образовательной среды способствует повышению уровня цифровой компетентности всех участников образовательного процесса.

Таким образом, в результате проведенного исследования выделены и проанализированы перспективные направления использования искусственного интеллекта в сфере высшего образования, эффективное внедрение которых позволит осуществлять подбор наиболее оптимальной стратегии обучения, адаптированной под индивидуальные способности и потребности студентов и потребности рынка труда, выполнение и совершенствование большого количества различных операций, осуществляемых в вузах, помощь в организации эффективного учебного процесса и выстраивании необходимых коммуникаций.

Литература

1. Амиров Р. А. Стратегия развития высшего образования в России // Вестник НГИЭИ. 2019. № 8 (99). С. 105–117.
2. Китайгородский М. Д. Индустрия 4.0 и ее влияние на технологическое образование // Современные наукоемкие технологии. 2018. № 11–2. С. 290–294.
3. МакЭндрю К. Укрощение инноваций: как онлайн-магистратура вернула университету инициативу в преобразованиях // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 60–80.
4. Проблемы и перспективы цифровой трансформации образования в России и Китае. II Российско-китайская конференция исследователей образования «Цифровая трансформация образования и искусственный интеллект». Москва, Россия, 26–27 сентября 2019 г.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

[Текст] / А. Ю. Уваров, С. Ван, Ц. Кан и др.; отв. ред. И. В. Дворецкая; пер. с кит. Н. С. Кучмы; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

5. *Садовничий В. А.* Университеты, общество и будущее человечества // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2019. № 2. С. 5–14.
6. *Самсонович О. О., Фокина Е. А.* Искусственный интеллект — новые реалии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 5. С. 257–263.
7. *Славянов А. С., Фешина С. С.* Технологии искусственного интеллекта в образовании как фактор повышения качества человеческого капитала // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 7. С. 156–159.
8. *Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса : аналитический доклад /* Оганесян Т. К., Стырин Е. М., Абдрахманова Г. И., Розмирович С. Д. и др.; отв. ред. Д. С. Медовников. М. : НИУ ВШЭ, 2017.
9. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016.
10. *Armstrong P.* (2017) Which one of these will be your job title in 2037? // Fortune Blog. 21.09.2017. URL: <https://www.forbes.com/sites/paularmstrongtech/2017/09/21/which-one-of-these-will-be-your-job-title-in-2037/64eade9549f8> (дата обращения: 18.01.2020).
11. *Greene T.* (2017) Google's AI guru predicts humans and machines will merge within 20 years // The Next Web. 10.11.2017. URL: <https://thenextweb.com/artificial-intelligence/2017/11/10/googles-ai-guru-predicts-humans-and-machines-will-merge-within-20-years/> (дата обращения: 24.12.2019).

Об авторах:

Амиров Расул Аликадиевич, доцент кафедры менеджмента Дагестанского государственного университета, доцент кафедры экономики Дагестанского государственного университета народного хозяйства (г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; a.rasul05@yandex.ru

Билалова Узлипат Магомедалиевна, магистрант кафедры менеджмента Дагестанского государственного университета (г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация); uzlipat-bilalova-1997@inbox.ru

References

1. Amirov R. A. Strategy for the Development of Higher Education in Russia // NGIEU Messenger [Vestnik NGIEU]. 2019. No. 8 (99). P. 105–117. (In rus)
2. Kitaygorodskiy M. D. Industry 4.0 and its impact on technological education // Modern knowledge-intensive technologies [Sovremennye naukoemkie tekhnologii]. 2018. No. 11-2. P. 290–294. (In rus)
3. McAndrew Q. Innovation Leashed: How a MOOC-Based Master's Degree Brings Invention Home to the Institution // Education Studies [Voprosy obrazovaniya]. 2018. No. 4. P. 60–80. (In rus)
4. Challenges and prospects for digital transformation of education in Russia and China. II Russian-Chinese Conference of Education Researchers "Digital Transformation of Education and Artificial Intelligence". Moscow, Russia, September 26–27, 2019. [Text] / A. Yu. Uvarov, S. Wang, etc.; ex. ed. I. V. Dvoretzskaya; translation from Chinese N. S. Kuchma; National Research University "Higher School of Economics." M.: HSE Publishing House, 2019. 155 p. (In rus)
5. Sadovnichiy V. A. Universities, Society and the Future of Mankind // Journal of the Voronezh State University. Series: Problems of higher education [Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya]. 2019. No. 2. P. 5–14. (In rus)
6. Samsonovich O. O., Fokina E. A. Artificial Intelligence - New Realities // International Journal of Applied and Fundamental Research [Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy]. 2018. No. 5. P. 257–263. (In rus)
7. Slavyanov A. S., Feshina S. S. Artificial intelligence technologies in education as a factor in improving the quality of human capital // Economics and business: theory and practice [Ekonomika i biznes: teoriya i praktika]. 2019. No. 7. P. 156–159. (In rus)
8. Digital Economy: Global Trends and Practice of Russian Business: Analytical Report / Oganeyan T. K., Styryin E. M., Abdrahmanova G. I., Rosemirovich S. D., Merkulova D. Yu., Bikbulatova Yu. S.; ex. ed. Medovnikov D. S. M.: HSE, 2017. 121 p. (In rus)

9. Schwab K. Fourth Industrial Revolution. M.: Eksmo, 2016. (In rus)
10. Armstrong P. (2017) Which one of these will be your job title in 2037? // Fortune Blog. 21.09.2017. URL: <https://www.forbes.com/sites/paularmstrongtech/2017/09/21/which-one-of-these-will-be-your-job-title-in-2037/64eade9549f8> (date of address: 18.01.2020).
11. Greene T. (2017) Google's AI guru predicts humans and machines will merge within 20 years // The Next Web. 10.11.2017. URL: <https://thenextweb.com/artificial-intelligence/2017/11/10/googles-ai-guru-predicts-humans-and-machines-will-merge-within-20-years/> (date of address: 24.12.2019).

About the authors:

Rasul A. Amirov, Associate Professor of the Chair of Management of Dagestan State University, Associate Professor at the Chair of Economics of Dagestan State University of National Economy (Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; a.rasul05@yandex.ru

Uzlipat M. Bilalova, Master's Degree student of the Chair of Management of Dagestan State University (Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation; uzlipat-bilalova-1997@inbox.ru

Вовлеченность работников как ведущий фактор успеха банка на современном этапе

Артамонов А. С.

ПАО Сбербанк, Москва, Российская Федерация; a_artamonov@mail.ru

РЕФЕРАТ

Основным активом банков является персонал. Привлечение и удержание работников массовых специальностей, непосредственно занятых клиентской работой, становится все более сложной задачей из-за «демографической ямы» 1990-х годов. Перед банками стоит задача сохранения эффективности работы, минимизации операционных рисков и высокие стандарты продаж и обслуживания клиентов, которые может реализовать в высшей степени лояльный персонал. Для изучения и измерения этой эмоциональной связи работников и организаций ведутся регулярные измерения индекса вовлеченности персонала, охватывающего все аспекты работы в компании. Опросы помогают выявить области развития в вовлеченности работников, принять правильные управленческие решения, важные для данной категории персонала банка.

Предметом статьи является систематизация определений, требований и подходов к вовлеченности банковских работников и к интерпретации результатов ее исследований в контексте организации и ее стратегии.

Целью статьи является установление прямой связи между стратегией, организационной эффективностью и вовлеченностью персонала в рамках концепции 7S, систематизация теоретических подходов и постановка единого определения вовлеченности персонала, обоснование необходимости поднятия вовлеченности работников для банка, выделение факторов вовлеченности и групп персонала банков, к которым они применимы, анализ механизма ответов на вопросы со стороны работников и матрицы эффективности и возможных мер управленческого воздействия по результатам проведения опроса и их интерпретации.

Обоснован довод, что эффективность организации при реализации ее стратегии напрямую зависит от вовлеченности персонала; система компенсаций и льгот является важнейшим драйвером вовлеченности работников розничных массовых специальностей (начальных в карьере).

Вывод: хотя факторы вовлеченности охватывают все аспекты работы в банке, для работников массовых специальностей (начальных должностей в карьере), занятых клиентской работой, фактор вознаграждений и льгот влияет на все остальные и является сквозным.

Ключевые слова: вовлеченность, 7S McKinsey, индекс вовлеченности, мотивация, персонал, банки, банковское дело

Для цитирования: Артамонов А. С. Вовлеченность работников как ведущий фактор успеха банка на современном этапе // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 89–98.

Employee Engagement as a Leading Success Factor for a Modern Bank

Alexander S. Artamonov

PJSC Sberbank, Moscow, Russian Federation; a_artamonov@mail.ru

ABSTRACT

The main asset of banks is staff. Attracting and retaining workers of mass specialties directly involved in client work becomes an increasingly difficult task due to the “demographic pit” of the 1990s. Banks are faced with the task of maintaining operational efficiency, minimizing operational risks and high standards of sales and customer service, which can be realized by highly loyal personnel. To study and measure this emotional connection between employees and organizations, regular meas-

requirements of the employee engagement index are carried out, covering all aspects of work in the company. Surveys help identify areas of development in employee involvement and make the right management decisions that are important for this category of bank personnel.

The subject of the article is the systematization of definitions, requirements and approaches to the involvement of bank employees and to the interpretation of the results of its research in the context of the organization and its strategy.

The aim of the article is to establish a direct relationship between the strategy, organizational effectiveness and employee involvement within the framework of the 7S concept, systematize theoretical approaches and formulate a single definition of personnel involvement, justify the need to increase employee involvement for the bank, identify the factors of involvement and groups of bank personnel to which they are applicable, analysis the mechanism of answers to questions from employees and the performance matrix and possible measures of managerial impact as a result there is a survey and their interpretation.

The argument is justified that the effectiveness of the organization in the implementation of its strategy directly depends on the involvement of staff; the system of compensations and benefits is the most important driver of involvement with employees of retail mass specialties (initial in a career).

Conclusion: although the involvement factors cover all aspects of working in a bank, for mass workers (initial positions in a career) engaged in client work, the remuneration and benefits factor affects everyone else and is cross-cutting.

Keywords: employee engagement, 7S McKinsey, motivation, staff, banking

For citing: Artamonov A. S. Employee Engagement as a Leading Success Factor for a Modern Bank // Administrative consulting. 2020. N 3. P. 89–98.

Из-за демографической ямы 1990-х годов в России банки сталкиваются с необходимостью борьбы за привлечение и удержание работников, которые непосредственно осуществляют работу с клиентами в отделениях, колл-центрах, продажах на предприятиях. При этом в высококонкурентной банковской бизнес-среде приоритетами остаются эффективность работы, минимизация операционных рисков и высокие стандарты продаж и обслуживания клиентов. На первый план выходит создание эмоциональной связи работника с работодателем, которая в рамках парадигмы «счастливый сотрудник — довольный клиент» позволяет претворять эти приоритеты в жизнь. Для изучения и измерения этой эмоциональной связи в бизнес-среде широко используют термин «Вовлеченность персонала», считающийся высшим уровнем приверженности работника компании.

Вовлеченность персонала — состояние эмоциональной и интеллектуальной приверженности работника компании, которое побуждает его выполнять его работу как можно лучше, воспринимая бизнес компании как свой, и при котором он считает своим долгом внести свой вклад в процветание бизнеса: готов выходить за рамки своих обязанностей, качественно и производительно выполнять свою работу и добиваться целей, способствует выявлению, исполнению и предупреждению просчетов своих коллег, подчиненных и руководства, постоянно иницирует новые методы и подходы эффективного решения тактических задач в достижении стратегических целей, тратит дополнительную энергию для достижения целей компании. Вовлеченность сотрудников состоит из трех главных составляющих:

- удовлетворенности работой (ее содержательностью и разнообразием, степенью независимости и самостоятельности выполнения, организацией рабочих процессов и процедур, наличием необходимых для успешного выполнения работы ресурсов, режимом и условиями работы, уровнем заработной платы, перспективами профессионального развития и должностного роста, взаимоотношениями с руководством и коллегами и т. д.);
- лояльности — позитивного отношения к компании, работодателю и корпоративному бренду, транслируемого окружающим людям, а также нацеленности на долгосрочную работу в организации;

- сверхнормативной активности — готовности работать не просто в рамках исполнения своих формальных должностных обязанностей, а стремления проявлять инициативность, направленную на улучшение сложившихся практик работы, поиск новых путей решения порученных задач, повышение качества и надежности, минимизацию издержек, совершенствование уровня клиентского сервиса, систематически прилагать дополнительные усилия для достижения максимально высокого рабочего результата, превосходящего исходные ожидания клиентов, коллег и руководства.

Вовлеченность возникает тогда, когда сотрудники (а за ними и клиенты) делают эмоциональный выбор в пользу компании — что критично для банков¹. Корпоративная культура должна быть целеориентированной и антропоцентричной, работник не может быть вовлечен в условиях авторитарной модели управления². В жесткой конкуренции современные сервисные организации должны создавать работоспособные и вовлеченные команды единомышленников. Базовым подходом, связывающим вовлеченность, стратегию организации и ее мотивированный персонал, считается модель 7S компании McKinsey³. Компания предлагает 7 ключевых параметров как условия формирования вовлеченности (рис. 1).

Концепция 7S состоит в единстве и взаимосвязи всех ее составляющих элементов, краеугольным из которых являются ценности, разделяемые всеми работниками:

- 1) Shared values (Общие ценности);
- 2) Strategy (Стратегия);
- 3) Staff (Персонал);
- 4) Skills (Компетенции);
- 5) Systems (Условия труда, правила внутреннего трудового распорядка, системы управления);
- 6) Style (Системы коммуникации и управления);
- 7) Structure (Структура).

Данная модель широко используется в мире при диагностике проблем внутри компаний независимо от отрасли экономики и месторасположения. Модель акцентирует внимание на критичной роли координации (а не структуры) для эффективной работы организации. Очевидно, что все элементы модели напрямую влияют на вовлеченность персонала. В табл. 1 сопоставим типичные факторы вовлеченности с организационными элементами модели 7S.

Уровень вовлеченности сотрудников является одним из ключевых факторов результативности и эффективности организаций, а также их высокой рыночной адаптивности и способности успешно противостоять многочисленным вызовам современного мира. Данные исследований крупнейших мировых консалтинговых компаний Aon Hewitt, Gallup International, Korn Ferry Hay Group и Towers Watson, проведенные за последнее десятилетие и обобщившие результаты опросов миллионов работников тысяч организаций разной отраслевой специфики, размеров и географии деятельности, убедительно свидетельствуют о прямом влиянии уровня вовлеченности сотрудников на итоговые финансовые результаты, а также другие важнейшие бизнес-показатели компаний⁴. Сравнивались показатели компаний, имеющих, согласно итоговому индексу вовлечен-

¹ Вовлеченность персонала: как ее исследовать и какая от нее польза [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/hr/42836-vovlechnennost-personala-kak-ee-issledovat-i-kakaya-ot-nee-polza> (дата обращения: 08.11.2019).

² Нежданов Д. 7 уровней вовлеченности персонала [Электронный ресурс]. URL: <https://hr-portal.ru/blog/7-urovney-vovlechnennosti-personala> (дата обращения: 05.11.2019).

³ Enduring Ideas: The 7-S Framework. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/enduring-ideas-the-7-s-framework> (дата обращения: 15.11.2019).

⁴ Егорова А. Вовлеченность персонала. 7 шагов к пониманию [Электронный ресурс]. URL: https://www.groupbr.ru/upload/Vovlechnennost_personala.pdf (дата обращения: 07.11.2019).

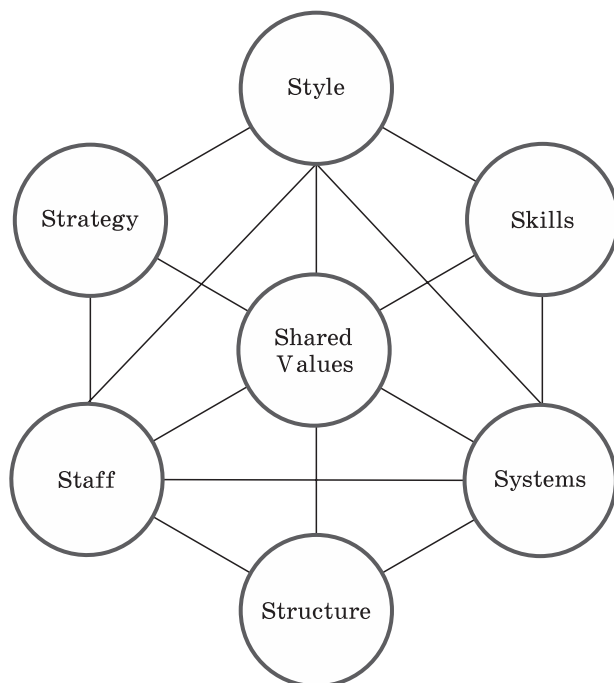

Рис. 1. Модель 7S компании McKinsey
Fig. 1. 7S Model of the Company McKinsey

Источник: McKinsey. Enduring Ideas: The 7-S Framework.

ности персонала, низкий уровень вовлеченности и компаний с высоким уровнем вовлеченности.

Так, у последних:

- на 22–43% выше акционерная доходность;
- в 4,5 раза выше темп роста прибыли¹;
- на 17,5% выше операционная прибыль (27,4% против 9,9%);
- на 10% выше уровень удовлетворенности потребителей;
- на 18–21% выше производительность труда;
- в 2 раза больше количество перспективных соискателей на каждую из открытых вакансий;
- на 50–65% ниже текучесть персонала;
- в 2,5 раза меньше продолжительность пребывания сотрудников на больничном (2,69 против 6,19 дней в год);
- на 28% меньше количество коллективных споров и конфликтов работников с администрацией;
- на 41% ниже уровень производственного брака;
- на 48% меньше количество аварий, обусловленных нарушением техники безопасности;

¹ Korn Ferry Hay Group. Employee Engagement [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kornferry.com/solutions/organizational-strategy/employee-engagement> (дата обращения: 07.11.2019).

Таблица 1

Модель 7S компании McKinsey и основные факторы вовлеченности, выделяемые компаниями Aon Hewitt, Gallup International, Korn Ferry Hay Group и Towers Watson
 Table 1. The 7S model of the Company McKinsey and major engagement factors highlighted by Aon Hewitt, Gallup International, Korn Ferry Hay Group and Towers Watson

№	Компонент 7S	Фактор вовлеченности
1	Shared values (Общие ценности)	Эффективность работы в банке Ориентация на клиента Рабочая атмосфера
2	Strategy (Стратегия)	Управление изменениями Ориентация на клиента Имидж высшего руководства
3	Staff (Персонал)	Карьерный рост и самореализация Рабочий график и условия труда Рабочая атмосфера
4	Skills (Компетенции)	Карьерный рост и самореализация
5	Systems (Условия труда, правила внутреннего трудового распорядка, системы управления)	Ориентация на клиента
6	Style (Системы коммуникации и управления)	Имидж высшего руководства Эффективность работы в банке Рабочая атмосфера
7	Structure (Структура)	Эффективность работы в банке Рабочая атмосфера Управление изменениями

- на 40% меньше количество пострадавших из-за нарушений техники безопасности^{1, 2, 3, 4}.

Измерения индекса вовлеченности проводятся путем анкетирования работников (табл. 2). В случае если существует высокая степень дифференциации в труде и внедрена система должностных разрядов (грейдов), т. е. унифицированная разрядная форма оплаты труда, для более точного получения ответов от респондентов, выделения «сильных зон» и «зон роста» в разрезе категорий персонала банка, перед анкетированием работников условно разделяют на группы.

1. Высшее руководство (руководство банка или банковской группой).
2. Руководители среднего звена (управляющие регионами, бизнес-функциями и пр.).
3. Линейное руководство (начальники отделов/руководители линейных подразделений).

¹ CIPD Employee Engagement and Motivation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cipd.co.uk/knowledge/fundamentals/relations/engagement/factsheet> (дата обращения: 07.11.2019).

² Кириллов Л. Вовлеченность персонала как фактор успеха компании в условиях кризиса [Электронный ресурс]. URL: https://www.cfin.ru/anticrisis/methodical_material/consultants/employee_engagement.shtml (дата обращения: 03.11.2019).

³ Gallup. Employee Engagement [Электронный ресурс]. URL: https://hr-portal.ru/files/Employee_Engagement_Overview_Brochure.pdf (дата обращения: 07.11.2019).

⁴ Korn Ferry Hay Group. Вовлеченность персонала [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kornferry.com/ru/solutions-ru/organizational-strategy-ru/employee-engagement-ru> (дата обращения: 07.11.2019).

Факторы и соответствующие им типовые вопросы в опросах вовлеченности

Table 2. Factors and Their Template Questions in Engagement Surveys

№	Фактор	Содержание
1	Карьерный рост и самореализация	Доступность обучения и развития, наличие возможности сделать карьеру
2	Изменения	Уровень информированности о решениях руководства, деятельности других подразделений, степень влияния на изменения
3	Ориентация на клиента ¹	Ориентированность на полноценный качественный сервис клиентам на основании их потребностей
4	Имидж высшего руководства	Ясность приоритетов развития, эффективность управления, открытость
5	Эффективность работы	Распределение, делегирование ответственности, обратная связь, своевременность решений
6	Компенсации и льготы	Связь дохода с результатами деятельности, внешняя конкурентоспособность, понятность правил расчета, справедливость оплаты труда
7	Рабочий график и условия труда	Поддержка здорового образа жизни, комфортность рабочего места, баланс работы и личной жизни
8	Атмосфера работы	Сотрудничество, ответственность, решение проблем

Составлено автором.

¹ Talent Management. People. Practice. Insights. May 8, 2015. Kraig E., Himanshu T. Treating Employees As Customers [Электронный ресурс]. URL: https://www.accenture.com/t20161212T072706Z_w___us-en/_acnmedia/Accenture/Conversion-Assets/DotCom/Documents/Global/PDF/Dualpub_21/Accenture-Treating-Employees-Customers.pdf?en=zoom=50 (дата обращения: 12.11.2019).

4. Специалисты (юристы, бухгалтеры, бэк-офисные специалисты и др.).
5. Работники массовых специальностей (менеджеры по продажам и обслуживанию клиентов, операторы колл-центров и др.).
6. Обслуживающий персонал (механики, уборщики, лифтеры и др.).

Методология предусматривает предоставление респондентами ответов на вопросы из 6 категорий и сравнение каждого их с отраслевыми и территориальными бенчмарками, которые предоставляет компания к моменту обработки результатов (см. рис. 3).

Ответы на каждый вопрос даются респондентами в виде выставления оценки по закрытой шкале от 1 до 7, где 1 соответствует ответу «Абсолютно не согласен», 7 — «Полностью согласен». Далее провайдер по специальным формулам проводит нормирование ответов на вопросы по стобалльной шкале и выводит средний

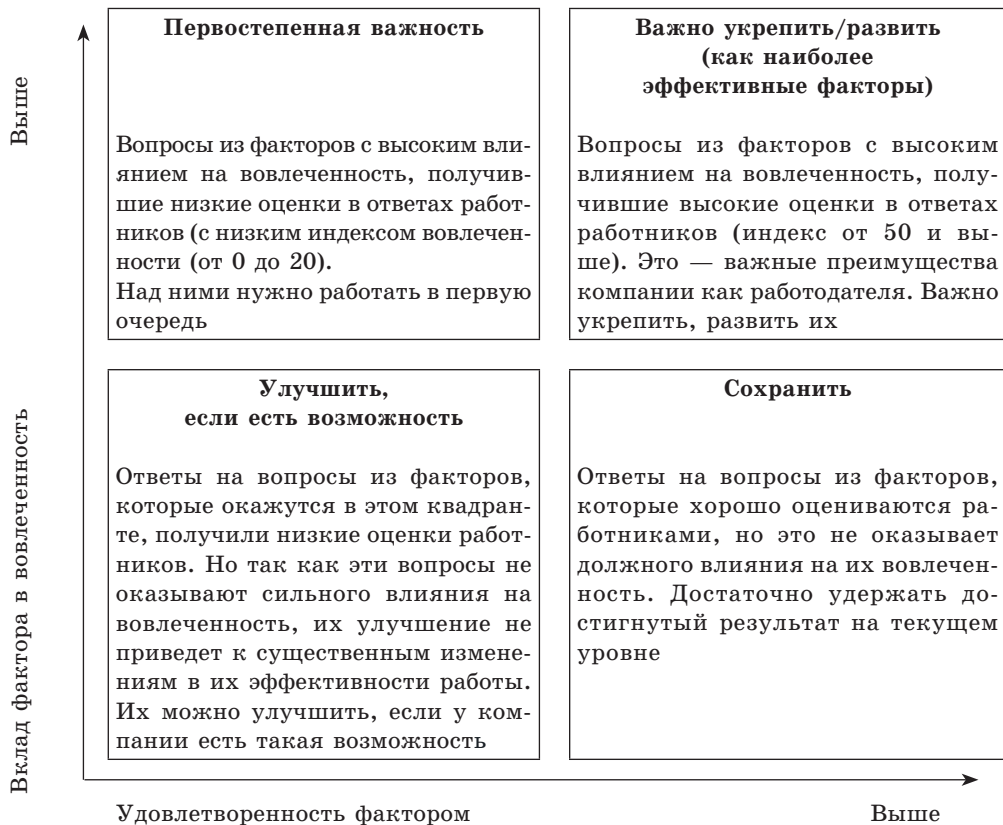

Рис. 2. Типовая матрица эффективности ответов на вопросы в банковских опросах вовлеченности

Fig. 2. Typical Response Performance Matrix for Bank Engagement Surveys

Составлено автором.

рейтинг ответов на вопросы по каждому из факторов в разрезе каждой из групп персонала. Обработка результатов опроса осуществляется с применением «Матрицы эффективности». На рис. 2 приведена типовая матрица эффективности ответов на вопросы в банковских опросах вовлеченности, в которой индекс ответов на вопросы из факторов вовлеченности помещается в 4 группы в зависимости от ответов респондентов. На основании широты присутствия вопросов из того или иного фактора в том или ином квадранте, руководство принимает решения о дальнейших действиях по повышению или удержанию вовлеченности работников. Индекс вовлеченности в целом определяется как среднее арифметическое от индексов вовлеченности всех респондентов из группы персонала. Несмотря на формальное деление вопросов по факторам в процессе опроса, выделяются ключевые вопросы из различных факторов, выступающие индикаторами матрицы эффективности для принятия управленческих решений о развитии, расходовании ресурсов компании.

Значения индекса вовлеченности принято интерпретировать по следующей шкале (рис. 3).

При измерении и интерпретации результатов исследований вовлеченности следует обращать особое внимание на отрасль организации, категорию персо-

Уровень вовлеченности	Индекс вовлеченности
Низкий	от 0 до 20
Ниже среднего	от 20 до 40
Средний	от 40 до 60
Выше среднего	от 60 до 80
Высокий	от 80 до 100

Рис. 3. Интерпретация индекса вовлеченности
Fig. 3. Interpretation of the index of the involvement

Составлено автором.

нала и регион, в котором проводился опрос. В частности, при исследовании вовлеченности работников массовых специальностей банков с централизованной разрядной системой оплаты труда, действующей на территории всей страны, по нашему мнению, было бы справедливо уделить особое внимание их функционалу. Так, в соответствии со ст. 1 ФЗ «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 26.07.2019), Банк — кредитная организация, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц¹. Работник массовой розничной банковской специальности (начальной в карьерной лестнице в банке) ежедневно в процессе взаимодействия с клиентами — физическими лицами, занимается операциями по продаже банковских продуктов и услуг, сопровождает движение средств по счетам, открывает депозиты. Этот функционал находит отражение в банковской модели должностей Hay Group Pay Net, используемой при оценке должностей (присвоении им разрядов на основании знаний — умений — решения проблем и ответственности за результат)².

Рассмотрим и обоснуем связь фактора компенсаций и льгот с остальными факторами вовлеченности в случае с работниками массовых розничных специальностей, непосредственно задействованного в обслуживании клиентов (рис. 4).

Мы считаем, что в случае с работниками массовых розничных специальностей фактор компенсаций и льгот непосредственно или опосредованно влияет на все остальные [1]. Важно отметить, что в силу своих функциональных обязанностей, работники массовых розничных специальностей имеют доступ к данным счетов клиентов и могут сопоставить с ними свой доход. В этом смысле рассмотрение этого фактора как сквозного позволяет, помимо поднятия вовлеченности, серьезно уменьшить риски утечки данных, мошенничества, хищений и иные банковские риски.

¹ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 26.07.2019) «О банках и банковской деятельности», ст. 1.

² Korn Ferry Hay Group [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kornferry.com/rewards-benefits-overview/pay-benchmarking> (дата обращения: 30.09.2017).

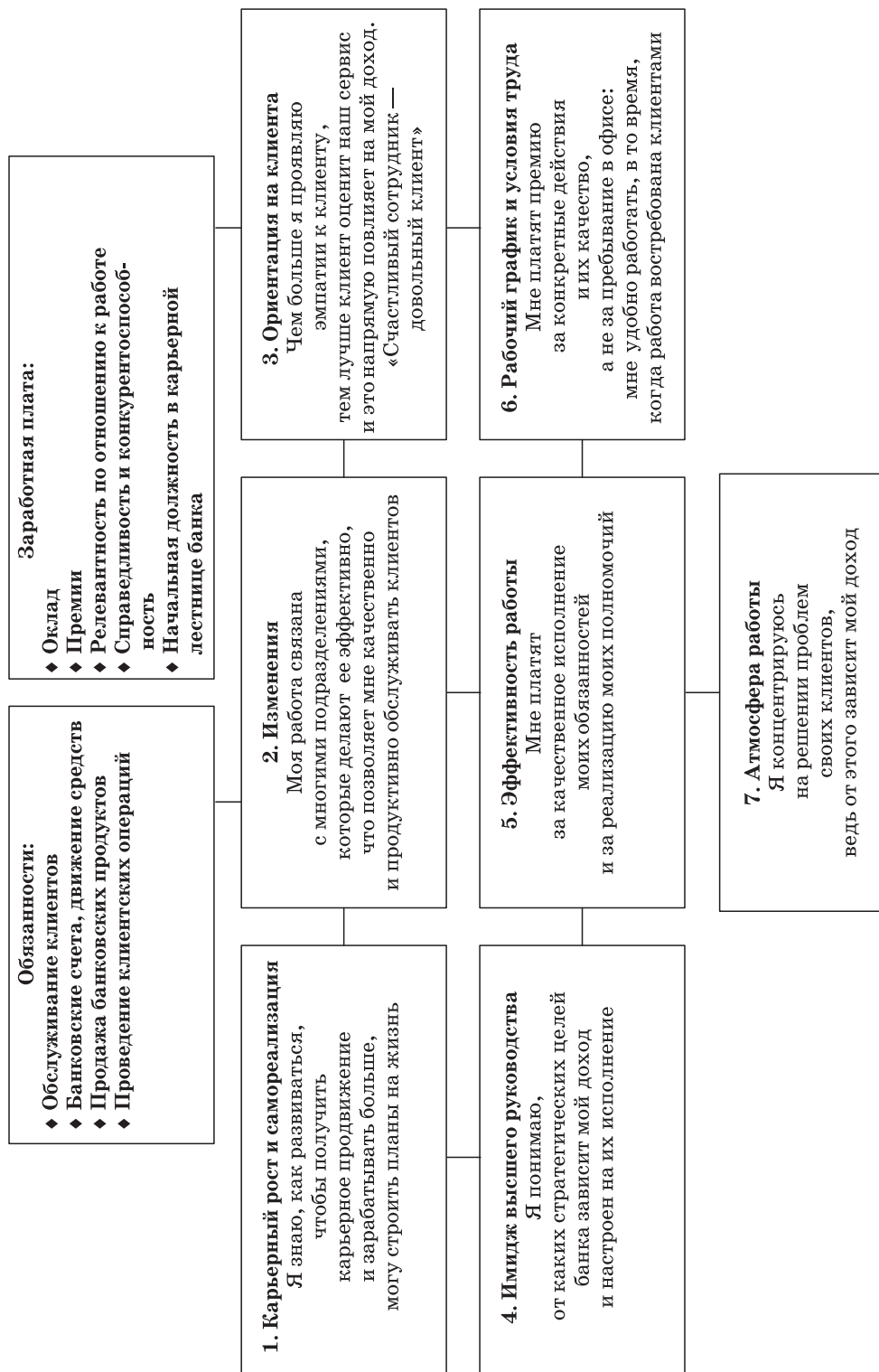

Рис. 4. Связь компенсаций и льгот с остальными факторами вовлеченности
Fig. 4. Link compensation and benefits to other engagement factors

Составлено автором.

Выводы

Эффективностью любой сервисной организации в условиях ожесточенной борьбы за ее главный ресурс — персонал, равно как и залогом реализации ею стратегии (а значит, выживания на рынке), является вовлеченный и мотивированный персонал, разделяющий общие ценности компании. Общие ценности пронизывают все управленческие аспекты деятельности сервисной организации, и это доказано в концепции 7S от McKinsey. Вовлеченность — наивысшее состояние лояльности работника по отношению к организации, когда работник готов сделать больше, чтобы она была успешна, так как он ассоциирует ее успех и собственный. Зрелые организации осуществляют регулярный замер индекса вовлеченности, используя до 10 различных факторов измерения. Для оценки индекса используется типовая шкала измерений. Верная интерпретация результатов исследований и принятие управленческих решений на их основе возможны только принимая во внимание исследуемой группы персонала, географии, отрасли. В розничных банках для работников массовых специальностей, сопровождающих клиентские банковские операции, фактор компенсаций и льгот выглядит краеугольным в связи с тем, что, с одной стороны, эти должности — начальные в карьере, с другой — в их функционал входит непосредственное финансовое обслуживание клиентов.

Литература

1. Артамонов А. С. Оплата труда поколения Y: особенности и вызовы // Управленческие науки в современном мире. 2015. Т. 1. № 1. С. 551–555.

Об авторе:

Артамонов Александр Сергеевич, начальник отдела ПАО Сбербанк (Москва, Российская Федерация); a_artamonov@mail.ru

References

1. Artamonov A. S. Generation Y remuneration: peculiarities and challenges // Managerial sciences in the modern world [Upravlencheskie nauki v sovremennom mire]. 2015. V. 1. No. 1. P. 551–555. (In rus)

About the author:

Alexander S. Artamonov, Head of of department of PJSC Sberbank (Moscow, Russian Federation); a_artamonov@mail.ru

Институциональный анализ российской избирательной системы

Шалашова О. Н.

Территориальная избирательная комиссия № 3, Санкт-Петербург, Российская Федерация; 9520530@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цель статьи — институциональный анализ факторов, препятствующих институционализации выборов в современной России. *Теоретическую базу* исследования составили бихевиоризм, рассматриваемый в контексте выборов, и теория формальных и неформальных институтов. Логическая рамка анализа избирательной системы Российской Федерации была сформирована на основе указанных теорий. Теории бихевиоризма, формальных и неформальных институтов позволяют разделить выборы на составляющие, что вместе с анализом изменений в избирательном законодательстве и изучением действий органов государственной власти решает ключевой исследовательский вопрос данной работы. На основе теоретического анализа сделан ряд *выводов* об избирательной системе в Российской Федерации в качестве института политической жизни общества. В частности, были выделены факторы, препятствующие превращению выборов в ключевой драйвер обновления демократического уклада современного государства. К ним относятся: существующий в обществе социальный конформизм относительно избирательного процесса; рассмотрение выборов скорее как способа борьбы между конкурирующими политическими акторами и партиями, нежели как демократического механизма по волеизъявлению интересов народа; относительно частое изменение законодательства, регулирующего выборы, особенно, когда эти преобразования не сопровождаются дополнительными мерами, которые направлены на донесение мотивов действий правительства до граждан; манипулирование выборами, возможное благодаря толерантности к фальсификациям и неравному доступу кандидатов и партий, со взглядами, отличающимися от тех, которых придерживаются правящие элиты; предрасположение к неформальным институтам в стране, которое косвенным образом легитимизирует наличие «подрывных» институтов внутри формального института выборов, что и препятствует его развитию; практики голосования в результате влияния личных качеств инкумбента, а не исходя из политических интересов или демократических принципов. В статье показывается, что указанные факторы повышают тенденции к абсентизму, укрепляют роль инкумбента, но снижают институциональный потенциал выборов.

Ключевые слова: избирательный процесс, институциональный анализ, формальные и неформальные институты, выборная система в России

Для цитирования: Шалашова О. Н. Институциональный анализ российской избирательной системы // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 99–109.

Institutional Analysis of the Russian Electoral System

Olga N. Shalashova

Territorial election commission N 3, Saint-Petersburg, Russian Federation; 9520530@mail.ru

ABSTRACT

The *purpose* of this article is an institutional analysis of the factors that hinder the institutionalization of elections in contemporary Russia. Theoretical basis of the study are the behaviorism theory considered in the context of elections, as well as the theory of formal and informal institutions. The *framework for the analysis* of the electoral system of the Russian Federation was formed on the basis of these theories. The theories of behaviorism and formal and informal institutions make it possible to divide elections into constituents, which together with the analysis of changes in electoral legislation and the study of the actions of government agencies solves the key research issue of this paper. On the basis of theoretical analysis, a number of conclusions were drawn about the

electoral system in the Russian Federation as an institution of political life. In particular, the factors preventing the development of elections as one of the fundamental components of the democratic way of life in the state were highlighted. These include: the existing social conformism in society regarding the electoral process; considering elections as a way of fighting between competing political actors and parties rather than as a democratic mechanism to express the interests of the people; relatively frequent changes in the legislation governing elections, especially when these changes are not accompanied by additional measures aimed at conveying the motives of government actions to citizens; manipulation of elections, which is possible thanks to the fact that they are not accompanied by additional measures. The study shows that these factors increase the tendencies to absenteeism, strengthen the role of incubator, but reduce the institutional capacity of elections.

Keywords: electoral process, institutional analysis, formal and informal institutions, electoral system in Russia

For citing: Shalashova O. N. Institutional Analysis of the Russian Electoral System // Administrative consulting. 2020. N 3. P. 99–109.

Введение

По сложившейся в политологии традиции выборы принято рассматривать в качестве одной из основополагающих составляющих демократического уклада в государстве, и в большинстве демократических государств выборы установились как один из важнейших институтов политической жизни общества [13]. Развитие и функционирование данного института было подвержено влиянию множества внешних и внутренних факторов экономического, политического и социального характера. Зачастую в результате подобного влияния процесс институционализации выборов в государстве сталкивался со множеством затруднений, а в определенные периоды мог вовсе пребывать в состоянии стагнации. Тем не менее в развитых странах, где институционализация выборов представляла собой долгий и последовательный процесс, сегодня мы можем наблюдать четкие маркеры «налаженности» избирательного процесса, включая высокий уровень доверия данному институту со стороны гражданского общества, что в том числе отражается на высокой посещаемости выборов и относительно честной конкуренции кандидатов [14; 21].

Однако в XXI в. нередки прецеденты, когда выборы могут служить определенной платформой для идеологических интеракций правительственных систем, деятельности противоборствующих политических субъектов, например, партий, политических элит, независимых политиков. Если же рассматривать избирательный процесс шире, то выборный процесс становится пространством взаимодействия и различных некоммерческих организаций, средств массовой информации и представителей бизнес-лобби. Анализ тех государств, в которых действует именно такой, пограничный, режим, представляет сегодня особый интерес для политической науки [22]. К таким государствам относится и Россия, различные аспекты выборной системы которой уже освещены в исследовательских работах [11; 14; 19; 22]. Тем не менее, вопросы идентификации факторов, которые препятствуют институционализации выборов в Российской Федерации, требуют дополнительного изучения. Этой проблеме и посвящена данная статья. Используя институциональный анализ избирательной системы современной России, мы определим те факторы, которые оказывают значительное влияние на формирование выборов в качестве института в политической жизни страны [18; 14].

Теоретические основы

Одной из наиболее разработанных и в то же время перспективных теорий, описывающих основы избирательного процесса и выборов в целом, является теория формальных и неформальных институтов. Среди исследователей, использующих

данную теорию для описания политических и избирательных систем, можно выделить Г. Хелмке, С. Левицки, А.П. Заостровцева, В.Я. Гельмана. В их работах доказывается, что выборы разных уровней обладают уникальными характеристиками, которые способны оказать влияние на процесс институционализации, и эти уровни необходимо рассматривать по отдельности, формируя в результате такого анализа универсальные выводы о логике функционирования институтов [1; 2; 5; 20]. Другой сильной стороной этих теорий является то, что в отличие от большинства теорий выборов, которые предполагают, что избиратели и политические деятели полностью рациональны [16, с. 74], данные концепции учитывают роль индивида в политических процессах. Хотя теории, основанные на представлениях о рациональности, служат основой для множества политических, экономических и других междисциплинарных исследований, они также порождают некоторые «аномалии», наиболее известные из которых касаются, например, явки избирателей. Иначе говоря, не все аспекты избирательного процесса в полной мере отвечают постулатам рационализма.

Поскольку институциональный анализ предполагает разделение крупных систем на составляющие, то в системе также имеет значение. Именно поэтому при институциональном анализе избирательной системы особое значение приобретает бихевиористская теория выборов. В середине XX в. исследователями Чикагской школы была разработана теория бихевиоризма, которая в скором времени нашла применение и в политической жизни. Теория «ограниченной рациональности», которая активно развивается в рамках пост-бихевиоризма, предполагает обучение методом проб и ошибок. Действия, которые привели к результату, превосходящему стремления некоего политического актора, с большей вероятностью будут использоваться в будущем, в то время как те, которые не позволили ему достичь цели, позднее будут применяться реже. Основываясь на этой идее адаптации, сегодня создаются модели партийной конкуренции, явки избирателей и выбора кандидатов избирателями. Эти модели способны достоверно предсказывать уровни явки избирателей, сортировку избирателей по партиям и победы партий, занимающих позднее центристские платформы. На многопартийных выборах избиратели могут координировать выбор голосов по большinstву предпочтительных кандидатов, в то время как все кандидаты получают значительные доли голосов. Теоретические предположения и результаты, достигнутые посредством анализа, в значительной степени согласуются с реальными статистическими данными о выборах.

Теория бихевиоризма объясняет и избирательное поведение граждан. Так, например, существует теория авторитарного типа личности, согласно которой определенный тип людей склонен делать выбор, руководствуясь не столько рациональными характеристиками кандидатов, сколько близостью его принципов к своим собственным [3, с. 70]. При анализе процесса становления демократических институтов в государствах с авторитарным или «гибридным» типом управления важно учитывать и поведенческую составляющую, так как от того, как формальный институт воспринимается гражданами, и зависит его дальнейший путь развития.

Таким образом, бихевиористская теория с ее акцентом на поведенческой составляющей является значимой теоретической рамкой, применяемой при анализе выборной системы государства. Ее использование институционалистами привело к развитию теории, которая гласит, что существуют формальные институты, которые, как правило, закреплены на законодательном уровне, их работа строго регламентирована и обладает рядом четко сформулированных общественно значимых функций, невыполнение которых субъектами в рамках данного института может повлечь за собой определенные санкции. Существование же неформальных институтов в контексте политической жизни и избирательного процесса в частности возможно исключительно благодаря тому, что между гражданами, партиями, эли-

тами и иными субъектами политики возникают не установленные законом взаимодействия.

Среди современных исследователей нет единой точки зрения относительно того, в рамках каких институтов возникают наиболее устойчивые и эффективные отношения между субъектами. Ситуация и ее конкретное наполнение варьируются в зависимости от множества факторов, например: политического строя, уровня прозрачности государственных органов, социальных факторов и даже исторических предпосылок [18, с. 734]. Не существует также одной позиции относительно позитивных и негативных эффектов (outcomes) от наличия в политической жизни государства устоявшихся неформальных институтов. До недавнего времени было принято полагать, что формальные и неформальные институты не могут эффективно сосуществовать в одной системе, они рассматривались в качестве конкурирующих между собой институтов. Тем не менее исследователями Г. Хелмке и С. Левицки была выдвинута гипотеза о том, с точки зрения политической жизни эти два типа институтов не только могут сосуществовать, но их сочетание способно усиливать как позитивный, так и негативный для общества эффект [21, с. 168]. Так, если формальные институты в государстве обладают низкой эффективностью, то на определенном этапе развития они начинают сосуществовать с неформальными институтами, интересы расходятся с первыми. Именно в данном случае будет иметь место конкурирование институтов. Подобное конкурирование в зависимости от устоявшихся норм поведения на государственном уровне может иметь различный исход, в том числе и неблагоприятный для формальных институтов [2, с. 19].

В.Я. Гельманом был введен термин «подрывных» неформальных институтов. Данный термин применим к ситуации, при которой в политической системе государства присутствуют как формальные, так и неформальные институты, однако провести подобное разделение представляется затруднительным, так как одни (неформальные) сумели стать частью других (формальных) [2, с. 10]. Подобное явление не всегда должно рассматриваться в качестве негативного. Для того чтобы оценить его роль для развития политической системы, нужно понять причину возникновения неформальных институтов внутри формальных, а также проанализировать степень их устойчивости. Гельман использует прецеденты из избирательного процесса в России для иллюстрации актуальности данной теории в контексте институционализации выборов. Им же была введена специфическая формула институционального строительства: для того, чтобы в обществе мог быть сформирован или «построен» новый институт или скорректирован уже существующий, интересы акторов политического процесса должны быть совмещены с наиболее полной информацией о последствиях от существования институтов в их текущем состоянии. В свою очередь, эта информация должна «вычитаться» из существующей идеологии. Таким образом, институциональное преобразование в обществе — это «сумма» интересов акторов, прибавленная к «разности» идеологии и информации. А.П. Заостровцев также указывает на высокую степень влияния неформальных институтов на избирательный процесс и, в частности, на фальсификации на выборах [5, с. 180]. Так, высокий уровень толерантности по отношению к фальсификациям со стороны гражданского общества может свидетельствовать о том, что столкновение формальных и неформальных институтов в рамках выборов закончилось в пользу последних.

Итак, согласно современным подходам к анализу выборного процесса в рамках институционального анализа, необходимо изучение как формальных, так и неформальных его составляющих. В связи с этим дальнейший анализ избирательной системы Российской Федерации сформирован с учетом рассмотренных научных теорий. Именно теории бихевиоризма и неформальных институтов позволяют разделить выборы на составляющие, что вместе с анализом изменений в избирательном зако-

нодательстве и изучением действий органов государственной власти позволит решить ключевой исследовательский вопрос данной работы — идентифицировать факторы, препятствующие институционализации выборов в Российской Федерации. Опираясь на логику институциональной теории и бихевиоризма, проанализируем изменения в избирательном законодательстве Российской Федерации, на которые будут накладываться положения из указанных теорий (рис.).

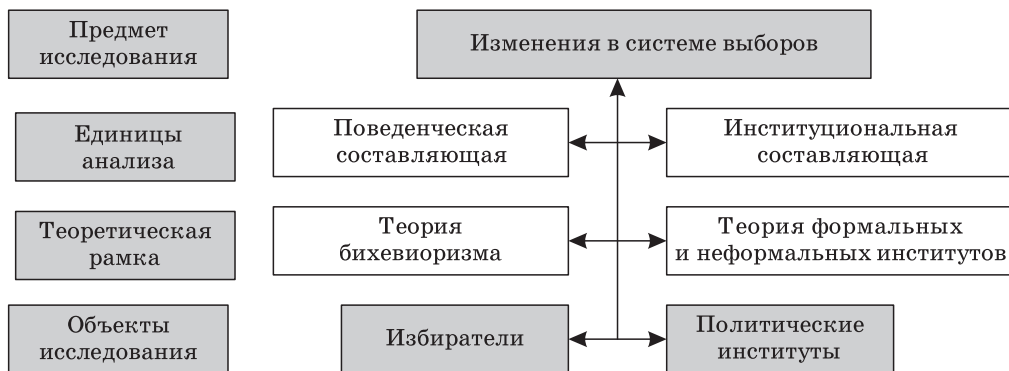

Рис. Схема институционального анализа российской избирательной системы
Fig. Scheme of institutional analysis of the Russian electoral system

Анализ избирательной системы РФ

Следуя сформированной логике исследования, теория бихевиоризма будет использоваться нами применительно к анализу восприятия изменений гражданами, а также к самим политическим институтам, которых касаются изменения в системе выборов. Теория неформальных институтов также использована в анализе, так как именно личностные характеристики политических акторов и самих избирателей способны сподвигнуть их ко вступлению в отношения в рамках подобных институтов. Анализ, сформированный под влиянием указанных теорий и с разделением на уровни выборов, дает возможность сформировать глубокое представление об институте выборов в России, что в итоге позволит определить факторы, препятствующие его институционализации.

Первые выборы, реализованные в демократической традиции, состоялись в России в 1993 г. Именно с этого периода выборы в постсоветской России начали представлять интерес для исследователей, занимающихся проблемами институционализма. Чаще всего в 1993 г. выборы рассматривались как способ выбора между личностями лидеров или как механизм, используемый теми же лидерами для манипуляции волеизъявления людей. Этот более циничный взгляд на выборы чаще всего поддерживался гражданами, недовольными правительством и его результатами (особенно в экономической сфере) [17, с. 457]. Эти данные показывают, что диффузная поддержка избирательных институтов развита слабо. Хотя уровень неудовлетворенности избирательным процессом не так очевиден, отношение общественности к нему все еще не демонстрирует решительного одобрения существующих избирательных институтов [24, с. 370]. Помимо этого важно отметить следующее: эмпирически доказано, что как при демократии, так и при авторитарном режиме явка на выборы повышается при наличии их прозрачности. Так, несмотря на то что при авторитарном режиме, в отличие от демократии, политическая элита не заин-

тересована в полной имплементации прозрачных процедур в рамках избирательно-го процесса, сам факт демонстрации честных выборов представляется крайне важным [7, с. 123].

Поскольку выборы принято считать формальным институтом, то это предполагает закрепление всех связанных с ними процедур в официальном нормативно-правовом акте. В 2003 г. был ратифицирован Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации», в котором закреплены все требования к кандидату на эту должность, сроки и особенности проведения всех мероприятий, связанных с выборами¹. Тем не менее, с исследовательской точки зрения, наиболее интересным представляется анализ неформальной составляющей в выборах Президента Российской Федерации, а также их восприятие гражданами, электоратом, экспертным и академическим сообществом.

В 1996 г. Б.Н. Ельцин осуществил одно из самых драматических политических восстановлений, зафиксированных в литературе по поведению избирателей, поскольку он был переизбран президентом Российской Федерации. Данный результат может часто интерпретироваться в исследовательской литературе как массовое неприятие советской системы и торжество демократических ценностей [21, с. 180]. Хотя нехватка сопоставимых данных до и после выборов не позволяет окончательно отвергнуть эту гипотезу, имеющиеся данные ставят эту интерпретацию под сомнение. Так, начиная с 1996 г. явка на президентские выборы имела тенденцию к снижению, не считая 2008 г., когда наблюдался небольшой рост данного показателя [15, с. 27]. Следовательно, президентские выборы по сути своей не предусматривают выражение политических интересов граждан в полной мере. В отличие от парламентских выборов, где предоставляется большая степень свободы, на выборах главы государства избиратели скорее обращаются к различным оценкам (к оценке шансов кандидатов, к оценке партийной составляющей, личных качеств и так далее). Так, при авторитарном режиме или даже «гибридном», именно президентские выборы приобретают особое значение, что обуславливает присутствие различного рода манипуляций, которые в большинстве случаев находят отражение в снижении роли формальных институтов, например таких, как выборы.

У выборов главы государства и глав субъектов Российской Федерации есть сходные черты, однако и здесь существуют определенные уникальные характеристики. Так, например, отмечается, что в подавляющем большинстве российских регионов нет равных условий для выборов. Массовые протесты после выборов в декабре 2011 г. побудили власти принять меры по укреплению легитимности режима [25, с. 5]. В 2012 г. был принят новый закон, который вновь ввел прямые выборы губернаторов регионов. До этого, а именно с 2005 по 2012 гг., президенту было предоставлено право назначать губернаторов при условии одобрения региональными законодательными органами. Однако закон, принятый в мае 2012 г., установил новую процедуру регистрации кандидатов. Чтобы зарегистрироваться для участия в выборах губернатора, кандидаты должны сначала пройти «муниципальный фильтр», получая поддержку определенного процента депутатов и глав муниципалитетов в своих регионах. Обязательный процент варьируется от региона к региону, от 5 до 10%, и кандидаты также должны получить «территориальную квоту», т. е. поддержку от депутатов, которые занимают муниципальные места в составе советов, принадлежащих к разным уровням административной юрисдикции. В связи с этим, процесс регистрации избирателей все еще далек от свободного и справедливого как для выборов в представительные органы власти, так и для выборов губернаторов. Альтернативные политические партии зачастую вытесняют-

¹ Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации» от 10.01.2003 № 19-ФЗ / «Российская газета». № 6. 16.01.2003.

ся из региональных выборов из-за незначительных нарушений в их регистрационных документах, проблем с проверкой их регистрационных подписей и/или избирательных вкладов и из-за мелких ошибок в их документации. Как отмечает исследователь данной проблематики Х. Бэккен, санкции за подобные нарушения на выборах весьма распространены и в других странах, но в большинстве случаев налагается штраф. В России «принцип пропорционального наказания, по-видимому, игнорируется», здесь «незначительные нарушения могут привести к тому, что кандидаты лишатся своего конституционного права участвовать в выборах» [20, с. 65].

Государственная Дума является представительным органом власти, следовательно, принцип волеизъявления народа через выборы в нем должен соблюдаться в первую очередь. Сегодня среди ученых существуют различные точки зрения относительно того, какая система должна применяться в странах с молодым парламентаризмом, однако большинство склоняется к смешанному типу [4, с. 101; 6, с. 10]. Во-первых, мажоритарно-пропорциональный тип выборов представляет собой сбалансированную систему, благодаря которой со временем могут быть определены слабые стороны избирательного процесса в стране и, как следствие, осуществлены трансформации избирательной системы [6, с. 12]. Во-вторых, смешанная система должна способствовать развитию многопартийности. Так, в Российской Федерации с 1993 по 2003 г. как раз действовала мажоритарно-пропорциональная система вплоть до 2007 г., когда система выборов в Государственную Думу сменилась на исключительно пропорциональную. Несмотря на то, что в 2014 г. было осуществлено возвращение к смешанной системе, процентный порог был повышен, что снижает значимость фактора развития многопартийности, а относительно частые преобразования на законодательном уровне, как отмечалось ранее, препятствуют институционализации выборов [11, с. 1]. Вместе с тем можно наблюдать низкий уровень доверия со стороны граждан к парламенту в целом, что в сочетании с эффектом толерантности к фальсификациям становится серьезным препятствием с точки зрения институционализации [12, с. 22]. В то же время официальные экспертные оценки, которые применяются для анализа выборов, не всегда являются точными и эмпирически обоснованными [4, с. 101].

Рассмотренные уровни выборов являются частью единой системы органов государственной власти. Муниципальный уровень в эту систему не входит, однако их принято считать наиболее прямой формой волеизъявления интересов людей. Тем не менее, и в муниципальных выборах можно выявить определенные факторы, препятствующие их становлению в качестве полноценного института. Несмотря на то, что в Российской Федерации действует закон, регулирующий избирательный процесс на данном уровне, сама процедура муниципальных выборов регулируется местным законодательством. Это сделано с целью учесть особенности регионов страны¹. Таким образом, фактор отсутствия единого для всех законодательства в определенном смысле может отрицательно сказаться на институционализации выборов в масштабах страны. Помимо этого, факт полной отмены мажоритарной системы выборов в органы местного самоуправления снизил представительность, но увеличил их политизированность [10, с. 25]. Согласно теории неформальных институтов, данное явление может быть охарактеризовано в качестве «подрывного» института.

Проанализировав существующие уровни выборов в избирательной системе Российской Федерации с точки зрения теории бихевиоризма и неформальных институтов, далее мы сделаем выводы о том, что является препятствием для институционализации. Выявленные проблемы на пути к институционализации выборов преимущественно связаны с высоким уровнем толерантности граждан к фальси-

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

фикациям, работой «подрывных» институтов и взаимосвязанности поведенческих особенностей участников избирательного процесса и распространенностью неформальных институтов.

Обсуждение и выводы

С учетом теоретической базы данной работы, которая включает теорию о неформальных институтах, которые характеризуются как «подрывные», действия властей в условиях авторитарного режима по демонстрации прозрачности выборов могут рассматриваться как пример подобных институтов. При этом эффект на процесс институционализации выборов от существования «подрывных» институтов не в полной мере поддается оценке [3, с. 84]. Вместе с тем на выборах в авторитарных государствах зачастую предпринимаются попытки легитимизировать власть путем применения более строгих критериев отбора к оппозиционным кандидатам, что и представляет собой пример злоупотребления формальными институтами [14, с. 53].

Слишком частая смена законодательства, регулирующего избирательный процесс, которая имела место в России как на президентских, так и на парламентских выборах, в стране с молодой демократией, является существенным препятствием для институционализации, а вовлеченность граждан в процесс выборов будет только возрастать, если процедуры будут прозрачными и понятными [14, с. 24]. В связи с этим необходимо понимать, что в странах с давно устоявшимся институтом демократии определенные перенимаемые правовые нормы будут восприниматься иначе, что говорит о необходимости их адаптации к социокультурным и экономическим условиям [22, с. 10]. В странах с молодой демократией отмечается тот факт, что именно выборами проще всего манипулировать в условиях институциональной нестабильности, т.е. на этапе выбора оптимальной системы выборов [25, с. 78]. Попытки манипулирования выборами часто осуществляются в обстоятельствах, при которых действующая власть выиграла бы выборы, не прибегая к мошенничеству, как об этом свидетельствуют доклады Генеральной Ассамблеи ООН и таких организаций, как Transparency International¹. Более того, многие акты манипуляции не скрываются от общественности. Данный эффект накладывается на восприимчивость неформальных институтов обществом и высоким уровнем толерантности к непрозрачности выборов.

Некоторые ученые полагают, что спустя почти тридцать лет многие из элементов, которые присутствовали в России во время распада Советского Союза в 1991 г., остаются. К ним относят недостаточную диверсификацию экономики, зависимость от доходов бюджета от экспортно-ориентированной ресурсной экономики и отсутствие политической институционализации системы [25, с. 300; 26, с. 303]. Все это и, возможно, даже изменяющееся российское общество угрожают развитию выборов как демократического института. В конечном счете российская политическая система спустя столетие после распада Российской империи снова находится в жесткой зависимости от высшего должностного лица страны, возглавляющего систему государственного управления, и его способности адаптировать сложившиеся институты к задачам развития. Как заключает исследователь международной политики Т. Дж. Колтон, «только время покажет, станет ли эта система „рецептом“ стагнации, не исключайте возможность для эволюционного перейти к более открытому и отзывчивому государству и также не исключайте вероятность вхождения в бесперспективный период революционных потрясений». Более того, согласно мнению ряда

¹ Европейские наблюдатели не нашли конкуренции на российских выборах // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3651447> (дата обращения: 09.02.2020).

исследователей, в том числе и Колтона, через сто лет после большевистской революции российский переход к установлению институтов демократии, одними из которых являются прозрачные выборы, далек от завершения [18, с. 468]. Вместе с тем важно учитывать, что в стране все еще существует запрос на сильного лидера¹. Пока подобный запрос есть, все факторы, препятствующие институционализации выборов в России, с высокой вероятностью будут действовать, ведь, как отмечалось ранее, в авторитарных государствах люди голосуют скорее исходя из личных характеристик инкумбента, но никак не из принципов демократии [27, р. 70].

Суммируя все положения проведенного анализа избирательной системы Российской Федерации, можно выделить следующие факторы, которые могут препятствовать институционализации выборов и тем самым оказывать существенное влияние на становление выборной системы.

Во-первых, отрицательным образом на институционализацию выборов сказывается явление социального конформизма относительно избирательного процесса. Развитие данного конформирующего фактора происходит из-за исторических особенностей формирования выборной системы в России. В результате действия конформирующего фактора выборы рассматриваются скорее как способ борьбы между конкурирующими политическими акторами и партиями, но не в качестве демократического механизма по волеизъявлению интересов народа.

Во-вторых, относительно частое изменение законодательства, регулирующего выборы, также негативно сказывается на институционализации, особенно, когда эти преобразования не сопровождаются дополнительными мерами, которые направлены на донесение мотивов действий правительства до граждан.

В-третьих, манипулирование выборами в молодой демократии с определенными недемократическими характеристиками также не способствует институционализации. В частности, манипулирование возможно благодаря толерантности к фальсификациям и неравному доступу кандидатов и партий, со взглядами, отличающимися от тех, которых придерживаются правящие элиты.

В-четвертых, предрасположение к неформальным институтам в стране косвенным образом легитимизирует наличие «подрывных» институтов внутри формального института выборов, что и препятствует его развитию.

В-пятых, при режиме с авторитарными чертами на выборах электорат преимущественно голосует, основываясь на личные качества инкумбента, а не исходя из политических интересов или демократических принципов. Это, в свою очередь, повышает тенденции к абсентизму, укрепляет роль инкумбента, но снижает институциональный потенциал выборов.

Литература

1. Гельман В. Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. Политические исследования. 2003. № 4. С. 6–25.
2. Гельман В. Я. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Полития. 2010. № 2 (57). С. 6–24.
3. Голосов Г. В. Честность выборов и явка избирателей в условиях авторитаризма // Политическая наука. 2019. № 1. С. 67–89.
4. Завадская М. А., Бедерсон В. Д. Кто и как оценивает выборы: особенности экспертного опроса качества региональных выборов 13 сентября 2015 года в России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. № 3. С. 82–106.
5. Заостровцев А. П. XVIII Леонтьевские чтения: «Институциональная экономическая теория: история, проблемы и перспективы» // Экономическая политика. 2019. № 2. С. 178–191.
6. Иванова Е. Н. Избирательные системы на выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации // Вестник МИЭП. 2017. № 2 (27). С. 9–16.

¹ Взлеты и падения рейтинга Путина // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/08/13/808697-vzglyad-snizu> (дата обращения: 09.02.2020).

7. *Иванова М. В.* Эффекты изменения избирательного законодательства и партийное представительство: региональные, национальные и бизнес-элиты // Политическая наука. 2015. № 1. С. 114–127.
8. *Майкова Э. Ю., Симонова В. В.* Институт муниципальных выборов в современной России: проблемы и перспективы развития // Власть. 2019. № 5. С. 19–27.
9. *Мамонов М. В., Гаврилов И. В., Вядро М. А.* Имитационные характеристики президентских выборов 2018 г. и их влияние на следующий электоральный цикл: результаты опросов общественного мнения // Мониторинг. 2018. № 4 (146). С. 124–147.
10. *Петухов В. В.* Выборы в Государственную думу России на фоне институционального кризиса // Власть. 2016. № 7. С. 22–27.
11. *Росс К.* Российские выборы и электоральное сигнализирование // Политическая наука. 2017. № 4. С. 34–60.
12. *Туровский Р. Ф.* Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации // Полития. 2018. № 2 (89). С. 23–50.
13. *Шамахов В. А., Балашов А. И.* Новая общественно-политическая нормальность и уроки модернизации постсоветской системы государственного управления // Управленческое консультирование. 2016. № 12 (96). С. 6–15.
14. *Халил-Заде Ф. А.* Политические выборы как элемент демократии // Вестник РМАТ. 2016. № 4. С. 21–26.
15. *Bechtel M. M.* Not Always Second Order: Subnational Elections, National-Level Vote Intentions, and Volatility Spillovers in a Multilevel Electoral System (October 7, 2011). Electoral Studies. Vol. 31. N 1. P. 170–183.
16. *Bendor J., Diermeier D., Siegel D., Ting M. A.* Behavioral Theory of Elections. Princeton: Princeton University Press. 2011.
17. *Coleman S.* Russian Election Reform and the Effect of Social Conformity on Voting and the Party System: 2007 and 2008. Journal of the New Economic Association. New Economic Association. issue 5, 2010. P. 73–90.
18. *Colton T. J.* Wither Russia? Twenty-Five Years After the Collapse of Communism Comparative Politics. Vol. 50. N 3. 2018. P. 455–473.
19. *Bækken H.* Selections before elections: Double standards in implementing election registration procedures in Russia? Communist and Post-Communist Studies. N 48, Issue 1, 2015. P. 61–70.
20. *Helmke G., Levitsky S.* Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda Perspectives on Politics 2. N 4. 2004. P. 725–740.
21. *Miller A. H., Reisinger W. M., Hesli V. I.* The Russian 1996 presidential election: referendum on democracy or a personality contest? Electoral Studies. Vol. 17. Is. 2. 1998. P. 175–196.
22. *Norris P.* Do Institutions Matter? The Consequences of Electoral Reform for Political Participation. Rethinking the Vote. Oxford University Press, 2003.
23. *Pammett J. H., DeBardeleben J.* The meaning of elections in transitional democracies: Evidence from Russia and Ukraine, Electoral Studies. N 15. Is. 3. 1996. P. 363–381.
24. *Ross C.* Regional elections in Russia: instruments of authoritarian legitimacy or instability? Palgrave Communication. 2018. N 4. Vol. 75. P. 1–19.
25. *Stoner K.* Wither Russia? Twenty-Five Years After the Collapse of Communism Comparative Politics. 2018. Vol. 50. N 3. P. 295–303.
26. *Taagepera R., Shugart M. S.* Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral Systems. New Haven, 1989.
27. *Visser M.* Five theories of voting action: strategy and structure of psychological explanation. Enschede : Universiteit Twente, 1998.

Об авторе:

Шалашова Ольга Николаевна, председатель Территориальной избирательной комиссии № 3 (Санкт-Петербург, Российская Федерация); 9520530@mail.ru

References

1. Gelman V. J. Institution building and informal institutions in modern Russian politics // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2003. No. 4. P. 6–25. (In rus)
2. Gelman V. J. “Subversive” institutions and informal governance in modern Russia // Politiya [Politiya]. 2010. No. 2 (57). P. 6–24. (In rus)
3. Golosov G. V. Integrity of elections and voter turnout in conditions of authoritarianism // Political science [Politicheskaya nauka]. 2019. No. 1. P. 67–89. (In rus)
4. Zavadskaya M. A., Bederson V. D. Who and How Estimates Elections: Peculiarities of Expert

- Survey of the Quality of Regional Elections on September 13, 2015 in Russia // World of Russia. Sociology. Ethnology [Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya]. 2018. No. 3. P. 82–106. (In rus)
5. Zaostrovtshev A. P. XVIII Leontievsky readings: "Institutional economic theory: history, problems and prospects" // Economic policy [Ekonomicheskaya politika]. 2019. No. 2. P. 178–191. (In rus)
 6. Ivanova E. N. Electoral systems during elections to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation // Journal of the IIEL [Vestnik MIEP]. 2017. No. 2 (27). P. 9–16. (In rus)
 7. Ivanova M. V. Effects of changing electoral legislation and party representation: regional, national and business elites // Political science [Politicheskaya nauka]. 2015. No. 1. P. 114–127. (In rus)
 8. Maykova E. Y., Simonova V. V. Institute of Municipal Elections in Modern Russia: Problems and Prospects of Development // Power [Vlast']. 2019. No. 5. P. 19–27. (In rus)
 9. Mamonov M. V., Gavrilov I. V., Viadro M. A. Imitation characteristics of the 2018 presidential election and their impact on the next electoral cycle: the results of opinion polls // Monitoring [Monitoring]. 2018. No. 4 (146). P. 124–147. (In rus)
 10. Petukhov V. V. Elections to the State Duma of Russia against the background of institutional crisis // Power [Vlast']. 2016. No. 7. P. 22–27. (In rus)
 11. Ross K. Russian Elections and Electoral Signaling // Political Science [Politicheskaya nauka]. 2017. №4. P. 34–60. (In rus)
 12. Turovskiy R. F. Presidential elections in Russia: opportunities and limits of electoral consolidation // Politiya [Politiya]. 2018. No. 2 (89). P. 23–50. (In rus)
 13. Shamakhov V. A., Balashov A. I. New social and political normality and lessons of modernization of the post-Soviet system of public administration // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsultirovanie]. 2016. No. 12(96). P. 6–15. (In rus)
 14. Khalil-Zade F. A. Political elections as an element of democracy // Journal of RIAT [Vestnik RMAT]. 2016. No. 4. P. 21–26. (In rus)
 15. Bechtel M. M. Not Always Second Order: Subnational Elections, National-Level Vote Intentions, and Volatility Spillovers in a Multilevel Electoral System (October 7, 2011). Electoral Studies. Vol. 31. N 1. P. 170–183.
 16. Bendor J., Diermeier D., Siegel D., Ting M. A. Behavioral Theory of Elections. Princeton: Princeton University Press. 2011.
 17. Coleman S. Russian Election Reform and the Effect of Social Conformity on Voting and the Party System: 2007 and 2008. Journal of the New Economic Association. New Economic Association. issue 5, 2010. P. 73–90.
 18. Colton T. J. Wither Russia? Twenty-Five Years After the Collapse of Communism Comparative Politics. Vol. 50. N 3. 2018. P. 455–473.
 19. Bækken H. Selections before elections: Double standards in implementing election registration procedures in Russia? Communist and Post-Communist Studies. N 48, Issue 1, 2015. P. 61–70.
 20. Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda Perspectives on Politics 2. N 4. 2004. P. 725–740.
 21. Miller A. H., Reisinger W. M., Hesli V. I. The Russian 1996 presidential election: referendum on democracy or a personality contest? Electoral Studies. Vol. 17. Is. 2. 1998. P. 175–196.
 22. Norris P. Do Institutions Matter? The Consequences of Electoral Reform for Political Participation. Rethinking the Vote. Oxford University Press, 2003.
 23. Pammett J. H., DeBardeleben J. The meaning of elections in transitional democracies: Evidence from Russia and Ukraine, Electoral Studies. N 15. Is. 3. 1996. P. 363–381.
 24. Ross C. Regional elections in Russia: instruments of authoritarian legitimacy or instability? Palgrave Communication. 2018. N 4. Vol. 75. P. 1–19.
 25. Stoner K. Wither Russia? Twenty-Five Years After the Collapse of Communism Comparative Politics. 2018. Vol. 50. N 3. P. 295–303.
 26. Taagepera R., Shugart M. S. Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral Systems. New Haven, 1989.
 27. Visser M. Five theories of voting action: strategy and structure of psychological explanation. Enschede : Universiteit Twente, 1998.

About the author:

Olga N. Shalashova, Chairman of the Territorial election commission № 3 (Saint-Petersburg, Russian Federation); 9520530@mail.ru

Состояние и перспективы международного сотрудничества в рамках «БРИКС+»*

Ли Цзинчэн

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; li_ts@spbstu.ru

РЕФЕРАТ

Отношения с международными многосторонними институтами и региональными организациями являются важной проблемой, влияющей на перспективы развития механизма сотрудничества БРИКС (группа стран из Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки). Многие крупные международные организации (экономические группы / блоки) имеют большой опыт в налаживании международного сотрудничества, уделяя особое внимание отношениям с другими многосторонними институтами. Основываясь на применении этого формата взаимодействия, международные организации внедряют принятые ими результаты и решения в глобальное управление и финансово-экономическую систему всего мира.

Такой подход может усилить международное влияние и признание, повысить эффективность сотрудничества между государствами-членами организации. А в качестве платформы для сотрудничества между развивающимися странами, БРИКС является открытой международной организацией. В настоящее время в БРИКС нет постоянного учреждения (например, административный аппарат или функционирующий секретариат) для общей координации. Как ожидается, пространство расширения полномочий и возможностей БРИКС достаточно большое.

На сегодняшний день в рамках БРИКС созданы фундаментальные платформы для сотрудничества и диалога — это саммит лидеров стран БРИКС, постоянная министерская встреча, Бизнес-форум, Деловой совет, Совет экспертных центров, Новый банк развития, Пул условных валютных резервов, и инструмент «БРИКС+», последний считается одним из ключевых способов расширения международного участия БРИКС. Под эгидой «БРИКС+», лидеры стран и организаций региона, где проходит саммит, приглашаются для участия в саммите БРИКС. В данной статье обсуждаются теоретические основы и практическая значимость усилий стран БРИКС по расширению международного влияния организации посредством развития «БРИКС+», «БРИКС-аутрич» в рамках создания открытой платформы для обсуждения текущей международной повестки дня и вопросы регионального социально-экономического развития, а также для более широкого международного признания и перспективы реализации проектов БРИКС.

Ключевые слова: БРИКС, БРИКС+, БРИКС-аутрич, международные организации, международные отношения, Россия, Китай, Бразилия, Индия, ЮАР

Для цитирования: Ли Цзинчэн. Состояние и перспективы международного сотрудничества в рамках «БРИКС+» // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 110–120.

Status and Prospects of International Cooperation within the Framework of BRICS+

Li Jingcheng

Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russian Federation; li_ts@spbstu.ru

ABSTRACT

Relations with international multilateral institutions and regional organizations are an important issue affecting the prospects for the development of the BRICS cooperation mechanism (a group of

*Статья подготовлена при поддержке Китайского стипендиального фонда (Supported by China Scholarship Council).

countries from Brazil, Russia, India, China and South Africa). Many large international organizations (economic groups / blocs) have more experience in establishing international cooperation, paying particular attention to relations with other multilateral institutions. Based on the application of this interactional format, international organizations integrate their results and decisions into global governance and the financial and economic system of the whole world.

Such an approach can enhance international influence and recognition; increase the effectiveness of cooperation between member states of an organization. And as a platform for cooperation between developing countries, BRICS is an open international organization. There is currently no permanent establishment in BRICS (for example, an administrative apparatus or a functioning secretariat) for overall coordination. As expected, the space for expanding the powers and capabilities of the BRICS is quite large.

Today, BRICS has created fundamental platforms for cooperation and dialogue — summit of BRICS leaders, permanent ministerial meetings, Business Forum, Business Council, BRICS Think Tank meeting, New Development Bank, BRICS Contingent Reserve Arrangement, and the “BRICS+”. The “BRICS+” is considered one of the key ways to expand the international participation of the BRICS. Under the auspices of the “BRICS+”, leaders of countries and organizations of the region where the summit is held are invited to participate in the BRICS summit. This article discusses the theoretical foundations and practical significance of the efforts of the BRICS countries to expand the international influence of the organization through the development of “BRICS+”, “BRICS- Outreach” within the framework of creating an open platform for discussing the current international agenda and issues of regional socio-economic development, as well as for wider international recognition and prospects for the implementation of BRICS projects.

Keywords: BRICS, BRICS+, BRICS outreach, international organizations, international relations, Russia, China, Brazil, India, South Africa

For citing: Li Jingcheng. Status and Prospects of International Cooperation within the Framework of BRICS+ // Administrative consulting. 2020. No. 3. P. 110–120.

Введение

Поскольку глобализация продолжает развиваться, страны мира все еще сталкиваются с более глобальными проблемами, и во многих случаях решение этих проблем требует координации и решения нескольких стран вместе, а не полагаться исключительно на силу одной или стран в отдельности. В этом контексте человеческое сообщество нуждается в глобальном управлении для решения проблем и задач, стоящих перед всеми государствами мира [16, 23].

Глобальное управление означает новый международный политический и экономический порядок, ориентированный на развитие и многосторонность мира, созданный всеми народами, государствами и международными организациями посредством международных механизмов координации и диалога на демократической и равной основе для обеспечения общих интересов всех сторон, вовлеченных в процесс глобализации [17].

Основой глобального управления являются существующие широко признанные платформы для международного сотрудничества — международные организации, заинтересованные группы, военные альянсы, а также неформальные международные механизмы, такие как частые встречи лидеров отдельных стран и неформальные международные ассоциации без постоянного института для общей координации деятельности организации, к которой относится БРИКС [5; 26].

На сегодняшний день в рамках БРИКС созданы фундаментальные платформы для сотрудничества и диалога — это саммит лидеров стран БРИКС, постоянная министерская встреча, Бизнес-форум, Деловой совет, Совет экспертных центров, Новый банк развития, Пул условных валютных резервов и инструмент «БРИКС+» [15]. Среди них «БРИКС+» является наиболее гибкой и свободной формой, если судить по возможности его расширения в составе и эффективности внедрения.

«БРИКС+» ссылается на тот факт, что председательствующая страна-член БРИКС (в отношении проведения саммита БРИКС) приглашает глав государств, международных или региональных организаций принять участие в расширенном саммите. Поскольку термин «БРИКС+» относится к дальнейшему укреплению связей, взаимодействия, диалога и сотрудничества стран БРИКС с другими развивающимися странами и странами с формирующейся рыночной экономикой, а также для лучшего отражения общих позиций и коллективной воли развивающихся стран посредством сотрудничества БРИКС¹.

Формат «БРИКС+» и его возможное расширение изучают многие современные ученые: Э. Кокотсис [2], В. Н. Конышев и М. Л. Лагутина [3], М. В. Ларионова и А. В. Шелепов [4; 10; 19], Я. Лисоволик [6; 7; 8], В. Г. Шубин [11], И. З. Ярыгина и О. А. Боровикова [12], Е. Арапова [13], Ван Лэй², У Лэйлэй и Ван Цзюньфэн [25], Сюй Сюцзюнь [26], которые рассматривают этот вопрос как многообещающий вариант для укрепления доверия и повышения авторитета международного объединения БРИКС, опираясь на разработку совместных платформ с другими мировыми организациями и странами.

Целью исследования являются определение роли формата БРИКС+ для реализации совместного взаимодействия БРИКС с другими странами и международными организациями, а также расширение глобального влияния БРИКС на политическую и экономическую систему. В соответствии с этим были поставлены задачи: а) проанализировать предыдущие саммиты БРИКС с использованием «БРИКС-аутрич» и «БРИКС+» и их ход развития; б) определить основные черты форматов «БРИКС-аутрич» и «БРИКС+»; в) проанализировать перспективы развития механизма взаимодействия БРИКС.

Методологической базой исследования являются теоретический анализ научных источников по вопросу о расширении механизма БРИКС и анализ официальных документов, деклараций саммитов БРИКС и государственной прессы России и Китая.

Истоки и практика формата «БРИКС+»

По словам российского дипломата М. Малькова, формат «БРИКС+» подразумевает более глобальный формат, который позволяет привлекать другие страны БРИКС для решения насущных глобальных проблем. «БРИКС-аутрич» означает более региональный подход для приглашения лидеров соседних стран в регионе председательствующего государства БРИКС, а лидеры стран БРИКС обсуждают с ними вопросы региональной интеграции. М. Мальков считает, что оба формата нуждаются в дальнейшем улучшении³.

Использование «БРИКС+» можно рассматривать с 2011 г., когда Южная Африка присоединилась к БРИК в качестве официального члена⁴. Эта модель получила дальнейшее развитие в 2013 г., когда лидеры БРИКС провели диалоги с президентом Африканского союза и африканскими лидерами⁵. Это был также первый саммит лидеров в Африке после того, как Южная Африка стала членом БРИКС.

¹ BRICS plus [Электронный ресурс]. URL: http://www.china.com.cn/guoqing/xijiping/2017-09/04/content_41527060.htm (дата обращения: 20.11.2019).

² Wang Lei. Что добавит БРИКС+ в БРИКС? // Guangming ribao. 2017. 2 сентября. С. 6.

³ В МИД допустили возможность проведения саммита БРИКС в расширенном формате [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20191111/1560805535.html> (дата обращения: 20.11.2019).

⁴ Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС (г. Санья, о. Хайнань, Китай, 14 апреля 2011 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/907> (дата обращения: 20.11.2019).

⁵ Начался диалог между руководителями стран БРИКС и Африки [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/8185773.html> (дата обращения: 20.11.2019).

С тех пор лидеры стран БРИКС проводили на полях саммитов БРИКС переговоры с лидерами стран Южной Америки¹, ШОС и ЕАЭС², и с лидерами стран «Инициативы Бенгальского залива для многосекторного технического и экономического сотрудничества» (БИМСТЕК)³.

Несмотря на то что формат «БРИКС+», по сути, не носит характер постоянного механизма БРИКС, он также будет широко использоваться странами БРИКС. Дело в том, что это по-прежнему самый эффективный способ расширить свое влияние на международной арене, получив признание не только стран-членов БРИКС, но и ряда приглашенных государств и организаций.

В 2015 г. во время саммита в Уфе Россия пригласила представителей Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) принять участие в саммите, что позволило совместно обсудить повестки дня БРИКС, чтобы найти общий язык с рядом международных организаций.

В октябре 2016 г. в индийском штате Гоа состоялся VIII саммит БРИКС. Премьер-министр Индии Нарендра Моди пригласил лидеров стран «Инициативы Бенгальского залива для многосекторного технического и экономического сотрудничества» (БИМСТЕК) принять участие в расширенном заседании в формате «БРИКС-аутрич». Это событие позволило странам БРИКС возобновить дружественные отношения со странами БИМСТЕК (Бангладеш, Бутан, Индия, Мьянма, Непал, Таиланд и Шри-Ланка), развивать торгово-экономические связи⁴.

На саммите в городе Сямэне китайская сторона планировала использовать идею расширения БРИКС за счет ряда развивающихся стран — «БРИКС+». Естественно, это африканские страны для Южной Африки, страны Латинской Америки для Бразилии, страны СНГ для России и т. д. Но китайская сторона решила пойти дальше и предложила создать постоянный «круг друзей БРИКС», наблюдателей или партнеров по диалогу, которые бы взаимодействовали друг с другом на постоянной основе. Речь идет не о странах региона, а о представителях других регионов.

В этом же контексте была выдвинута китайским руководством новая инициатива «БРИКС+» в рамках проведения Сямэньского саммита. Инициатива оказалась весьма своевременной и актуальной, поскольку БРИКС стремится найти новые пути для развития и стать первым по-настоящему глобальным предприятием развивающегося мира в процессе формирования нового, более сбалансированного политического и экономического порядка.

Идея «БРИКС+» направлена на расширение партнерских отношений и «круга друзей» БРИКС с тем, чтобы в дальнейшем превратить БРИКС в эффективную платформу сотрудничества стран «глобального Юга». Так, на саммит в Китае были приглашены лидеры Египта (штаб-квартира Лиги арабских государств, ЛАГ в г. Каире), Таджикистана (представитель евразийского пространства), Мексики (ведущее государство в Латиноамериканском мире), Гвинеи (ротационная страна-председатель Африканского союза) и Таиланда (представитель АСЕАН) — государств с развивающимися рынками [6]. По словам китайского министра иностранных дел Ван И [24], расширение модели «БРИКС+» и диалог между БРИКС и другими развивающимися странами и их организациями могут создать более широкое партнерство,

¹ Встреча лидеров БРИКС с главами южноамериканских государств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46232> (дата обращения: 20.11.2019).

² Путин: сотрудничество стран БРИКС, ШОС и ЕАЭС даст возможности для экономического рывка [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/2107609> (дата обращения: 20.11.2019).

³ Встреча лидеров БРИКС с главами делегаций государств — членов БИМСТЕК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53104> (дата обращения: 20.11.2019).

⁴ Декларация Гоа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5139> (дата обращения: 20.11.2019).

расширить «круг друзей» БРИКС, сделать механизм БРИКС самой влиятельной платформой сотрудничества «Юг—Юг» в мире¹.

Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с речью на открытии Бизнес-форума БРИКС в рамках Сямэньского саммита в 2017 г. Он отметил, что платформа сотрудничества БРИКС уже оказала важное международное влияние. Потенциал этой модели сотрудничества намного превзошел все пять стран. БРИКС ожидался странами с формирующимся рынком и развивающимися странами и привлек внимание всего мира. Китайский лидер призвал расширить платформу сотрудничества БРИКС, укрепить равноправное сотрудничество со всеми странами мира, продвигать модель сотрудничества «БРИКС+» и создать открытую многостороннюю сеть сотрудничества в целях развития, чтобы больше развивающихся стран мира могли участвовать в солидарности, сотрудничестве и взаимной выгоде².

По мнению китайского эксперта, профессора Института международных исследований Фуданьского университета Чжао Хуашэн, — «расширенный формат «БРИКС+» позволит объединению наладить более плотное внутреннее сотрудничество между его членами, а также стать более открытым и прозрачным для внешних контактов»³.

В ходе саммита 2018 г. в Йоханнесбурге данный принцип сотрудничества был также задействован странами БРИКС [21]. Так, в первый день саммита состоялся Бизнес-форум стран БРИКС с участием представителей ведущих бизнес-компаний стран-участниц, а затем состоялась встреча со специальными гостями саммита в форматах «БРИКС+» и «БРИКС-аутрич». Южноафриканские власти пригласили на саммит 2018 г. лидеров Аргентины, Египта, Индонезии, Турции, Ямайки, Анголы, Ботсваны, Габона, Замбии, Зимбабве, Лесото, Маврикия, Мадагаскара, Малави, Мозамбика, Намибии, Руанды, Сейшельских островов, Сенегала, Танзании, Того, Уганды и Эфиопии⁴.

«Мы должны понимать, поддерживать, оставаться навсегда и помогать друг другу, используя сотрудничество «БРИКС+» как возможность построить открытое, всеобъемлющее, взаимовыгодное партнерство и создать платформу для углубления сотрудничества Юг-Юг», сказал китайский лидер Си Цзиньпин на Йоханнесбургском саммите⁵.

Индийский специалист Виджай Кумар Бхатия считает, что присоединение стран формирующегося и развивающегося мира к БРИКС не только укрепит организацию, но и поможет ей играть более значимую роль в мировой политике⁶.

По оценкам экспертов [7; 18], данные инициативы являются платформой для развития интер-региональных и трансрегиональных связей, реализации политики «интеграции интеграций». Так, формат «БРИКС+» предполагает участие представителей из государств, сотрудничество с которыми представляет для стран БРИКС стратеги-

¹ Ван И призывает сделать второе десятилетие сотрудничества в БРИКС плодотворным [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2017-03/08/c_136112514.htm (дата обращения: 20.11.2019).

² Си Цзиньпин. Выступление на открытии Бизнес-форума БРИКС [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2017-09/03/c_1121596338.htm (дата обращения: 20.11.2019).

³ Эксперт: формат БРИКС+ поможет наладить связи между государствами-членами [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20170905/1501785266.html> (дата обращения: 20.11.2019).

⁴ Встреча лидеров БРИКС с главами делегаций приглашенных государств [Электронный ресурс]. URL: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/58116 (дата обращения: 20.11.2019).

⁵ Xi calls for expanding «BRICS Plus» cooperation to address common challenges [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-07/28/c_137352893.htm (дата обращения: 20.11.2019).

⁶ Аргентина и Египет значительно усилят БРИКС — индийский эксперт [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/argentina-i-egipet-znachitelno-usilyat-briks-indiyskiy-ekspert/> (дата обращения: 20.11.2019).

ческий интерес. Формат «БРИКС-аутрич» предоставляет возможность главам государств БРИКС встретиться с коллегами из региона, который представляет страна — организатор саммита¹.

13–14 ноября 2019 г. XI Саммит БРИКС состоялся в Бразилиа. Бразильская сторона не использовала формат «БРИКС+» для приглашения на встречу представителей стран, не входящих в объединение БРИКС. Основной темой Бразильского саммита стал «Экономический рост для инновационного будущего»². Действительно, когда этот формат был инициирован китайской стороной, была сделана оговорка о том, что это не является обязательным условием проведения всех саммитов БРИКС, приглашение сторонних лидеров государств и представителей международных организаций полностью находится на рассмотрении страны-организатора. Комментируя решение правительства Бразилии отказаться от проведения формата «БРИКС+» на саммите, представитель МИД КНР выразил уважение организаторам саммита³.

Директор Института Дальнего Востока РАН, профессор С.Г. Лузянин считает, что, несмотря на региональные политические трудности стран Латинской Америки и продолжение торговых конфликтов между Китаем и США, в целом, Бразильский саммит успешен⁴.

С 1 января 2020 г. председательство в БРИКС перейдет к России. Саммит состоится в Санкт-Петербурге под девизом «Партнерство в интересах глобальной стабильности, общей безопасности и инновационного роста». МИД России уже объявил, что Россия может провести XII Саммит БРИКС в 2020 г. в форматах «аутрич» и «БРИКС+»⁵. Президент РФ В.В. Путин во время Бразильского саммита подтвердил эту возможность, наметив основные направления работы для предстоящего масштабного мероприятия. Путин отметил, что на саммит в Санкт-Петербурге 2020 г. планируется пригласить такие межгосударственные организации, как СНГ и ЕАЭС⁶.

Процесс оптимизации и пути расширения «БРИКС+»

Бразильский саммит БРИКС в 2019 г. ознаменовал начало второго десятилетия сотрудничества БРИКС. Российский ученый М.В. Ларионова считает, что «создание многостороннего миропорядка, отвечающего интересам развивающихся стран, невозможно без взаимодействия с ключевыми многосторонними организациями» [4].

Дальнейшее развитие формата «БРИКС+» позволяет, прежде всего, содействовать сотрудничеству и диалогу между членами БРИКС и развивающимися странами и международными организациями мира, а затем создавать дополнительные точки роста для стран БРИКС [12] и, в конечном итоге, совершенствовать механизм БРИКС⁷. Бывший замминистра Международного департамента Центрального комитета Коммунистической партии Китая Юй Хунцзюнь отметил, что «страны БРИКС

¹ Лидеры стран БРИКС обсудят четвертую промышленную революцию на юбилейном саммите [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5400304> (дата обращения: 20.11.2019).

² BRASÍLIA DECLARATION [Электронный ресурс]. URL: http://brics2019.itamaraty.gov.br/images/documentos/Brasilia_Declaration.pdf (дата обращения: 20.11.2019)

³ КНР выразила уважение организаторам саммита по поводу отказа от «БРИКС+» [Электронный ресурс]. URL: <https://military.china.com/news/568/20191108/37370106.html> (дата обращения: 20.11.2019).

⁴ Лузянин: саммит БРИКС является качественно новым этапом перехода к конкретным проектам [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24478> (дата обращения: 20.11.2019).

⁵ В МИД допустили возможность проведения саммита БРИКС в расширенном формате [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20191111/1560805535.html> (дата обращения: 20.11.2019).

⁶ Владимир Путин обозначил БРИКС направления работы [Электронный ресурс]. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20191114/1560952298.html> (дата обращения: 20.11.2019).

⁷ Wang Lei. Что добавит БРИКС+ в БРИКС? // Guangming ribao. 2017. 2 сентября. С. 6.

могут объединяться с другими влиятельными развивающимися странами или развивающимися странами, которые могут быть включены в структуру «БРИКС+». Новые формы появятся как «БРИКС+3, +5, +7 или +9»¹.

БРИКС+ Африка. На V Саммите в Дурбане (ЮАР) формат «БРИКС- аутрич» был впервые использован для привлечения соседних стран для обсуждения актуальных региональных вопросов со странами БРИКС. С другой стороны, члены БРИКС имеют традиционно дружественные государственные отношения со многими странами африканского континента. В частности, на протяжении десятилетий Китай очень активно развивает африканский торговый рынок, инвестиции в сырье и инфраструктуру [9]. Он имеет многостороннее сотрудничество с большинством африканских стран с момента образования Китайской Народной Республики.

Россия также неоднократно заявляла о готовности восстановить свое присутствие в общем социально-экономическом развитии Африки. К примеру, 23–24 октября 2019 г. в Сочи состоялся первый Саммит и Экономический форум «Россия — Африка» с участием более 40 африканских стран. Основной темой саммита была «За мир, безопасность и развитие». В ходе саммита-форума было подписано около 90 документов на общую сумму 1,004 трл руб., охватывающих такие сферы деятельности, как экспорт, инвестиции, промышленность, транспорт, высокие технологии и другие².

Страны БРИКС должны повысить уровень взаимодействия с африканскими странами в области торговли, инвестиций и финансовой деятельности, направленной на устойчивое развитие и экономический рост, укрепление торгово-валютного сотрудничества [11].

БРИКС+ Азия. Индия и Китай являются крупнейшими азиатскими государствами, присоединившимися к БРИКС. Используя естественное преимущество, страны БРИКС могут участвовать в интенсивной экономической интеграции с азиатскими странами и организациями [22]. Прежде всего, это область сотрудничества с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которая представляет собой наиболее значимую региональную межправительственную организацию в Азии с участием 10 стран. В рамках этой организации существует механизм АСЕАН + 3, т.е. саммит с Китаем, Японией и Южной Кореей. Индия, Австралия и Новая Зеландия, не входящие в АСЕАН, также присоединились к этой форме многостороннего диалога. Вопрос о проведении встречи лидеров стран БРИКС и АСЕАН на саммитах двух организаций должен быть посвящен повестке дня БРИКС.

Второе направление углубления взаимодействия между БРИКС и Азией — сопряжение инициатив Евразии — «Один пояс, один путь» и Евразийского экономического союза с целью целенаправленного развития торговли и инвестиций на евразийском континенте [1; 3]. Кроме того, следует отметить роль Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в содействии развитию отношений между БРИКС и Азией. После расширения ШОС она стала более представительной межправительственной организацией в мире, приобретая потенциал для региональной экономической интеграции, совместного развития инфраструктуры, региональной безопасности и борьбы с терроризмом.

БРИКС+ Южная Америка. В 2014 г. на VI саммите БРИКС в Бразилиа (Бразилия) состоялась встреча лидеров стран БРИКС с лидерами стран Южной Америки.

¹ Специалисты о «БРИКС+»: расширить круг друзей. Китай лидирует в новом механизме сотрудничества Юг — Юг [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2017-09/02/c_129694708.htm (дата обращения: 20.11.2019).

² Подведены итоги первого Саммита и Экономического форума Россия — Африка. Росконгресс продолжит работу на африканском треке в период до следующего Форума [Электронный ресурс]. URL: <https://summitafrica.ru/news/podvedeny-itogi-pervogo-sammita-i-ekonomicheskogo-foruma-rossija-afrika-roskongress-prodolzhit-rabotu-na-afrikanskom-treke-v-period-do-sledujushchego-foruma/> (дата обращения: 20.11.2019).

Этому событию предшествовала успешная практика саммита в Дурбане (ЮАР). По словам российского лидера В.В. Путина, такие контакты с различными регионами мира способствуют росту авторитета БРИКС¹.

В 2019 г. состоялся очередной саммит в столице Бразилии, аналогичная многосторонняя встреча лидеров стран БРИКС и Южной Америки не состоялась, однако в Декларации отмечалось открытие Американского регионального офиса Нового банка развития БРИКС в Сан-Паулу², который способствует финансовому сотрудничеству между БРИКС и американскими континентами. Приоритетным направлением совместной деятельности БРИКС и Южной Америки является интеграция рынков, продолжение прагматического сотрудничества между БРИКС и Союзом южноамериканских наций (UNASUR) и продвижение инвестиционных проектов в области инфраструктуры в этом регионе.

Российский ученый С.Г. Лузянин полагает, что БРИКС может налаживать отношения сотрудничества в Латинской Америке, в первую очередь, с Карибским сообществом (КАРИКОМ) и Общим рынком стран Южной Америки (МЕРКОСУР), особенно с Аргентиной³.

Кроме того, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), возможно, приведет к расширению присутствия БРИКС на двух американских континентах. Россия и Китай являются членами этой организации. Интенсивное развитие отношений с АТЭС не противоречит интересам БРИКС.

БРИКС+ международные организации. Страны БРИКС — крупнейшие в мире развивающиеся страны и страны с развивающейся экономикой. Механизм БРИКС уделяет большое внимание сотрудничеству с развивающимися странами. Учитывая уникальное географическое положение каждой страны БРИКС, уровень экономического развития и культуру народов, различия между странами БРИКС значительно велики [10; 14]. В связи с этим необходимо обратить внимание на существующие региональные организации, являющиеся общепризнанными многосторонними платформами [13], в которые вошли страны БРИКС в своем регионе. По мнению российского эксперта Ярослава Лисоволика, уникальность БРИКС состоит в том, что каждый его член одновременно является ведущей экономикой в регионе и региональных интеграционных процессов [8]:

- Бразилия — в МЕРКОСУР (Общий рынок стран Южной Америки);
- Россия — в ЕАЭС и СНГ;
- Индия — в СААРК (Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества);
- Китай — в ШОС;
- Южная Африка — в САДК (Сообщество развития Юга Африки).

Таким образом, в основе БРИКС усматривается система интер-региональных связей. Уникальность данного механизма состоит в том, что вместо расширения основного состава стран-членов БРИКС, инициатива «БРИКС+» создает новую платформу для укрепления региональных, межрегиональных и двусторонних союзов в разных регионах и на разных континентах при ведущей роли экономик стран БРИКС.

Тем не менее сотрудничество с ведущими международными организациями является одним из приоритетов в этом направлении. Организация Объединенных Наций (ООН) и ее структуры, Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк, Всемирная торговая организация (ВТО) и ряд других ключевых многосто-

¹ Выступление на встрече лидеров Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР в расширенном составе [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/46229> (дата обращения: 20.11.2019).

² BRASÍLIA DECLARATION [Электронный ресурс]. URL: http://brics2019.itamaraty.gov.br/images/documentos/Brasilia_Declaration.pdf (дата обращения: 20.11.2019).

³ XI саммит БРИКС: приоритеты бразильского председательства [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24469> (дата обращения: 20.11.2019).

ронных учреждений являются партнерами БРИКС. Следует также отметить возможность интенсивного сотрудничества с Группой двадцати [2], Группой семи, Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в которую входят государства мира с наиболее мощными экономическими возможностями [20].

Развитие взаимоотношений между БРИКС и многосторонними механизмами способствует внутренней солидарности и согласованности БРИКС. Таким образом, БРИКС не только укрепляет свои позиции в качестве новой международной организации по урегулированию международных отношений, но и повышает уровень признания со стороны других международных институтов и мирового сообщества в целом [19].

Выводы

Проанализировав сущность и перспективы развития формата «БРИКС+», автор пришел к следующим выводам.

Во-первых, БРИКС, являясь неформальным механизмом взаимодействия стран с разных континентов, географически отдаленно расположенных друг от друга, но связанных общими проблемами и подходами к их решению, апробирует новые «мягкие», гибкие форматы сотрудничества и привлечения новых партнеров — «БРИКС+» и «БРИКС-аутрич», в основе которых лежит сеть интер-региональных связей.

Во-вторых, БРИКС находится в состоянии адаптации к новым глобальным условиям и, следовательно, находится в поиске новых механизмов и форм сотрудничества. Поиск новых партнеров для стран БРИКС, основанный на концепции «глобального Юга» и развитии связей по оси «Юг-Юг». Все это способствует реализации цели БРИКС — реформирования мирового порядка и современной финансово-экономической системы [25].

Данный формат представляется новым, но весьма востребованным, как странами БРИКС, так и их соседями и единомышленниками.

Литература

1. Кириленко В. П., Демидов Д. Г. Принципы функционирования Евразийского экономического союза (международно-правовые аспекты) // Управленческое консультирование. 2015. № 3. С. 83–89.
2. Кокотсис Э. «Группа двадцати» и БРИКС: повышение легитимности решений // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. № 2. С. 194–210.
3. Конышев В. Н., Лагутина М. Л. Возможно ли сопряжение китайской и российской моделей интеграции в Евразии? // Управленческое консультирование. 2016. № 11. С. 57–67.
4. Ларионова М. В. Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 2. С. 113–139.
5. Ли Цзинчэн. Россия и Китай в экономическом сотрудничестве со странами БРИКС // Современные востоковедческие исследования. 2019. № 1(1). С. 55–58.
6. Лисоволик Я. БРИКС + новое видение экономической интеграции [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/briks-videnie-ekonomicheskoy-integratsii/> (дата обращения: 20.11.2019).
7. Лисоволик Я. БРИКС-плюс: альтернативная глобализация? [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/valday/BRIKS-plyus-alternativnaya-globalizatsiya-18973> (дата обращения: 20.11.2019).
8. Лисоволик Я. Переосмысление БРИКС: БРИКС+ и БРИКС++. 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pereosmyslenie-briks-briks-i-briks/> (дата обращения: 20.11.2019).
9. Михайличенко К. М. Роль Африки в инициативе Китайской Народной Республики «Один пояс и Один путь» // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. № 1. С. 60–68.

10. Шелепов А. В. БРИКС и международные институты: модели взаимодействия в процессе осуществления многостороннего управления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. № 4. С. 7–28.
11. Шубин В. Г. ЮАР в БРИКС: последняя по очереди, но не по важности // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 2. С. 229–247.
12. Ярыгина И. З., Боровикова О. А. БРИКС+ как фактор экономического роста и инвестиционного развития // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 4. С. 111–120.
13. Arapova E. Y. The “BRICS Plus” as the First International Platform Connecting Regional Trade Agreements // Asia-Pacific Social Science Review, 2019. N 19 (2). С. 30–46.
14. De Carvalho E. M. The risks associated with expanding the BRICS // Hermès, La Revue. 2017. N 3. С. 192–203.
15. Huang Maoxing, Tang Jie. Пути реформы механизма сотрудничества БРИКС // Китайская академия общественных наук [Электронный ресурс]. URL: http://news.cssn.cn/zx/bwyc/201808/t20180816_4543904.shtml (дата обращения: 20.11.2019) (кит.)
16. Jiang Shixue. Роль БРИКС в глобальном управлении // Contemporary World. 2017. N 10. Р. 29–32. (кит.)
17. Jingcheng Li, Pogodin S. “Made in China 2025”: China experience in Industry 4.0 // IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering 497 (2019) 012079 doi:10.1088/1757-899X/497/1/012079.
18. Lagutina M. BRICS in a world of regions // Third World Thematic: A TWQ Journal, 2019.
19. Larionova M., Sheleпов A. Is BRICS Institutionalization Enhancing its Effectiveness // The European Union and the BRICS: Complex Relations in the Era of Global Governance / M. Rewizorski (ed.). Springer, 2015.
20. Luckhurst J. Building cooperation between the BRICS and leading industrialized states // Latin American Policy. 2013. N 4 (2). Р. 251–268.
21. Lyu Ping. Анализ сотрудничества БРИКС с саммита в Йоханнесбурге: перспективы России // Journal of Latin American Studies 2018. N 6. Р. 46–65. (кит.)
22. Modi R. BRICS and Bilaterals: Synergies and Contestations // The BRICS and Beyond: The International Political Economy of the Emergence of a New World Order / L. Xing (ed.). Ashgate, 2014.
23. Wang Houshuang, Guan Hao, Huang Jinyu. Влияние механизма сотрудничества БРИКС на глобальную систему управления экономикой и механизмом инноваций // Asia-pacific Economic Review. 2015. N 3. Р. 3–8. (кит.)
24. Wang Yi. “BRICS Plus” pattern to fully release vitality of BRICS cooperation // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China [Электронный ресурс]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1489003.shtml (дата обращения: 20.11.2019).
25. Wu Leilei, Wang Junfeng. Платформа сотрудничества БРИКС и строительство новых международных экономических и торговых отношений в Китае // International Business Research. 2019. N 3. Р. 49–56. (кит.)
26. Xu Xiujun. Развитие исследований БРИКС и оценка его современного положения // Fudan International Studies Review. 2016. N 1. Р. 75–91. (кит.)

Об авторе:

Ли Цзинчэн, ассистент Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация); li_ts@spbstu.ru

References

1. Kirilenko V. P., Demidov D. G. Principles of Functioning of the Eurasian Economic Union (International Legal Aspects) // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. No. 3. Р. 83–89. (In rus)
2. Kokotsis E. G20 and BRICS: Increasing the Legitimacy of Decisions // Journal of International Organizations: Education, Science, New Economy [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika]. 2017. No. 2. Р. 194–210. (In rus)
3. Konyshchev V. N., Lagutina M. L. Is it possible to interface Chinese and Russian models of integration in Eurasia? // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. No. 11. Р. 57–67. (In rus)

4. Larionova M.V. Russian BRICS Chairmanship: Models of Interaction with International Institutions // Journal of International Organizations [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii]. 2016. V. 11. No. 2. P. 113–139. (In rus)
5. Li Jingcheng. Russia and China in economic cooperation with BRICS countries // Modern Oriental studies [Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniya]. 2019. No. 1 (1). P. 55–58. (In rus)
6. Lisovolik Ya. BRICS+ new vision of economic integration [Electronic resource]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/briks-videnie-ekonomicheskoy-integratsii/> (date of address: 20.11.2019). (In rus)
7. Lisovolik Ya. BRICS-plus: alternative globalization? [Electronic resource]. URL: <https://globalaffairs.ru/valday/BRIKS-plyus-alternativnaya-globalizatsiya-18973> (date of address: 20.11.2019). (In rus)
8. Lisovolik Ya. Reconsideration of BRICS: BRICS+ and BRICS++. 2017 [Electronic Resource]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pereosmyslenie-briks-briks-i-briks/> (date of the address: 20.11.2019). (In rus)
9. Mikhailichenko K. M. Role of Africa in the initiative of the People's Republic of China "One Belt and One Way" // Journal of PFUR. Series: Political science [Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya]. 2018. No. 1. P. 60–68. (In rus)
10. Shelepov A.V. BRICS and International Institutions: Models of Interaction in the Process of Multilateral Governance // Journal of International Organizations: Education, Science, New Economy [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika]. 2015. No. 4. P. 7–28. (In rus)
11. Shubin V.G. South Africa in the BRICS: Last But Not Least // Journal of international organizations [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii]. 2015. V. 10. No. 2. P. 229–247. (In rus)
12. Yarygina I. Z., Borovikova O.A. BRICS as a factor of economic growth and investment development // Economics. Taxes. Law [Ekonomika. Nalogi. Pravo]. 2019. No. 4. P. 111–120. (In rus)
13. Arapova E.Y. The "BRICS Plus" as the First International Platform Connecting Regional Trade Agreements // Asia-Pacific Social Science Review, 2019. N 19 (2). C. 30–46.
14. De Carvalho E. M. The risks associated with expanding the BRICS // Hermès, La Revue. 2017. N 3. C. 192–203.
15. Huang Maoxing, Tang Jie. Ways of reforming the BRICS cooperation mechanism // China Academy of Social Sciences [Электронный ресурс]. URL: http://news.cssn.cn/zx/bwyc/201808/t20180816_4543904.shtml (accessed: 20.11.2019) (in Chinese)
16. Jiang Shixue. The role of BRICS in global governance // Contemporary World. 2017. N 10. P. 29–32. (in Chinese)
17. Jingcheng Li, Pogodin S. "Made in China 2025": China experience in Industry 4.0 // IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering 497 (2019) 012079 doi:10.1088/1757-899X/497/1/012079.
18. Lagutina M. BRICS in a world of regions // Third World Thematic: A TWQ Journal, 2019.
19. Larionova M., Shelepov A. Is BRICS Institutionalization Enhancing its Effectiveness // The European Union and the BRICS: Complex Relations in the Era of Global Governance / M. Rewizorski (ed.). Springer, 2015.
20. Luckhurst J. Building cooperation between the BRICS and leading industrialized states // Latin American Policy. 2013. N 4 (2). P. 251–268.
21. Lyu Ping. Analysis of the BRICS cooperation since the Johannesburg Summit: Prospects for Russia // Journal of Latin American Studies 2018. N 6. P. 46–65. (in Chinese)
22. Modi R. BRICS and Bilaterals: Synergies and Contestations // The BRICS and Beyond: The International Political Economy of the Emergence of a New World Order / L. Xing (ed.). Ashgate, 2014.
23. Wang Houshuang, Guan Hao, Huang Jinyu. The influence of the BRICS cooperation mechanism on the global economic management system and the innovation mechanism // Asia-Pacific Economic Review. 2015. N 3. P. 3–8. (in Chinese)
24. Wang Yi. "BRICS Plus" pattern to fully release vitality of BRICS cooperation // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China [Электронный ресурс]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1489003.shtm (accesed: 20.11.2019).
25. Wu Leilei, Wang Junfeng. The BRICS cooperation platform and the construction of new international economic and trade relations in China // International Business Research. 2019. N 3. P. 49–56. (in Chinese)
26. Xu Xiujun. Development of BRICS research and assessment of its current status // Fudan International Studies Review. 2016. N 1. P. 75–91. (in Chinese)

About the author:

Li Jingcheng, lecturer of the Graduate School of International Relations of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint-Petersburg, Russian Federation); li_ts@spbstu.ru

Стратегический анализ внедрения цифровых технологий в процессы управления городом

Дмитриева О. В.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; Olesya.dmitrieva@icloud.com

РЕФЕРАТ

Цель статьи — провести стратегический анализ внедрения цифровых решений в управлении городом, с этой целью была рассмотрена международная практика цифровой трансформации таких городов, как Сингапур, Шанхай, Гонконг, Лондон и Барселона, а также выявлены успешные практики внедрения цифровых решений в Москве.

Учитывая экономический и демографический рост городов во всем мире, современные реалии ставят принципиально новые задачи для сферы городского управления и развития.

В этих условиях происходит постепенный пересмотр подходов к управлению городским развитием, которое все больше опирается на передовые технологические решения, цифровизацию и платформизацию.

Ключевые слова: стратегический анализ, стратегические приоритеты, цифровые решения, «умный» город, цифровизация

Для цитирования: Дмитриева О. В. Стратегический анализ внедрения цифровых технологий в процессы управления городом // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 121–128.

The Strategic Analysis of Digital Solutions Implementation in the Urban Governance

Olesya V. Dmitrieva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; Olesya.dmitrieva@icloud.com

ABSTRACT

The article aimed to conduct strategic analysis of digital solutions implementation in the urban governance. For that purpose international practice of digital transformation of such cities as Singapore, Shanghai, Hong Kong, London and Barcelona was discussed and the best practices of digital solutions implementation in Moscow and other Russian regions were identified.

Taking into account cities economic and demographic growth in the modern world, the new reality possesses principally new tasks in the sphere of urban governance and development.

There is a gradual revision of the governance of urban development approaches under these conditions. It is increasingly based on advanced technological solutions, digitalization and platformization.

Keywords: strategic analysis, strategic priorities, digital solutions, smart city, digitalization

For citing: Dmitrieva O.V. The Strategic Analysis of Digital Solutions Implementation in the Urban Governance // Administrative consulting. 2020. N 3. P. 121–128.

В условиях цифровизации¹ экономики концепция «умного» города получила распространение во многих странах мира: от передовых стран с развитой рыночной

¹ Цифровизация — замена аналоговых (физических) систем сбора и обработки данных технологическими системами, которые генерируют, передают и обрабатывают цифровой сигнал о своем состоянии. В широком смысле — процесс переноса в цифровую среду функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями (Центр стратегических разработок, доклад «Возможен ли в России технологический рывок?» <https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf> [глоссарий, с. 12]).

экономикой до стран с формирующимися рынками (далее — СФР). Уровень развития «умных» городов в разных странах различен как по совокупности компонентов, так и по отдельным функциональным областям. Составляющие проекта «умных» городов различны, поскольку на данный момент не существует конкретных общепринятых критериев оценки «умного» города. Однако выделяется ряд элементов цифровизации экономики, относящихся к компонентам реализуемых стратегий создания «умных» городов.

«Умный» город — это инновационный город, который внедряет комплекс технических решений и организационных мероприятий, направленных на достижение максимально возможной эффективности управления ресурсами и предоставления услуг, в целях создания устойчивых благоприятных условий проживания и пребывания, деловой активности нынешнего и будущих поколений [4; 5].

К компонентам «умного» города (или функциональным областям) традиционно относят следующие [3]:

- транспорт (интеллектуальные транспортные системы, системы оплаты за пользование инфраструктурой, «умные» парковки, информационное оповещение для граждан, экологичный личный и общественный транспорт);
- энергетика («умные» счетчики энергопотребления, управление конечным потреблением, инфраструктура электротранспорта, возобновляемая генерация);
- коммунальные услуги («умные» счетчики водопотребления, контроль водопотребления, обнаружение утечек и управление чрезвычайными ситуациями, инновационные методы очистки воды, мониторинг времени работы машин коммунальных служб);
- городская среда (контроль уровня загрязнения воздуха и уровня шума, «умное» освещение, «умная» утилизация отходов, мониторинг дорожного покрытия, управление градостроительством и землепользованием, социальные сервисы);
- безопасность («умное» видеонаблюдение, связь граждан с экстренными службами, системы распознавания номерных знаков автомобилей и выстрелов из огнестрельных оружия для оперативных действий спецслужб);
- «умный» дом (удаленное управление зданием и квартирой, «умные» приборы, «умные» приложения, энергоэффективное проектирование зданий).

Рассматривая реализацию концепции развития «умных» городов в соответствии с методологией стратегирования иностранного члена РАН, доктора экономических наук, профессора В.Л. Квинта [1; 2; 6], можно сформировать четкую структуру в анализе существующего тренда.

В рамках методологии В.Л. Квинта одними из важных этапов поиска стратегических приоритетов при формировании стратегии являются анализ международных трендов и оценка существующих международных стратегий. На примере крупных городов разных стран можно выявить основные стратегические приоритеты их развития.

Одним из ярких примеров развития «умных» городов можно назвать Сингапур. Это город представляет интерес в области создания безопасной и комфортной городской среды, повышения качества городских услуг и жизни горожан. С 2014 г. правительством Сингапура реализуется проект Smart Nation («Умная нация»), объединяющий чиновников, предпринимателей и ученых. Идея данного проекта состоит в стимулировании внедрения инноваций в правительственный сектор, улучшении качества государственных услуг и налаживании связи с гражданами. Проект «Умная нация» предполагает, что экономика, а также связи между правительством и обществом должны стать цифровыми. В электронную форму переводятся все документы и платежи. На единой платформе оказываются услуги в области здравоохранения, образования и других сферах.

Помимо этого, в Сингапуре в рамках создания «умного» города и комфортной среды планомерно сокращается энергопотребление в домах, увеличиваются зеленые насаждения, происходит оптимизация системы сточных вод¹.

Несмотря на то, что Сингапур является одной из наиболее передовых стран Азии, не меньших результатов в освоении стратегических аспектов развития «умного» города добились такие города региона, как Гонконг и Шанхай.

Власти Шанхая реализуют стратегические приоритеты стимулирования инвестиций в инновационные компании в зоне свободной торговли, уделяют повышенное внимание вложениям в инфраструктуру для технологий и намерены обеспечить весь город сверхскоростным мобильным интернетом. Также в сфере повышенного внимания находятся транспортные приложения и борьба с нелегальными таксистами. Поскольку в Шанхае наблюдается стратегическая тенденция быстрой урбанизации и рост города как по численности, так и по застройке новыми кварталами, в рамках концепции «умного» города стоит задача сокращения энергопотребления в домах, а также снижения выхлопных газов автомобилей и загрязнения воздуха от промышленных предприятий.

Данные мероприятия должны способствовать повышению качества жизни горожан и гостей города, сделать удобной окружающую среду.

В исследовании компании McKinsey в использовании «умных» решений в разных городах мира² по перечню из 21 «умного» решения Шанхай занимает первое место в рейтинге (табл.). Результаты исследования показали, что более 40% жителей Шанхая, имеющих доступ к интернету, хотя бы раз в жизни использовали каждое из 21 «умного» решения. Для примера: в таких городах, как Париж, Лондон, Барселона и Берлин доля таких жителей составляет 20–30%. Кроме того, по данным исследования McKinsey, Шанхай лидирует в рейтинге стран по статистике использования гражданами каршеринга (31% населения города), «умных» счетчиков потребления воды (32%) и электроэнергии (37%), а также термостатов (30%) и по ряду других показателей.

Для Гонконга проблемы выхлопных газов от автомобилей, загрязнение воздуха и сокращение энергопотребления в домах так же, как и для Шанхая, являются наиболее актуальными в настоящее время. Для их решения в Гонконге открыт портал контроля качества воздуха (PAQman), а также внедряются технологии информационного моделирования зданий и оптимизации их энергоэффективности.

Гонконг входит в лидирующую группу городов, жители которой используют «умные» решения в своей повседневной жизни. Число горожан Гонконга, хотя бы раз использовавших каждое из 21 «умного» решения, находится в диапазоне 30–40%, немного уступая Шанхаю по данному показателю. При этом Гонконг в исследовании McKinsey лидирует по такому показателю, как доля лиц, использовавших когда-либо приложения для знакомства и общения с людьми, живущими по соседству (32% жителей).

Из европейских городов наибольших успехов в реализации концепции «умного» города достигли Барселона и Лондон.

В Лондоне реализован широкий спектр технологических решений для анализа данных. В рамках плана «Умный Лондон» реализовано множество проектов, включая создание технологических лабораторий и прикладных решений в различных областях жизни города. Наиболее активно их развитие в области транспорта. На

¹ Города, управляемые данными [Электронный ресурс]. URL: https://www.pwc.ru/ru/government-and-public-sector/assets/ddc_rus.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

² Технологии умных городов: что влияет на выбор горожан? [Электронный ресурс]. URL: https://www.mckinsey.com/ru/~/_/media/McKinsey/Industries/Public%20Sector/Our%20Insights/Smart%20city%20solutions%20What%20drives%20citizen%20adoption%20around%20the%20globe/smartcitizenbook-rus.ashx (дата обращения: 20.02.2020).

**Вовлеченность населения в процессы использования «умных» решений
в разных городах**

Table. Involvement of the population in the processes of using "smart" solutions
in different cities

Доля населения, пользующегося цифровыми решениями	Города	Доля пользователей умных решений среди взрослого населения	Осведомленность взрослого населения об умных решениях	Средний возраст взрослого населения (старше 18 лет)
Более 40%	Шанхай	52%	72%	40
30–40%	Сингапур, Дубай, Москва, Гонконг, Сан-Паулу, Сеул, Мехико, Нью-Йорк	36%	61%	41
20–30%	Париж, Лондон, Барселона, Берлин	25%	55%	47
Менее 20%	Мельбурн, Токио	15%	36%	47

Источники: Технологии умных городов: что влияет на выбор горожан? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/ru/our-insights/smart-city-solutions-what-drives-citizen-adoption-around-the-globe> (дата обращения: 20.02.2020).

основе обрабатываемых данных Управление транспортом Лондона осуществляет планирование маршрутов общественного транспорта и адресное информирование жителей в случае ремонтных работ. Реализована платформа Talk London и аппараты Vox Vox¹, посредством которых жители могут принять участие в управлении городом. В рамках реализации проекта «Умный город» разрабатывается платформа, которая будет обрабатывать имеющиеся функциональные и территориальные данные, анализировать их и визуализировать в 3D-формате. Вопросами развития и внедрения технологических решений в сфере управления городом занимаются такие организации, как Европейский институт инноваций и технологий (ICT Labs), Академия управления бизнесом в сфере цифровых технологий (Digital Business Academy) в партнерстве с бизнес-инкубатором для технологических стартапов (Tech City UK) и университетским колледжем Лондона (University College London).

Городские власти Барселоны активно внедряют технологии для управления городским хозяйством и стратегическое планирование городского развития. Технологические решения используются во всех сферах жизни города: транспорте, коммунальных услугах, здравоохранении, безопасности, окружающей среде. Главные инновационные решения реализованы в сфере городской инфраструктуры: «умное» освещение, «умные» сети электроснабжения, системы дистанционного управления водными ресурсами (система полива, фонтаны), «умная» система сбора мусора. На основе анализа данных в сфере транспорта разработана новая система автобусных маршрутов, установлены «умные» светофоры для оптимизации транспортного движения в режиме реального времени. Не первый год функционирует и система «ум-

¹ Города, управляемые данными [Электронный ресурс]. URL: https://www.pwc.ru/ru/government-and-public-sector/assets/ddc_rus.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

ного» паркинга, позволяющая обнаружить свободные парковочные места и забронировать их в режиме онлайн¹.

В исследовании доступности решений «умного» города McKinsey², столица Каталонии находится в лидирующей группе по использованию систем велопроката (31% жителей), уступая в этом рейтинге только Шанхаю. По статистике использования приложений по аренде жилья Барселона также находится среди городов-лидеров.

Среди остальных городских агломераций, где успешно реализуются стратегии развития «умных» городов, можно выделить Нью-Йорк, Берлин, Париж, Сидней, Мельбурн, Сеул, Дубай, Мехико, Сан-Паулу, Москву и многие другие. Со временем их число вырастет, поскольку для большинства граждан крупных городов становятся очевидными преимущества от пользования подобными решениями.

Следуя методологии стратегирования В.Л. Квинта, после проведения анализа глобальных и международных трендов, необходимо перейти к рассмотрению региональной конъюнктуры.

Преимущества «умных» городов видят и в России. Реализовать данные решения можно, прежде всего, в крупных городах страны. По данным Минстроя России³, 74% населения страны живет в городах, при этом 15 городов являются миллионниками. Решения «умного» города на федеральном уровне видятся в энергоэффективности и автоматизации зданий, улучшении качества ЖКХ, в безопасной и комфортной среде и мобильности населения, участии горожан в принятии решений и эффективной системе управления городом.

Исходя из вышеуказанных решений сформулированы следующие принципы «умного» города:

- ориентация на человека;
- «умное» ЖКХ;
- качество управления городскими ресурсами и эффективное городское планирование;
- комфортная и безопасная городская среда;
- экономика сервиса.

В рамках реализации стратегических приоритетов «умного» города в России уже реализуется национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (с так называемым «банком решений умного города» и отобранными пилотными городами) и приоритетный проект «ЖКХ и городская среда», в соответствии с которым используются меры мотивации регионов к развитию (субсидии, рейтинг глав субъектов, индекс городской среды) и совершенствуется законодательство в данной области.

Реализация проекта «умного» города, по мнению федеральных властей, способствует достижению целей стратегического развития регионов за счет реализации принципов открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов.

Необходимость развития проектов «умных» городов возникла в связи с появлением тенденции на цифровизацию российской экономики, которая должна стать одним из новых стратегических факторов долгосрочного экономического роста. По

¹ Города, управляемые данными [Электронный ресурс]. URL: https://www.pwc.ru/ru/government-and-public-sector/assets/ddc_rus.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

² Там же.

³ «Умный город»: новая эпоха развития городской инфраструктуры // Приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды и ЖКХ» [Электронный ресурс]. URL: http://gorodsreda.ru/upload/iblock/00e/prezentatsiya_umnyy-gorod_-14.03.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

мнению экспертов по цифровым технологиям глобальной экспертной группы Digital McKinsey¹, эффект от цифровизации экономики позволит получить 19–34% общего увеличения ВВП России к 2025 г., а доля цифровой экономики в ВВП страны с 2015 по 2025 гг. должна вырасти втрое. При этом значительная часть эффектов от цифровизации экономики напрямую связана с ожидаемыми результатами реализации проектов «умных» городов.

Отдельное внимание в рамках проекта «умного» города в России уделяется интеллектуальной транспортной инфраструктуре (далее — ИТС) — системе, которая использует различные инновационные разработки для управления автомобильными потоками, предоставляет участникам движения большую степень безопасности и осведомленности дорожной ситуацией, по сравнению с традиционными транспортными системами. В рамках этой системы применяются информационные и коммуникационные технологии в сфере автотранспорта. Для России транспортная инфраструктура является наиболее актуальной проблемой как с точки зрения качества дорожного покрытия большинства дорог и пропускной способности трасс.

В экосистему «умных» дорог включают решения для сбора и обработки данных о транспортных средствах и дорожной инфраструктуре с целью принятия решений², включая:

- детекторы транспортного потока;
- адаптивные («умные») светофоры;
- средства автоматической фиксации нарушений ПДД;
- электронные средства безостановочной оплаты проезда;
- паркоматы;
- подключенные информационные табло;
- системы автоматизированного управления освещением;
- другие подключенные объекты (например, автоматические дорожные метеостанции, дорожные контроллеры и пр.);
- системы GPS/ГЛОНАСС.

Из числа крупных населенных пунктов наибольшее распространение ИТС получила в Москве — лидере среди городов России в части реализуемых решений «умного» города. Более того, Москва входит в группу городов-лидеров по использованию решений «умного» города на мировой арене, а по некоторым показателям возглавляет рейтинг.

Общая характеристика Москвы как города с использованием «умных» решений состоит в следующем:

- активное внедрение современных технологических решений на основе данных в большинство сфер городского управления, высокая степень готовности городских систем для их внедрения;
- использование данных обсуждается в основном на уровне городской власти, при этом академическое сообщество и частные компании вовлечены в этот процесс незначительно;
- делается упор на работе с населением, онлайн-сервисах, транспорте и безопасности в освоении технологий «умного» города.

Основные усилия руководства Москвы направлены на оптимизацию трафика (общественный транспорт, маршруты, парковки), создание сервисов государствен-

¹ Цифровая Россия: новая реальность [Электронный ресурс]. URL: https://www.mckinsey.com/ru/~/_media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx (дата обращения: 20.02.2020).

² Интеллектуальная транспортная инфраструктура (ИТС) России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 20.02.2020).

ных услуг (подача и оформление документов онлайн), расширение количества камер видеонаблюдения (хранение и использование их записей)¹.

Проект «Мобильный инспектор» позволил вдвое сократить время оформления аварии, разгрузить дороги в городе и более эффективно использовать время дорожных инспекторов. Более половины дорожных нарушений в Москве регистрируются и оформляются сегодня в электронном виде.

Использование «умных» технологий в коммунальных услугах

В коммунальной сфере Москвы используется мониторинг времени работы машин коммунальных служб и планирование их маршрутов в режиме реального времени. Сформирован единый центр информации о проектах в области развития и реконструкции городской инфраструктуры.

Частично (преимущественно в новостройках) внедрены следующие технологии в коммунальном хозяйстве: «умная» вода (использование информации с датчиков для анализа спроса на воду и регулирования водоснабжения), «умные» электросети (с целью оптимизации потребления электроэнергии и потерь в сетях на основе анализа данных с датчиков).

«Умные» технологии стали эффективным инструментом контроля работы служб ЖКХ. Оснащение более 11 тыс. единиц коммунальной техники геоинформационными системами ГЛОНАСС позволяет выявлять недобросовестных подрядчиков, а фото- и видеофиксация нарушений — несанкционированные свалки мусора.

Технологии в сфере безопасности

В Москве размещены «умные» камеры видеонаблюдения (отправляющие сигналы в экстренные службы в случае непредвиденных ситуаций), используется ряд различных данных с целью предсказания потенциальных угроз общественной безопасности в городе. Гражданами используется приложение, позволяющее им сообщать о различных угрозах безопасности соответствующим службам в режиме реального времени. Внедрена система автоматического распознавания номерных знаков автомобилей.

В Москве реализована одна из самых масштабных и технологичных систем обеспечения безопасности. Эта система включает сеть видеокамер и Единый центр хранения и обработки данных (ЕЦХД). Более 137 тыс. камер охватывают транспортную сеть, культурные, спортивные и социальные объекты. Через общий портал работники городских служб получают доступ к данным. До 70% преступлений выявляется и раскрывается с помощью данной системы. При этом воспользоваться видеозаписью может любой гражданин, ставший свидетелем или участником происшествия.

Анализ существующей ситуации в полном объеме говорит о необходимости разработки Национальной стратегии устойчивого развития «умных» городов в России. Поэтапное внедрение всех стратегических приоритетов позволит, во-первых, улучшить качество жизни людей в городах, а во-вторых, создаст устойчивый базис для дальнейшего развития. Экоплатформы и сопутствующее оборудование позволяют России занять свою нишу на мировой арене технологических разработок. Безусловно, режим санкций сильно замедляет процессы внедрения цифровых решений, но при правильном распределении сырьевых доходов существует возможность фокусировки на отечественных разработках.

¹ Города, управляемые данными [Электронный ресурс]. URL: https://www.pwc.ru/ru/government-and-public-sector/assets/ddc_rus.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

В-третьих, цифровизация, проводимая в настоящее время в России, является первым шагом к трансформации всех существующих сфер жизни в рамках Четвертой промышленной революции. От того, насколько мы сможем принять вызовы будущего и использовать накопленные данные, искусственный интеллект, аддитивные технологии, будет зависеть дальнейшее развитие нашей страны.

Литература

1. Квинт В. Л. Разработка стратегии: мониторинг и прогнозирование внутренней и внешней среды // Управленческое консультирование. 2015. № 7. С. 6–11.
2. Квинт В. Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М. : Бюджет, 2012.
3. Таунсенд Э. Умные города, большие данные, гражданские хакеры и поиск новой утопии. М. : Изд-во Института Гайдара, 2019.
4. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2019.
5. Komninos N. The Age of Intelligent Cities. Smart environments and innovation-for-all strategies. New York : Routledge, 2015.
6. Kvint V. L. Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications. New York : Routledge, 2015.

Об авторе:

Дмитриева Олеся Викторовна, аспирант Московской школы экономики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); Olesya.dmitrieva@icloud.com

References

1. Kvint V. L. Strategy Development: Monitoring and Forecasting of Internal and External Environment // Administrative Consulting. 2015. № 7. P. 6–11. (In rus)
2. Kvint V. L. Strategic Management and Economics in the Global Emerging Market. M. : Budget, 2012. (In rus)
3. Townsend A. Smart Cities, Big Data, Civilian Hackers and the Search for a New Utopia. M. : Gaidar Institute, 2019. (In rus)
4. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. M. : Eksmo, 2019. (In rus)
5. Komninos N. The Age of Intelligent Cities. Smart environments and innovation-for-all strategies. New York : Routledge, 2015.
6. Kvint V. L. Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications. New York : Routledge, 2015.

About the author:

Olesya V. Dmitrieva, Postgraduate Student of the Moscow School of Economics of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); Olesya.dmitrieva@icloud.com

К 150-летию со дня рождения русского поэта, прозаика, публициста И. А. Бунина (1870–1953)

И. А. Бунин — публицист

О книге А. Измайлова «Ищу я в этом мире сочетанья...»: Этюды о публицистике И. А. Бунина (до 1920 г.)

Ким М. Н.

РЕФЕРАТ

Книга раскрывает ранний период жизни и творчества И. А. Бунина, время становления его как поэта, прозаика, публициста, литературного критика, показывает неразрывную связь его публицистических произведений с прозой и поэзией.

Ключевые слова: И. А. Бунин, раннее творчество, публицистика

I. A. Bunin — Publicist. About New Book of A. Izmailov “I Am Looking for a Union in this World...”: Sketches on the Publicism of I. A. Bunin (until 1920)

Maksim N. Kim

ABSTRACT

The book reveals the early period of Life and Creativity of I. A. Bunin, the time of his formation as a poet, prose writer, publicist, literary critic, shows the inseparable connection of his journalistic works with prose and poetry.

Keywords: I. A. Bunin, early creativity, journalism

А. Измайлов. «Ищу я в этом мире сочетанья...»: Этюды о публицистике И. А. Бунина (до 1920 г.). СПб.: ГАЛАРТ+, 2019. 232 с., илл.

ISBN 978-5-90609-027-0

В текущем году весь культурный мир отмечает 150-летие со дня рождения русского поэта, прозаика, публициста, лауреата Нобелевской премии по литературе Ивана Алексеевича Бунина.

В Указе Президента РФ от 30 июля 2018 г. № 464 «О праздновании 150-летия со дня рождения И. А. Бунина» отмечалось: учитывая выдающийся вклад И. А. Бунина в отечественную и мировую культуру и в связи с исполняющимся в 2020 г. 150-летием со дня его рождения рекомендовать органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации принять уча-

ствие в подготовке и проведении мероприятий, посвященных празднованию 150-летия со дня рождения И. А. Бунина.

В Научную библиотеку СЗИУ поступила новая книга Альберта Измайлова «Ищу я в этом мире сочетанья...: Этюды о публицистике И. А. Бунина (до 1920 г.)».

Книга в русле литературного процесса раскрывает ранний период жизни и творчества И. А. Бунина, время становления его как поэта, прозаика, публициста, литературного критика, показывает неразрывную связь его публицистических произведений с прозой и поэзией, что его публицистика не замыкалась на общественно-политической тематике, ее проблематика и жанры были намного шире: это и духовно-нравственные, эстетические проблемы, вопросы народного, сословного характера и быта; это и рецензии, и критика, и публичные выступления, и воспоминания, и эпистолярный жанр, и дневники, и материалы для художественных произведений.

Движение литературного процесса русской литературы на стыке веков, в конце XIX — начале XX вв., было не так многолико. Литературный процесс формировался из литературных произведений, в которых проявлялось своеобразие эпохи. Среди читательской популярности возвышался чеховский «Вишневый сад», были востребованы толстовские «Воскресенье» и «Живой труп», горьковское «На дне», розановская «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского», андреевская «Бездна», бунинские «Антоновские яблоки»...

Если Л. Андреев в публицистике — «репортер жизни», то Бунин в публицистике — поэтический свидетель жизни. Суждения о бунинской позиции в литературе и публицистике до сих пор остаются дискуссионными. Идеиные взгляды Бунина и Л. Андреева на будущее России совпадали в том, что ни первый, ни второй не могли принять Россию, попадающую под внешнее управление.

Следует отметить, что журналистика 1880–1890-х годов в России отличалась усилением цензуры, административным вмешательством в дела редакций, поддержкой проправительственных изданий. Вместе с тем в этот период росли число и тиражи газет, в том числе религиозных, торговых, правоведческих, искусствоведческих, военных... газеты все сильнее проникали в деревни.

Публицисты писали о роли интеллигенции в общественной жизни, о труде мужчин и женщин в городе и деревне, показывали несправедливость общественных отношений, которая вела к нужде, бедствиям, болезням. Публицисты видели будущее социального устройства России в развитии общинного земледелия, выступали против отчуждения крестьянских наделов, доказывали необходимость раздела помещичьих земель, необходимость уравнительного землепользования.

В публицистике Бунина есть одна главная тема, с которой связаны почти все его переживания и размышления, — тема России. Эта тема сопряжена с древней историей, народной памятью, живописной русской природой. В его текстах нет «громоздкой эпической России Льва Толстого, нет загадочной и скорбной России Достоевского, нет замученной Руси Глеба Успенского и нет той Руси, которая, по словам Гоголя, — несется как „необгонимая тройка“».

«Публицистическая грация» Бунина отличалась удивительным сочетанием черт классицизма и модернизма, экзотики и мистики. Может быть, интуитивно в ней угадывалось прозрение глубоких внутренних связей «нашей России» и «древней Руси». И постепенно в его текстах все уверенней, объемней начинает вставать Человек, с его болями и страстями, печалью и любовью.

В основе публицистики Бунина «пристрастный» документ о злобе дня, сочетаемый со взглядом автора «с позиций вечности». И выбранный, вставленный, обдуманый «документ» (факт, событие) трактуется им как часть событий, как фрагмент в неизменном потоке бытия.

Его исследовательский литературный талант раскрыл, как в прозе, так и в публицистике, суть русской деревни в предреволюционный и революционный пери-

од, деревни темной и страстной, бесшабашной и циничной, в глубине своей тоскующей по чистой счастливой жизни. Осветил малопонятную проблему сочетания барского двора и крепостной деревни, сочетания разгульной барской крови в жилах мужиков и их жестокий запал противопомещичьих бунтов.

Книга написана на основе исследования архивных, научных, литературных источников, публичных выступлений, воспоминаний очевидцев и предназначена для всех, кто интересуется историей литературы, публицистики, литературной критики, настоящим и будущим России.

Об авторе:

Ким Максим Николаевич, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор филологических наук; kim-mn@sziu.ranepa.ru

About the author:

Maksim N. Kim, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philology), kim-mn@sziu.ranepa.ru

Рецензия на коллективную монографию — сборник статей «Война между государствами — великое зло» К 110-летию А. А. Громыко

Межевич Н. М.

**A Review of Collective Monograph — Collection of Articles Entitled
“War Between States — Great Evil”. To the 110th Anniversary of A. A. Gromyko**

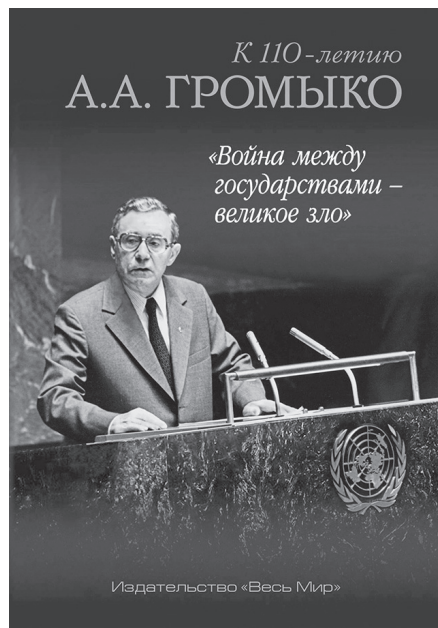
Nikolay M. Mezhevich

«Война между государствами — великое зло». К 110-летию А. А. Громыко /
Институт Европы РАН, Ассоциация внешнеполитических исследований
им. А. А. Громыко; [Общая редакция Ал. А. Громыко]. М. : Издательство «Весь
Мир»; ИЕ РАН, 2019. — 490 с., ил.

ISBN 978-5-7777-0792-5 («Весь Мир»)

ISBN 978-5-98163-139-9 (ИЕ РАН)

Представляемая книга посвящена 110-летию со дня рождения выдающегося советского государственного деятеля, политика, дипломата и ученого Андрея Андреевича Громыко.

Жанр книги правильнее определить как смешанный, или пограничный: в нее вошли архивные документы, интервью, воспоминания дипломатов и ученых, вспоминающих свои встречи с А. А. Громыко, труды ученых, изучающих его творчество, библиография работ министра.

Значительная часть книги — это воспоминания о дипломате и его времени. Позволю себе минуту воспоминаний. Почти 30 лет назад Президент СССР М. С. Горбачев подписал указ о формировании советской государственной делегации на переговорах с Эстонской республикой. Руководителем делегации был назначен Анатолий Александрович Собчак, а два сотрудника Комитета по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга, Владимир Евгеньевич Чуров, ныне Чрезвычайный и Полномочный Посол, и я, приняли на себя задачи обеспечения переговорного процесса. С тех далеких пор и по сегодняшний день, посещая здание Министерства иностранных дел, я каждый раз обращаю внимание на уникальное сочетание

проверенных традиций и актуальных новшеств в деятельности МИДа. Традиции не возникают сами по себе, они формируются людьми. Традиции, заложенные Андреем Андреевичем Громыко, оказались настолько прочными, что пережили «лихие девяностые» и сегодня укрепляются и обновляются в соответствии с требованиями глобальной повестки дня.

Не имея возможности даже издалека увидеть Андрея Андреевича Громыко, мне довелось пообщаться с людьми его школы. Именно таким был Посол по особым поручениям Василий Васильевич Свирин, руководитель Российской государственной делегации на переговорах с Эстонией, который не раз и не два находил время обратиться к молодежи и рассказать о том, что советское дипломатическое искусство не всегда было в ореоле побед. Это было очень важно в начале девяностых годов, когда даже Эстонская дипломатия пыталась выступать с позиции силы.

Десятилетия дипломатической службы Андрея Андреевича Громыко убедительно подтвердили то, что было известно еще при Светлейшем князе А. М. Горчакове: Дипломатия — это искусство, с помощью которого государство может укрепить свои позиции даже в тех случаях, когда сухой математический расчет обрекает его на поражение.

Открывая представляемый сборник, министр иностранных дел России С. В. Лавров говорит о своем предшественнике Андрее Андреевиче Громыко. Он пишет о том, что А. А. Громыко «почти три десятилетия бесценно стоял у руля дипломатического ведомства страны» (с. 6). Очень жаль, что критические для страны годы, конец 1980-х, страна прошла без опытного капитана дипломатической службы. Этот тезис проходит красной нитью во многих воспоминаниях о А. А. Громыко.

Среди множества интересных статей сборника выделяется материал Беннета Джила «Андрей Громыко как мастер ведения переговоров: взгляд из Форин-офиса». Б. Джил в 1995–2005 гг. работал главным историком Министерства иностранных дел и по делам Содружества Великобритании. По его мнению, А. А. Громыко «превзошел своих предшественников не только по длительности своей полувековой службы, за время которой произошли значительные изменения почти во всех сферах международной жизни, но и по своей способности настойчиво пропагандировать политику правительства, вежливо, гибко, а порой, хотя и дружелюбно, абсолютно бескомпромиссно» (с. 53).

Формула: «гибко — дружелюбно — бескомпромиссно» практически идеально описывает дипломатический стиль А. А. Громыко.

Еще один важный момент подчеркивает А. А. Бессмертных — президент Международной внешнеполитической ассоциации, председатель Всемирного Совета бывших министров иностранных дел, министр иностранных дел СССР (1991). Он пишет о том, что А. А. Громыко «воспринимался многими политическими деятелями за рубежом как некий живой монумент трагической и одновременно великой эпохи победы над германским нацизмом, итальянским фашизмом и японским милитаризмом. Их потрясала одна мысль о том, что он был в одном кругу с Рузвельтом, Сталиным, Трумэнном, Черчиллем, де Голлем, общался с ними, вел переговоры. Участвовал в Ялтинской, Потсдамской конференциях лидеров великих держав. Подписывал Устав ООН. Голосовал за создание Израиля» (с. 62). Действительно, молодость хороша в спорте, в дипломатии и государственном управлении важнее опыт. Сегодня мы наблюдаем это явление на переговорах Президента России с зарубежными партнерами, на которых А. А. Громыко присутствует незримо.

Обращение к прошлому особенно значимо в том случае, если этого требует настоящее. В своей статье «Дипломатия позитивного действия» член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН Ал. А. Громыко справедливо указывает на программную позицию министра, связанную с разумным балансом интересов сто-

рон, основанную на политике здравого смысла, «дипломатии как искусству возможного, инструменту достижения равновесного состояния международных отношений с опорой на систему сдержек и противовесов» (с. 94). Сегодня, в эпоху «игр с нулевой суммой», такая позиция выглядит как труднодостижимая цель.

Политическая карьера не всегда сочетается с жизненной траекторией, у кого-то звездный час приходится на середину жизни, но главные победы из длинного списка побед министра пришлось на 1980-е годы. В статье «Венец дипломатии Андрея Громыко (к истории советско-американских отношений)» справедливо отмечено то, что «в сентябре 1984 г. по инициативе американцев в Вашингтоне прошла встреча Андрея Громыко с Рональдом Рейганом. “Соединенные Штаты, — заявил Рейган, — уважают статус Советского Союза как сверхдержавы (“superpower”), и у нас нет желания изменить его социальную систему”» (с. 112). Можно только догадываться, с каким интересом Рейган смотрел на человека, который делал большую политику еще с Ф.Д. Рузвельтом.

В 1985 г. А.А. Громыко успел стать Председателем Президиума Верховного Совета СССР, т.е. де-юре главой государства, для сохранения и процветания которого он так много сделал.

Политическая биография и мемуарная литература — непростой жанр, особенно в тех случаях, когда речь идет о людях, облеченных доверием власти и общества. Управление государством или его важнейшей сферой — внешней политикой — тяготеет к искусству. Изучение этого опыта представляется обязательным не только для специалистов в сфере международных отношений, но и специалистов, теоретиков и практиков в сфере государственного и муниципального управления.

Представляемая книга предназначена, конечно же, для дипломатов, исследователей, преподавателей и студентов, изучающих международные отношения, и для всех интересующихся теорией и практикой государственного управления.

Об авторе:

Межевич Николай Маратович, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

About the author:

Nikolay M. Mezhevich, Professor of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Владимир Львович Квинт — ведущий ученый в области экономической стратегии, доктор экономических наук, профессор политической экономики, иностранный член Российской академии наук. Почетный доктор и профессор ряда вузов мира, в том числе Северо-Западного института управления РАНХиГС. Лауреат научной премии имени М. В. Ломоносова I степени за цикл работ «Теория стратегии и методология стратегирования». Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Квинт В. Л. Концепция стратегирования : монография. — Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2020. — 170 с.

ISBN 978-5-8353-2562-7

В 2019 году в Северо-Западном институте управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации был издан первый том двухтомника «Концепция стратегирования» В. Л. Квинта. Издание сразу оказалось библиографической редкостью. В конце 2019 года книга стала лауреатом Всероссийской общественной премии «Экономическая книга года».

В связи с большой востребованностью издания губернатор Кузбасса Сергей Евгеньевич Цивилев принял решение опубликовать значительным тиражом данную книгу (с дополнениями). Этой работой открывается публикация Библиотеки «Стратегия Кузбасса», приуроченная к 300-летию этого важнейшего региона Сибири.

In 2019, Professor Vladimir L. Kvint, Foreign Member of the Russian Academy of Science, released the first volume of his two-volume book, The Concept of Strategizing. It was published by the North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation. The publication immediately gained great popularity and became scarce.

At the end of 2019, the monograph was honored with the Russian national award for “Economic Book of the Year”.

Due to high demand for the publication, the Governor of the Kuzbass Region of Russia, Sergey E. Tsvilev, decided to publish this book, with additions, in a significant print run.

This is the first work included in the newly opened “Strategy of Kuzbass” Library, dedicated to the 300th Anniversary of this most important region in Siberia.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать *реферат* (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без *реферата* (на русском и английском языках) не рассматриваются. *Реферат* не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В *реферате* обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названиях статьи.

Введение (*Introduction*)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (*Results*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (*Discussion*)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Список литературы (References)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ статьи в научных журналах:

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2020. № 3(135)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 01.03.2020.

Подписано к печати 15.03.2020.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 11,29. Тираж 200 экз.

Заказ № 3/20.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61

Тел. (812) 335-94-97